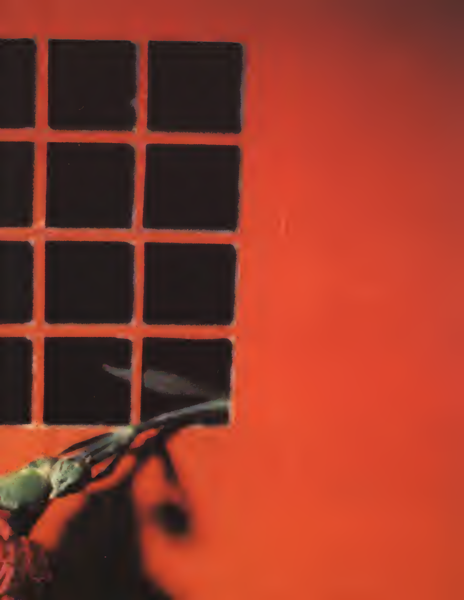

ВОЛЬДЕМАР БАЛЯЗИН,
[illegible] МОРОЗОВА

НАСТАНЕТ ГОД

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

ОЛЬГА ВАРЕНЦОВА

ВОЛЬДЕМАР БАЛЯЗИН,
ВЕРА МОРОЗОВА

НАСТАНЕТ ГОД

Повесть
об Ольге Варенцовой

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1989

ББК 84Р7
Б21

Вольдемар Балязин — писатель, кандидат исторических наук. Его перу принадлежит повесть «Дорогой богов», исторический роман «За светом идущий», несколько научно-популярных книг. Вера Морозова — прозаик, посвятившая свое творчество одной теме — женщинам-революционеркам. Она автор повестей «Клавдичка», «Дом на Монетной», «Мост вздохов», «Всероссийский розыск» и др. В книге «Настанет год» В. Балязин и В. Морозова впервые выступают в качестве соавторов. Их повесть посвящена Ольге Афанасьевне Варенцовой, члену РСДРП с 1893 г., активной участнице Октябрьского вооруженного восстания в Москве, руководителю ряда губернских, областных и городских партийных большевистских организаций, секретарю Военного бюро при МК РСДРП (б), партийному публицисту. Рассчитана на широкий круг читателей.

Б $\frac{0503020300-106}{079(02)-89}$ 174—89

ISBN 5—250—00418—0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Близился полдень. Солнце поднималось все выше, и морозный день разгорался все ярче. Сквозь заиндевевшие стекла окон в дом Варенцовых проникали мягкие и ласковые солнечные лучи.

Оленька следила, как полнится светом дом, как бегут лучи по желтым дощатым стенам, по самотканым дорожкам, укрывшим половицы, как сверкают они в начищенных подсвечниках, стоящих на конторке отца, и веселыми зайчиками отпрыгивают от большого зеркала, недавно появившегося в парадной горнице, где сейчас училась она чтению с приходящей к ним в дом наставницей.

Оленька поглядывала на окно, и тогда узоры на стеклах оживали. Вот по сказочному лесу проносился волк с оскаленной пастью, вот притаилась в сугробе лисица, а там прятался заяц...

На грудах валежника спал, посасывая лапу, медведь. Снежные сугробы зажали поляну с орешником. Лось, пригнув голову, выставил ветвистые рога. Вершины длинноствольных берез разрезали небо. И девочке с мечтательными синими глазами хотелось в такие вот причудливые и сказочные лесные дали...

Но исчезал белый лес, убегали и улетали прочь волшебные звери и птицы, и оставался лишь скрип раскачиваемых ветром ветвей. Он становился все

громче, все противнее, раздавался все ближе и оказывался вдруг человеческим голосом, звучащим под самым ухом.

— Отроковице надлежит быть смиренной, боголюбивой, отца и мать почитающей...— Желтолицая Евпраксия, едва шевеля узкими губами, медленно и негромко читала книгу, подражая и тоном, и манерой знакомому священнику. Всю книжную науку она переняла от отца Федора, которого почитала за премудрость и благочестие.

Отроковица Оленька, которой недавно сравнялось девять лет, сидела рядом с Евпраксией и косилась в окно — в белый морозный двор, где дедушка Дементий, сбросив нагольный полушубок, колол дрова — сухие и звонкие. Она уже перестала рассматривать разрисованное морозом стекло и изо всех сил старалась заставить себя слушать то, что читала Евпраксия, но смысл слов ускользал от нее, и она снова уносилась в иные дали, а надоедливый, противный голос будто уходил куда-то...

— Отроковице надлежит быть покорной, к молитве и работе усердной,— продолжала Евпраксия, глядя в книгу и оттого не замечая, как девочка вовсе не слушает скучных, надоевших прописей.

А Оленька смотрела на двор, но видела иное. О многом вечерами рассказывал на кухне дедушка Дементий, когда собирались после ужина конюх, работники, кухарка и она, хозяйская дочка, больше всего любившая такие вот вечера у теплой печи, за выскобленным добела столом, когда шуршат за печью невидимые тараканы, робко и тихо попискивает сверчок да чуть потрескивает лучина, зажатая в железном поставце.

Дедушка Дементий, дальний отцов родственник, живет в доме Варенцовых не из милости, но трудом соб-

ственных рук и, охочий до всякой работы — на конюшне ли, в огороде ли, в доме ли,— сидит на лавке у теплой печи, положив тяжелые ладони на колени, и говорит негромко, распевно, по-волжски окая:

— А вот еще доводилось слышать: жил в деревне Жары, что у Мизгириного болота, мужик по имени Кондратий, по прозванию Боченков...

— Дедушка,— чуть слышно, чтобы не мешать другим слушать, спрашивает Оленька,— почему болото называется Мизгириным? — Ей все хочется знать, понимать всякое незнакомое слово, чтобы потом рассказывать своим друзьям — куликовским ребятам, которые и грамоты не знают. и рассказчиков таких, как дедушка Дементий, не слушают.

— Мизгирь, дитятко,— это паук. Мухолов, стало быть. На болоте, про которое нынче сказываю, пауков, или же мизгирей, видимо-невидимо. Оттого и прозвание такое болоту дадено.

Оленька умолкает, представляя поросшее кустами болото, где от одной ветки к другой тянутся серо-белые нитки паутины, почти такие же, как на ткацких станках в доме, в светелке, а в середине этих сотканных мизгирями тенет покачиваются страшные мохнатые кровососы — мухоловы. Отгоняя холодящий душу страх и отчетливо подступающее к горлу отвращение, Оленька заставляет себя вернуться в избу — к весело потрескивающей лучине, к добрым, выцветшим от старости глазам дедушки Дементия, к стрекоту сверчка.

Рассказ дедушки Дементия кажется девочке интереснее любой сказки: в сказках короли и королевны живут за тридевять земель, в тридесятом царстве, а здесь все происходит в знакомых деревнях, на соседнем болоте, в монастыре, который хорошо виден, если подняться на горку, что в трех верстах от их деревни.

— Сказывают, что в прежние времена на Красной горке битва была,— полувопросительно произнесла кухарка — дебелая, нестарая баба с отечным лицом; руки ее, открытые до самых локтей, были измазаны тестом.

— Была,— согласился дедушка Дементий. И замолчал, задумавшись.

— О чем ты, дедушко? — спросила Оленька.

— Горку-то допреж того Медвежьей звали. В буераках она стояла, в дремучих лесах. Медведей вокруг нее видимо-невидимо. С тех пор как битва случилась, стали звать ее Красной — столь много крови христьянской пролито на ней было,— тихо и печально отозвался Дементий.

— И чего это людям неймется — все промеж себя дерутся, а зачем — не понятно? — словно близким эхом откликнулась кухарка.

— Как — не понятно? Понятно-то все,— проговорил Дементий, скручивая самокрутку,— только мужикам-то от этих войн какая корысть? Это господам нашим, Блудовым,— выгода. Они и помещиками стали, почитай, первыми в губернии, и к царям поближе придвинулись, а мы как гнулись на них, так и ныне гнемся.

Оленька и сейчас, желая все понять, спросила:

— Почему так-то, дедушко?

Дементий улыбнулся ласково:

— Если всю жизнь свою будешь над этим думать, и многих умных людей о том спрашивать, и мудрые книги станешь читать, то, может, к старости сама себе и ответишь.

* * *

Грамоты и умения учить у Евпраксии хватило ненадолго. Когда Ольге сравнялось двенадцать лет, отец отдал ее в школу при больнице для чернорабочих.

Больница была — беднее некуда, а школа при ней — и того хуже. За три года девочка прошла курс приходской школы и стала сведуща в законе божьем, искусна в церковном пении, преодолела книжную премудрость церковнославянского языка, получила начальные сведения и кое-какие навыки в арифметике и письме.

Главными в школе были священники и дьяконы, а если мелькала фигура не в рясе, а в партикулярном платье, то оказывалось, что учитель или учительница в свое время закончили епархиальное или церковно-учительское училище и все равно прежде всего радели о благочестии и благочинии своих питомцев.

Учение в школе подходило к концу, когда родители задумали отдать Олю в монастырь, потому что не знали, как уберечь ее от мирских бед и невзгод, а паче того — спасая дочь от соблазнов. Оленька плакала и умоляла отца, Афанасия Алексеевича, не делать этого. Отец хотя и бывал в своих намерениях тверд, все же ничего с кондачка не делал. Да и недругом дочери не был, любил ее и по-отцовски жалел.

Как-то по весне Афанасий Алексеевич, сказавшись, что уезжает по важному делу, отправился куда-то и через двое суток возвратился домой мрачнее тучи. В ту ночь они не сомкнули глаз. До Оленьки доносились приглушенные голоса родителей да тихое поскрипывание половиц под осторожными шагами отца — когда отец волновался, он расхаживал из угла в угол, и, судя по тому, что на сей раз ходил он чуть ли не час, тревога его была сильной.

На следующее утро мать была необыкновенно нежна с Ольгой, и, когда гладила дочь по голове, девочка заметила в ее глазах слезы.

— Чего вы, мама? — спросила Ольга, удивленная и испуганная.

И мать зашептала с горькой горячностью:

— Чуть не погубили мы тебя, доченька. Спасибо отцу, Афанасию Алексеевичу, поехал в обитель, куда собирались мы отдать тебя. Да только обитель та в праздничный день оказалась не божьим домом, а вертепом, и все господа, купцы, офицеры и чиновники, какие на монастырский праздник понаехали, не о спасении души старались... своим пьянством и буйством Афанасия Алексеевича удивили. А ведь он, слава богу, в своем-то купеческом сословии, по ярмаркам да по фабрикам скитаясь, чего только не видывал!..

Ольга отодвинулась от матери, свела темные брови. Стояла закусив губу. И глаза потемнели от возмущения. Она распрямилась и словно стала выше ростом.

И в первый раз мать, Мария Осиповна,— женщина добрая и набожная — увидела в лице дочери не просто обиду — гнев.

— Что ты, доченька! — испугалась Мария Осиповна.— На кого зло держишь? На отца?

— Я — человек! И разве меня без спросу, как вещь, куда вздумается, отдавать можно?

— Так ведь не отдали.

— Но ведь хотели.

— Хотели, видит бог, хотели,— вздохнув, согласилась мать.

Ольга повернулась и пошла к себе в комнатку. А Мария Осиповна подумала: «Хорошо еще, что не все я ей сказала. Пусть думает, что отец от своей затеи сам отказался».

* * *

А произошло вот что.

Афанасий АлексеевичВаренцов к тому времени, как дочь его пошла в школу, стал купцом второй гиль-

дии и, будучи фабрикантом, торговцем и домовладельцем, пользовался соответствующим кредитом и пропорциональным своему состоянию уважением среди собратьев по сословию. Он не был на короткой ноге с миллионщиками Иваново-Вознесенска, владельцами больших мануфактур — Гарелиными, Морозовыми, Куваевыми,— однако предприниматели среднего достатка считали его своим. Ближе других Афанасий Алексеевич сошелся с фабрикантом Прокофием Сусловым.

Многое роднило Варенцова и Суслова: оба были в недавнем прошлом крепостными, и у того и у другого было по две дочери — помимо Ольги у Варенцова появилась младшенькая, Аннушка,— оба тянулись к книгам, хотя Суслов преуспел в этом более, нежели Афанасий Алексеевич. И тому были свои причины.

В молодости Прокофий Суслов состоял при графе Дмитрии Николаевиче Шереметеве, человеке добром и просвещенном. Граф Дмитрий Николаевич по отцу был одним из богатейших дворян Российской империи. Матерью его была крепостная актриса Параша Жемчугова — дочь горбатого, больного чахоткой деревенского кузнеца, ставшая венчанной женой графа благодаря необыкновенному таланту.

С первой же встречи граф Дмитрий Николаевич обратил внимание на молодого крестьянина Прокофия Суслова — грамотного и непьющего, взял его из имения в Горбатовском уезде Нижегородской губернии в свой петербургский дом.

Дмитрий Николаевич не ошибся — новый его дворовый оказался честным, необычайно умным, любознательным, а со временем сделался и широко образованным.

Из простого дворового он через двадцать лет стал управляющим всеми шереметевскими имениями и, выйдя на волю, остался в прежней должности, купив в Пе-

тербурге собственный дом, заведя выезд и отдав двух своих дочерей — Аполлинарию и Надежду — в хороший частный пансион в Москве.

Дочери, закончив пансион, вернулись в Петербург. Там они охотно посещали университетские лекции, проявив подлинную страсть к образованию. Старшая, Аполлинария, литературно одаренная, познакомилась с известным писателем Федором Михайловичем Достоевским и с его помощью опубликовала в журнале «Время» свой первый рассказ.

Младшая же сестра, Надежда, уехала за границу, где окончила медицинский факультет, став первой русской женщиной-врачом.

Потом Прокофий Суслов переехал в Иваново-Вознесенск.

Дочери фабриканта Суслова появлялись у своего отца, привозя множество книг и не меньшее число удивительных рассказов о жизни в Петербурге и Москве, о новостях политических, литературных и научных. В доме Суслова с годами собралась одна из лучших библиотек Иваново-Вознесенска. Были у Прокофия Суслова сочинения Чернышевского, Писарева, Некрасова, Щедрина. В особом шкафу находились книги Достоевского, Златовратского, Успенского.

К нему-то и заехал на обратном пути из монастыря Афанасий Алексеевич, не решив окончательно судьбу дочери.

Суслов встретил Варенцова радушно, но Афанасий Алексеевич заметил в глазах его скрытую озабоченность.

Суслов — не просто умница, но человек и наблюдательный, и проницательный — понял, что Варенцов чем-то взволнован.

— Чаю не прикажешь подать? — спросил Суслов, желая разрядить напряженность.

Варенцов отказался. Суслов внимательно на него посмотрел.

— Разговор у меня к тебе,— печально отозвался гость.

Они прошли в кабинет. Суслов плотно прикрыл дверь. Варенцов молчал.

— Неустойка какая в делах? — осторожно осведомился хозяин.

— Неустойка,— печально усмехнулся Афанасий Алексеевич.— Дочь у меня выросла, а дочь, как говорится, чужое сокровище. Ее холь да корми, учи да стереги да в люди отдай.

— Не гневи господа, Афанасий,— повеселел Суслов.— Беда-то не такая большая... Твоя Оленька — многим добрый пример. Чего это ты?

— Что делать, Прокофий, ума не приложу. Ученье кончила. Дальше бы в гимназию, да где она у нас? А в Москву посылать — и накладно, и боязно.

— Ну и что надумал?

— Решил в монастырь определить.

Суслов с молчаливой укоризной покачал головой.

— Да кабы знать, что будет моя Ольга, как твои дочери, ученой да знаменитой, ничего бы для нее не пожалел,— проговорил Варенцов.

— Да откуда тебе знать, кем она станет? — с несвойственной ему горячностью заявил Суслов.

— Или ты, Прокофий, лучше меня Ольгу знаешь?

— Я своих дочерей лучше тебя знаю. Впрочем, о Надежде говорить что-либо худое не могу, а вот Аполлинария...

— А что Аполлинария? Писательница, на всю Россию известна,— возразил Варенцов.

Суслов молчал, отведя глаза в сторону.

— Ты «Преступление и наказание» Достоевского читал? — вдруг спросил Суслов.

— Не довелось,— удивившись неожиданности вопроса, отозвался Варенцов.

— А «Бесов»?

— «Бесов» Федора Достоевского ты сам мне давал. Я и прочел. А что?

— А то, что в «Преступлении и наказании» Авдотья Романовна — сестра Раскольникова, как злословят недруги мои, написана Достоевским с моей Аполлинарии. А в «Бесах» с нее же написана Лиза Дроздова.

— Ну и ну,— удивился Варенцов.

— То-то и оно, Афанасий. Трудный характер у Аполлинарии. Ни жалости, ни уважения не испытывает к людям. Черства она сердцем. Сам не пойму, в кого она такая уродилась! А твоя дочь — человеколюбивая. Нет в ней ни эгоизма, ни самолюбования. Из таких, как она, выходят подвижницы и великомученицы, да только таким великомученицам не в наших монастырях место.

— А где же?

— В жизни, Афанасий.

— Что ей в жизни этой делать?

— Что сможет.

— А многого ли достигнет?

— Думаю, многого. Во всяком случае, чего бы ни достигла — все ее. И не будет на тебе греха, что помешал жить, как она сама захотела. Каждый человек должен жить свободным. Неужели я, рожденный крепостным, должен говорить это тебе, в прошлом такому же крепостному?!

Афанасий Алексеевич, поднявшись, истово перекрестился и поклонился.

Так и осталась Ольга Варенцова дома.

В 1877 году открылась в Иваново-Вознесенске женская гимназия и оказалась она гимназисткой первого класса. Шел ей шестнадцатый год.

Поздновато, правда, да не одна она была в таком положении.

К тому же Оленька Варенцова — хрупкая, невысокого роста — и не похожа была на румяных, дородных купеческих дочек. На худеньком лице ее выделялись глаза. Большие и добрые. Глаза смотрели на мир, удивляясь и вопрошая.

* * *

В 1883 году, окончив седьмой класс Иваново-Вознесенской женской гимназии, Ольга Варенцова уехала в губернский город Владимир. Уехала, чтобы поступить в выпускной класс Владимирской губернской женской гимназии, дававший выпускницам право занимать должности домашних учительниц или преподавать в начальных классах русский язык и арифметику.

Ольге шел двадцать второй год — возраст вполне самостоятельный,— и родители предоставили ей возможность самой устроиться на новом месте.

* * *

В выпускном классе Владимирской губернской женской гимназии в 1883/84 учебном году обучалось всего семь девушек. Ольга подружилась с одной их них, Варенькой Златовратской, сестрой известного тогда писателя Николая Николаевича Златовратского.

Вскоре Варенька позвала Ольгу в гости. Было начало осени, и город еще сохранял зелено-золотой наряд вишневых садов, сбегающих по холмам к тихой неширокой Клязьме. На Зачатьевском валу стояли сочные травы и поздние цветы держали на высоких стеблях белые и желтые головки.

Дом Златовратских — совсем новый, добротный, на каменном фундаменте, с бревенчатым вторым этажом —

выходил одной стеной на Ильинскую улицу, второй — на Сергиевскую. Из-за невысокого забора виднелись ветви вишен и яблонь.

Варенька открыла калитку — за чистым двором лежали огородные грядки, а между ними желтели ноготки и алели последние, наполовину облетевшие маки. Резное крыльцо укрывал остролистный плющ. Листья — темно-зеленые, плотные, блестящие, словно покрытые воском. Полыхали крупные красные головки георгинов.

Ольгу встретила маленькая, щуплая старушка с необыкновенно лучистыми глазами.

— Это матушка моя, Мария Яковлевна,— представила старушку Варенька.

Ольга улыбнулась. И когда в ответ ей улыбнулась Мария Яковлевна, девушка поняла, почему этот дом такой теплый, такой светлый и почему в нем так много цветов.

В парадной горнице к Ольге вышли сразу три девушки — сестры Вареньки, все гладко причесанные, в платьях одинакового покроя, сшитых из домотканого холста, и чертами лиц весьма схожие друг с другом.

— Елена, Мария, Магдалина,— представились они поочередно, и Ольге стало ясно, что аккуратность, чистота и цветы скрывают бедность. И еще она отметила, что восемнадцатилетняя Варвара единственная из всех не похожа ни на одну из сестер.

Варвара была голубоглазой смешливой толстушкой с вьющимися белокурыми волосами. Внешность ее не соответствовала характеру, который успела узнать Ольга. Вдумчивая, серьезная, она имела особенное пристрастие к социальным вопросам, что и сближало с нею Ольгу.

Варенька повела Ольгу в свою комнатку: стол, два табурета, деревянная кровать с подушечками и белоснежным покрывалом, на столе — подсвечник с сальной

свечой, на стене — фотография очень худого мужчины с окладистой бородой и ясноглазой женщины.

— А это мой знаменитый брат со своей женой, Стефанией Августовной,— проговорила Варенька чуть смущенно.

Ольга с интересом поглядела на фотографию: брат Вареньки был почти столь же знаменит, как Салтыков-Щедрин или Некрасов.

— Твой брат болен? — спросила Ольга.

— Ничуть. Просто когда они повенчались — эта фотография сделана в день свадьбы,— брат мой был так голоден, что в церкви, стоя под венцом, едва не упал в обморок. Батюшка оказался догадливым и сократил обряд.

Варенцова вздохнула:

— На кого ни погляди — всем худо. Мужикам в деревнях и голодно и холодно, работникам на фабриках — и того хуже. Я думала, писатели хорошо живут — и здесь тоже одни несчастья.

— В настоящее время брат не голодает,— сказала Варенька.— Это было в ту пору, когда он только-только начинал заниматься литературой. Трудно ему пришлось. Имени не было, издатели в него не верили и печатать не хотели.

Варенька помолчала немного, а потом с присущей ей доверчивостью и откровенностью добавила:

— Отец Стефании Августовны был очень недоволен ее браком с братом. Он считал нас нищими и не ждал от этого брака ничего хорошего.

— А сам-то он был состоятельный? — спросила Ольга.

— Во Владимире его считают одним из лучших врачей. Лечит он богачей да чиновников, и, конечно, его дом не чета нашему — подают в хрустале и на серебре, держит свой выезд, имеет и кучера, и кухарку, и горничную.

— Девушки! — позвали снизу,— стол накрыт, идите чаю откушать!

...Тепло и покойно было Оле за этим столом. Вишневое варенье, яблочный пирог украшали стол. Домовито фырчал самовар, грудь его украшали медали Тульского завода. Потрескивали угольки, изредка вспыхивали огоньки, падая на начищенный медный поднос.

Ольгу радовала большая семья, собравшаяся за столом. «Хорошо-то как,— подумала она,— словно домой вернулась».

...Год, который ей предстояло прожить во Владимире, был одним из самых счастливых в ее жизни, и немалую роль сыграл в этом дом Златовратских.

* * *

Заниматься в гимназии было интересно. Особенно привлекали Варенцову уроки русского языка. Ей разрешили практиковаться, и она давала уроки неуспевающим гимназисткам третьего класса. Ей нравилось учительствовать, объяснять и растолковывать непонятное. Она радовалась, что выбрала такую профессию.

Вечера Ольга проводила за чтением. Вечерние сумерки наступали рано, и плотная чернота поглощала гористые улочки и переулки Владимира. Варенька познакомила ее со своими друзьями — гимназистами и реалистами выпускных классов. Оказывается, в городе была великолепная общественная библиотека, собранная гимназистами и их родителями по собственному почину.

Когда Ольга, сопровождаемая Варенькой, пришла впервые в эту библиотеку, у нее буквально захватило дух. Она жадно оглядывала полки, заставленные книгами. Богатство... Настоящее богатство...

Библиотека размещалась в трех больших комнатах полуподвала. Хозяином дома был архитектор Филаретов,

два сына которого учились в гимназии. Постоянными читателями библиотеки были их сверстники. И сейчас Ольга застала здесь гимназистов.

Появление Вареньки никого не удивило, зато Ольга поймала на себе несколько любопытных взглядов. В свою очередь она тоже с интересом поглядывала на собравшихся. И сразу же выделила высокого юношу с большим чистым лбом. Юноша стоял на лестнице и выискивал книгу на верхних полках.

— Кто это? — спросила Ольга Вареньку негромко.

— Сергей Шестернин. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

Ольга кивнула.

— Познакомьтесь, Сережа,— Ольга Варенцова, моя подруга.

Шестернин чуть наклонил голову.

Немного смущаясь, Ольга спросила нового своего знакомца:

— Что бы вы посоветовали взять мне для чтения? Я здесь впервые и не знаю, какие в библиотеке имеются книги.

— Читали вы Мордовцева?

— Только «Новые русские люди».

— И понравилась книга?

— Понравилась.

— Тогда возьмите его же «Знамения времени».

— Эта книга тоже о народовольцах?

Шестернин утвердительно кивнул.

— Вы знакомы по литературе с народовольцами? Правда, ее очень мало, но все же...

— Все, что могу достать, прочитываю с жадностью. Глыбы, настоящие глыбы эти люди! — воскликнула Ольга. И получила в ответ такой красноречивый взгляд, что мгновенно поняла: перед ней бесспорный единомышленник.

Разговорившись с Сергеем, Ольга узнала, что он, так же как и она, уже прочел «Что делать?» Чернышевского и считает эту книгу подлинной программой действий. Очевидно, поэтому рекомендовал и роман Омулевского «Шаг за шагом», в котором, по его словам, очень умело и умно развивались идеи Чернышевского. К сожалению, книги Омулевского на полке не оказалось.

Оля об Омулевском не слышала и решила непременно книгу прочесть, как только роман возвратится в библиотеку.

Сергей по части серьезных книг оказался намного начитаннее Ольги. Он посоветовал прочеть «Политическую экономию» Милля и две книги Флеровского: «Положение рабочего класса в России» и «Азбуку социальных наук».

С каким упоением Ольга окунулась в новый для нее мир идей и политики! Как разительно отличалось все это от гимназической мертвечины!

По совету Шестернина Ольга вошла в кружок самообразования, состоявший из гимназистов — постоянных читателей этой удивительной библиотеки. Чтение запрещенной литературы, свободный обмен мнениями по политическим вопросам выработали собственное мировоззрение Ольги. «История цивилизации в Англии» Бокля, «История возникновения и влияния рационализма в Европе» Лекки были первыми камнями в фундаменте, на котором Ольга попробовала строить систему своих взглядов.

Генри Томас Бокль поразил Ольгу безграничной верой в силу разума и торжество прогресса, ненавистью к мракобесию и реакции. Из этого труда Бокля Ольга впервые узнала о взаимосвязи географической и природной среды с развитием производства, о движении населения, об активном воздействии просвещения на развитие экономики и политических институтов государства.

Другой англичанин, Вильям Эдуард Лекки, познакомил ее с рационализмом — философским течением, признающим разум не только главной и единственной силой познания, но и основой человеческой этики, фундаментом взаимоотношений между людьми. Лекки как бы продолжил то, о чем только что поведал ей Бокль. Однако в отличие от него книга Лекки опиралась не на опыт одной страны, а на умственную историю всей Европы, и в центре его внимания оказались история и идеи всего континента.

Дополнив круг чтения «Сказками», «Современной идиллией» и «Господами ташкентцами» Салтыкова-Щедрина, совсем по-другому рассказывавшему не об Англии и Европе, а о России, Ольга по-иному стала воспринимать происходившие события, пытаясь их осмыслить, пытливо вглядывалась в жизнь, будто до той поры жила в долгих серых сумерках.

Теперь, приходя в библиотеку, Ольга не только слушала, о чем спорят собравшиеся там гимназисты, но и сама стала активно участвовать в разговорах.

Споры увлекали не сами по себе: она хотела убедиться в том или ином положении, перебрав все возможные возражения и альтернативы. Сергей Шестернин оказался очень ценным человеком, подлинным лоцманом в книжном море. Как-то Оля спросила его:

— Каким образом подобралась столь редкая и необычная библиотека? Кто собирал все это? И почему каждая вторая книга будто нарочно посвящена проблемам, которые больше всего интересуют молодых людей?

Сергей весело улыбнулся и с удовольствием рассказал:

— История довольно любопытная. Знаешь, кто отец моего одноклассника Смирнова? Помощник полицейского исправника. Должен сказать, что Смирнов — хороший товарищ и по стопам отца, конечно, не пойдет. Так вот,

Смирнов-отец принес домой «Список книг, запрещенных к обращению в библиотеках и читальнях». Смирнов показал этот список, мы его скопировали и решили: если цензура и полиция считают эти книги вредными, значит, именно их-то и следует нам прочесть. И вот уже четвертый год кое-кто из московских владельцев книжных лавок — старинщиков, как они сами себя называют,— время от времени присылает нам посылочки.

Однажды, придя в библиотеку, Ольга услышала, что на днях во Владимир приедет Николай Николаевич Златовратский. Варенька подтвердила это и, зная, как ценит Ольга книги брата, пригласила ее к себе домой. Николай Николаевич, приезжая в город, всегда останавливался в родном доме.

Вечером самая большая горница в доме Вареньки была битком набита родственниками и гостями. Собралось человек двадцать, и Ольга с удовольствием отметила, что большинство собравшихся ей знакомы. Кроме Златовратских было здесь и немало кружковцев. Ольга заметила и сына помощника исправника Смирнова, и Александра Браудо. Личность Александра Браудо вызывала интерес. Три года назад его исключили из гимназии. Во время панихиды во Владимирском соборе по убиенном народовольцами императоре Александре II он вдруг негромко, но достаточно четко пропел: «Ах вы, Сашки-канашки мои, разменяйте мне бумажки мои». Скандал был большой. Рядом с Браудо сидел Федор Козлов — купеческий сын, отличавшийся от многих своих сверстников аскетизмом и фанатичным упрямством средневекового схимника. Истощен он был до крайности: щеки ввалились, нос заострился. Вот уже третий год ограничивал себя во всем: питался хлебом и квасом, изредка позволяя себе постные щи и кашу без масла. Он решил «пойти в народ» и есть хлеб, выращенный собственными руками.

А чуть в сторонке, спрятав под стол босые ноги, сидел незнакомый Ольге высокий длинноволосый красавец — статный и голубоглазый. Он глядел на собравшихся по-детски чистыми глазами и, немного смущаясь, гладил переплет книги. Живописную внешность босоногого гостя дополнял то ли бурнус, то ли тога, сшитая из куска белой холстины.

По краю его экзотического одеяния, опоясанного тяжелой железной цепью, толстыми черными нитками были вышиты четыре буквы: «Д. Н. С. Д.»

Ольга настороженно оглядела незнакомца и чуть слышно спросила у Вари:

— Кто это?

— О, это большой оригинал,— отозвалась Златовратская.— Он появился неподалеку от Владимира, в Шуе, года два назад. Зовут его Яков Сметкин. Он живет у своего дяди по матери — рабочего Рассадина. Живет не в доме, а в большой бочке, внутри исписанной стихами Некрасова. Да и сам он сочиняет вирши.

— Что означают буквы на его тунике? — спросила Ольга.

— Друг народа Сметкин-демократ.

— А что за книга у него в руках?

— Библия,— ответила Варенька.— Он не расстается с нею и, говорят, знает наизусть.

— Что же столь заядлому праведнику делать в таком кружке, как наш?

— О, теперь Яша читает не только Библию. Он пристрастился и к нашим книгам и везде, где может, рассказывает о прочитанном. Пересказ революционных брошюр, дополненный евангельскими текстами, производит на малограмотных рабочих и особенно крестьян прелюбопытнейшее действие: они верят Яше больше, чем революционеру-пропагандисту. Яша ходит по ярмаркам, по деревням, по рабочим казармам и говорит о зле и

добре, о справедливости и несправедливости, о правде и лжи, о бедности и богатстве.

— А где же Николай Николаевич? — спросила Ольга.

— Сейчас должен быть. Обещал вернуться к семи часам, решил навестить в городе старых знакомых.

Ольга взглянула на часы. Стрелки приближались к семи. В прихожей скрипнула дверь, и в горнице показался сутулый, бородатый мужчина лет сорока пяти. Глаза его, живые и быстрые, излучали доброту и ум. Почти все собравшиеся встречались с Николаем Николаевичем и раньше, поэтому разговор за столом сразу же стал совершенно откровенным.

Больше других говорил сам Николай Николаевич. Круглое лицо его горело румянцем.

— Идите на помощь крестьянину,— говорил Златовратский.— Крестьянин страдает от нищеты и бесправия, к тому же настоящая правда находится только в деревне: ведь община правильно распределяет землю между всеми и никого не оставляет без земли. Более того, земля периодически распределяется в соответствии с числом членов в каждой семье. В городах же всеми делами заведуют чиновники, в городских думах сидят практически одни богатые люди. В деревне, наоборот, все взрослое население выбирает из своей среды сельских старост, волостных старшин и прочих должностных лиц. Споры между членами общины разрешают старики — мир. Таковы устои деревенской жизни. И еще, крестьяне являются основной производительной силой, значит, сельская община послужит основой будущего социалистического строя в России. А мы, господа, всегда должны помнить, что живем за счет крестьян и трудом на пользу деревни должны наконец-то уплатить свой долг народу.

Сергей Шестернин, дождавшись конца тирады, тотчас же возразил Златовратскому:

— Позвольте, Николай Николаевич, разве не вы

совсем недавно утверждали нечто иное? Как все это странно... Варенька,— обратился Сергей к девушке,— у вас, конечно, есть «Очерки деревенского настроения»?

Варенька не отрывала восторженных глаз от оживленного лица брата. Она не сразу поняла слова Шестернина. И, покраснев от неудовольствия, протянула ему том «Отечественных записок». Сергей поблагодарил кивком головы и, быстро отыскав нужное место, прочел:

— «В образе Колупаева воплотил народ ту «бескровную революцию», которую так любят воспевать наши славянофилы, в лице его он выпустил мстителя за столетия бесправия, но мстителя не кровавого вроде Стеньки Разина, то зверски-удалого, то великодушного, а мстителя более страшного и убийственного: подземного червя, гадину, пресмыкающуюся и увертливую, омерзительную и жадную, но неуклонно подтачивавшую и уже почти сглодавшую все корни барских устоев... Гадко, отвратительно, невозвышенно, не поэтически совершилось русское деревенское перерождение, но тем не менее единственным результатом освободительной реформы явилось создание Колупаева. Теперь в деревне господствует толстый, с багровым, оплывшим лицом, грубый, грязный, утробный кулак, зверски холодно и безучастно стукающий шашками засаленных счетов; рядом с ним рука об руку мундирный человек, беспечно пускающий вверх струйки папиросного дыма и постоянными кивками головы подтверждающий справедливость вычислений своего соседа, и, наконец, перед ними обоими распростертая фигура мужичонки».

— Так кто же правит делами деревни — мир или кулаки? — задиристо спросил Сергей после недолгого молчания.

Златовратский задумался.

— Сказанное мною сегодня не противоречит написанному три года назад,— проговорил он с напором.—

В некоторых деревнях власть забрали кулаки, но есть и такие, где община не дает мироедам подмять под себя бедноту.

— Много ли таких-то? — перебил Златовратского Сергей; в голосе его слышалась ирония.

— Пока еще много,— раздумчиво проговорил Николай Николаевич,— но если смотреть правде в глаза, то время работает на кулака.

— Время работает на капитализм, кулак и есть сельский капиталист,— вступил в разговор Александр Браудо, потирая высокий лоб,— и потому в сражении между патриархальной общиной и молодым капиталистическим хищником — кулаком — победит конечно же кулак.

— Не думаю, не думаю,— отозвался Златовратский.— Русский мужик — стихийный социалист. Сельская община существует несколько веков. Она пережила и княжеские междоусобицы, и татарское иго, и боярское самовластье, и самодержавный деспотизм Рюриковичей и Романовых. Переживет она и кулака. Ведь именно община оказалась для кулака той питательной средой, на которой он вырос и развился. Может быть, со временем кулак-то трансформируется и составит своеобразный симбиоз с общиной. Наконец, община тоже не необитаемый остров. Она окружена новыми социальными отношениями. По ее землям прокладываются железные дороги, в ее селах открываются больницы и школы. Мы, русские интеллигенты, можем создать собственные образцовые артели, к чему призывают нас и Чернышевский и Омулевский, можем и обязаны на хорошем примере показать народу, как следует жить и хозяйствовать.

Молодые люди с интересом слушали Николая Николаевича. Более всего им нравилось, что в картинах, которые рисовал Златовратский, молодежи отводилось

важное место и предлагалось большое, благородное и нелегкое дело.

Подумать только: стать образцом для униженного и обобранного младшего брата, вывести его на широкую и ясную дорогу! Что могло быть заманчивее и прекраснее?

И потому, закончив спор, взволнованные и счастливые, кружковцы, перед тем как разойтись, встали вокруг стола и крепко взялись за руки. Шестернин посмотрел на Вареньку и мягко попросил:

— Споем перед уходом нашу любимую... Запевай, Варенька...

«Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою;
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою»,—

высоким, хорошо поставленным голосом начала девушка, и все подхватили:

«Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых».

И, чувствуя свою сопричастность с теми, кого они никогда не видели, но о ком сложена была эта песня, кружковцы с юношеским воодушевлением выговаривали слова самоотречения:

«Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники нас ссылают,
Пусть — мы все казни пройдем».

Они расходились по домам поздним вечером. На душе у Варенцовой было светло.

* * *

Ольга с отличием окончила гимназию и стала собираться домой — в Иваново-Вознесенск. Ненадолго, впрочем. Всего на одно лето.

Печально было ей расставаться с друзьями. Привыкла она и к Вареньке, и к Сергею Шестернину. Утешало только одно: многие из них, окончив гимназию, уезжали в другие города, в университеты — Московский, Петербургский, Казанский. Уезжал и Шестернин. Он решил стать адвокатом, чтобы защищать простых людей от произвола властей. Его дорога вела в Москву.

Туда же поближе к осени собиралась уехать и Ольга; в Москве находились Высшие женские курсы профессора Герье. Там она хотела завершить свое образование.

Перед тем как разъехаться по разным городам, кружковцы в последний раз собрались в одном из номеров вокзальной гостиницы.

Душой кружка был Николай Александрович Добротворский — семинарист, не закончивший курса. Биография у него примечательная: четыре года назад он покушался на жизнь владимирского полицейского пристава. Быть бы Добротворскому на каторге, но местные врачи убедили и губернатора, и жандармов, что Николай Александрович в момент покушения действовал в состоянии аффекта и потому, как душевнобольной, уголовной ответственности не подлежал. Их ученые свидетельства были признаны основательными, и Добротворский отделался административной ссылкой в Вятку на три года. Там он, занимаясь сочинительством, работал статистиком в земстве, а несколько месяцев назад, по истечении срока, возвратился во Владимир.

Ему было двадцать шесть. Высокий, худой, молчаливый, с небольшой черной бородкой и высоким лбом,

Добротворский с первого же взгляда производил сильное впечатление. Он носил высокие блестящие сапоги, красную рубашку навыпуск и широкополую черную шляпу.

Когда Ольга и Варя пришли в номер гостиницы, там уже было накурено и шумно.

Добротворский, резко взмахивая рукой, говорил убежденно:

— Мы все — социалисты и народники. Мы глубоко верим, что только социалистический строй даст счастье всему народу и каждой отдельной личности. В России именно крестьянство с его общиной, самоуправлением и артелями является носителем общинных социалистических идеалов. Еще в семидесятых годах народники двинулись в деревню с проповедью социализма. К сожалению, народ разбудить им не удалось, и результаты революционной работы оказались незначительными. И в наше время не следует рассчитывать на восстание крестьян или на создание среди них революционных кружков. А что же мы можем? Мы можем путем пропаганды привлекать к себе отдельных крестьян. Большие надежды мы возлагаем сегодня на интеллигенцию, точнее, на молодежь. Нужно развивать революционный дух молодежи, нужно сплачиваться в тайные кружки. Россия покроется тайными революционными кружками, они объединятся вокруг исполнительного комитета. Так будет обеспечена победа грядущего затем восстания и будет захвачена власть. Но для захвата власти нужно время...— Добротворский беспомощно улыбнулся и развел руками.— Пока мы будем мстить правительству за наших товарищей, погибших на виселицах. У нас есть могущественное оружие — террор.

Ольга слушала Добротворского внимательно, но уже не испытывала того безотчетного восторга, который всего несколько месяцев назад переполнял ее сердце, когда говорил об их месте в жизни Николай Николаевич

Златовратский. Более того, ощущала и наивность в его словах, и надуманность, и некую несостоятельность, неуверенность в прочности собственных позиций. Разумом Ольга понимала, что все было значительно сложнее, труднее и задачи перед революционным движением стояли обширнее, чем говорили об этом Добротворский или Златовратский. Правда была не в их словах. Но где она, правда?

Где?

* * *

Приехав домой, в Иваново-Вознесенск, Ольга узнала, что совсем недавно во Владимире арестовали Яшу Сметкина и смотрителя земской больницы, на квартире у которого чаще всего собиралась группа гимназистов-шуян.

Долго стояла она у раскрытого окна, вслушиваясь в непогоду. Ветер гнал по небу рваные облака, раскачивал вершины тополей, срывал серебристые листья. Порыв ветра оказался таким сильным, что Ольга закрыла окно. Крупные капли дождя забарабанили по стеклу.

Ольга не знала, что из канцелярии владимирского вице-губернатора в адрес местного полицмейстера пришел запрос: «По встретившейся надобности предписываю Вашему высокоблагородию немедленно представить мне сведения о нравственных качествах и политической благонадежности проживающей в городе Иваново-Вознесенске окончившей курс во Владимирской женской гимназии девицы Ольги Варенцовой».

Афанасий Алексеевич, прочитав казенную бумагу, с которой его ознакомили в полицейской части, только вздохнул сокрушенно, подумал и попросил полицмейстера выслушать его один на один.

Полицмейстер приказал оставить его наедине с господином Варенцовым и после непродолжительного разговора с понятливым и состоятельным купцом отписал

в его присутствии, что «девица Варенцова совершенно нравственна и в высшей степени благонадежна».

И хотя Афанасий Алексеевич вышел от полицмейстера с заметно похудевшим бумажником, зато на душе у него стало значительно легче.

Последнюю неделю перед поездкой в Москву Ольга провела у своего дяди в деревне Куликово. На этом настоял отец, желая уберечь ее от нежелательных встреч. Здесь почти ничего не изменилось. Так же как и в детстве, трещали и кадили на загнетках печей лучины, по праздникам зажигали сальные свечи, и только в самых богатых домах были керосиновые лампы со стеклами. Но и в состоятельных домах лампы зажигали не каждый вечер, обходясь «ночниками» — жестяными плошками, наполненными керосином.

В тех же домах, где были лампы, водились и спички. В прочих же огонь высекали при помощи огнива: ударяли металлической пластиной по кремню и искрой поджигали трут — высушенные грибковые наросты с деревьев или сухую растрепанную хлопчатобумажную веревочку. В домах, где были лампы и спички, печи, как правило, топились по-белому: дым шел в трубу, возвышающуюся над коньком крыши.

Там, где трещали лучины и звенели удары железа о кремень, печи топились по-черному: дым из избы выходил через дыру в стене, а когда топка кончалась, дыру затыкали тряпкой. Долго висел под потолком густой дым. Стены в таких избах — черные и снаружи, и изнутри, а глаза людей всегда — особенно зимой — были воспалены от едкого густого дыма.

Как и в годы ее детства, мужики выряжались в синие холщовые рубахи и полосатые штаны, женщины — в синие же холщовые сарафаны, расписанные большими белыми или желтыми цветами, которые наносили на холст ходившие по деревням набоечники.

Далеко не в каждой семье были сапоги, а чай пили только по праздникам, в будни обходясь кислым квасом...

И все же медленно-медленно и очень понемногу возникали перемены, едва приметные, продиктованные временем. То в деревне появлялась крупорушка, то выделяли избу всем миром под школу или приезжал фельдшер, волоча с телеги связку книг.

Однако перемен таких было столь мало, что на общем фоне деревенской жизни они еще сильнее подчеркивали бедность, граничащую с нищетой, безысходность и рутину повседневности, которую, кажется, не смогло бы изменить ничто.

Как жить, что делать, как принести народу пользу? Заняться хождением по деревням, сделавшись акушеркой или учительницей? Теория «малых дел» пропагандировалась и Златовратским, и Добротворским. Только «малыми делами» Россию не разбудить. Нужно отыскать пути к коренному социальному преобразованию, к уничтожению бесправия, нищеты, насилия. А как? Хождение в народ... «Интеллигентные артели», по Добротворскому? Это тоже недалеко от «малых дел». Нужно ехать в столицу, нужно искать людей, которые бы дали ответы на эти вопросы. Одно бесспорно: сидеть сложа руки и мириться со злом она не может... Не может...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ольга приехала в Москву в конце лета 1884 года. Еще дома, в Иваново-Вознесенске, многоопытный Афанасий Алексеевич, частенько наезжавший в Москву по коммерческим делам, дал ей рекомендательное письмо к господину Кормилицыну — владельцу меблированных комнат в подворье Пафнутьевского Боровского монастыря.

С немалым волнением вышла Ольга из вагона поезда.

Ее встретили сиплые паровозные гудки, грохот буферов прибывающих составов, толпа, которая бывает только на вокзалах,— артельщики с деревянными сундучками, богомолки, купчихи в расписных шалях, чиновницы в клетчатых шляпках с шелковыми бантами, бабы, ребятишки... Все кричали, спорили, толкались, выливаясь на привокзальную площадь.

Москва ошеломила ее многолюдством. Отыскав глазами извозчика, показавшегося ей спокойнее и добрее других, Ольга робко приблизилась и спросила, не отвезет ли он ее по известному адресу.

— Как же-с, свезем,— ответил мужик с готовностью и ловко закинул дорожный кофр в пролетку.— Только впредь, барышня, спрашивайте не Боровское подворье — его не всякий москвич знает,— а Юшков переулок. Москва велика, и только знаменитые дома известны, а все прочие значатся по улицам да переулкам.

Ольга удобно умостилась в пролетке и стала с интересом осматривать незнакомый город, который раскрывался площадями и улицами, белокаменными соборами и каменными мостами, гранитными цоколями многоэтажных домов и зелеными палисадниками. Проехали площадь и, минуя сутолоку и тесноту кривых переулков, оказались на широком бульваре.

— Садовое кольцо,— проговорил извозчик и, улыбнувшись, оглянулся на свою пассажирку.

Кольцо и впрямь было садовым: сквозь резные кроны зеленых лип, разросшихся на бульваре, виднелись барские усадьбы, отделенные от дороги буйными зарослями садов.

Над особняками, в глубине переулков, возвышались купола и колокольни храмов, пожарные каланчи и голубятни.

Между тем возница называл одну за другой все новые и новые улицы, как купец, выставляющий перед

ошеломленным покупателем товар. Наконец он сказал:

— А вот, барышня, и Остоженка. Вскорости приедем в Юшков переулок, там и подворье ваше будет.

* * *

Высшие женские курсы, открывшиеся в Москве 1 ноября 1872 года в здании 1-й мужской гимназии на Пречистенке, положили основание заведению, которое, как говорил их бессменный руководитель профессор истории Владимир Иванович Герье, «могло бы содействовать распространению высшего образования среди женщин».

С самого начала учредители и попечители курсов заботились не только о том, чтобы слушательницы за три года получили основательные познания по истории, философии, литературе и искусству, но и не впали бы в соблазн лукавого мудрствования, приводящего на пагубную стезю гибельных социалистических учений.

Когда в 1879 году Государственный совет запросил у министра народного просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого официальное представление о высшем женском образовании, то министр, имея в виду прежде всего тенденцию охранительную, так определил существо вопроса: «Высшие женские курсы... прямо отвечают видам правительства, потому что могут служить к предотвращению прискорбных явлений — отбытия русских женщин за границу для такого же обучения, причем они не могут возвращаться обратно, иначе как с идеями и направлением, не соответствующим строю нашей жизни». Вот эти-то две тенденции — просветительная и охранительная,— причудливо переплетаясь, составили основу программы курсов.

Не теряя времени, на следующий день Ольга сдала документы об окончании гимназии в канцелярию курсов и тут же была зачислена. Вступительные экзамены

она не сдавала. Им подвергались лишь те, кто учился в пансионах или получил домашнее воспитание. Им надлежало сдавать экзамены по истории и литературе — как русской, так и всеобщей — в объеме гимназического курса. Что же касается платы, то в год следовало вносить пятьдесят рублей ассигнациями. Слушательниц, как сказали Ольге, было около двухсот пятидесяти, причем на первом курсе — чуть больше ста. Половина из них, как вскоре узналаВаренцова, были дворянки, другая половина состояла из разночинок — дочерей мещан, купцов, священников и мелких чиновников. Очень скоро курсистки разделились на группы и образовали кружки по симпатиям и интересам.

Курсы собрали под свою крышу блестящих лекторов и ученых, что было свидетельством внимания общества к вопросам женского образования в России. Кроме самого Владимира Ивановича Герье — широчайшего эрудита, читавшего курс всеобщей истории от Древнего мира до Великой французской революции,— здесь работали многие известные ученые.

Лекции по истории русской литературы читал академик Александр Николаевич Веселовский, который, зная буквально все о Жуковском и Пушкине, еще больше знал о Петрарке и Данте и оттого в Италии был знаменит и чтим не менее, чем в России. Его литературный кругозор был бесконечен, и, казалось, не было вопроса, ему незнакомого. Мало в чем уступал Веселовскому и профессор по древней русской литературе Николай Саввич Тихонравов.

Однако более всех любили слушательницы лекции историка Василия Осиповича Ключевского, которого при огромнейших знаниях по русской истории отличало блестящее остроумие, умение создавать яркие, запоминающиеся портреты исторических деятелей.

Любили и лекции тридцатилетнего профессора Мос-

ковского университета Павла Гавриловича Виноградова, уделявшего внимание прежде всего истории развития крестьянских общин в других странах, формированию классов и развитию форм собственности.

Его лекции заставляли примерять все сказанное им на русскую действительность и получать ответы на жгучие вопросы современной жизни.

Другой молодой ученый, Михаил Сергеевич Корелин, не только обучал, но и призывал слушательниц нести знания в народ, рассказывать простыми словами о сложных явлениях. Он сам работал в Комитете грамотности. Его любимыми героями были ранние гуманисты Италии, и он, казалось, воспринял все лучшее, чем отличались его герои,— смелость и простоту, презрение к чванству, неприятие глупости, в какие бы одежды та ни рядилась.

Лекции, семинары, споры... Споры, возникавшие в перерывах между занятиями, продолжались и вечерами на квартирах курсисток.

На том курсе, где училась Ольга, таких спонтанных объединений, напоминавших кружки, было несколько.

Ближе всех Ольга сошлась с племянницей писателя Сергея Яковлевича Елпатьевского, Ларисой Елпатьевской,— красивой, рассудительной, с большими мечтательными глазами. Новая подруга напоминала Ольге Вареньку Златовратскую: и семья у нее радушная и гостеприимная, и Сергей Яковлевич находился в том же стане, что и Николай Николаевич, только, пожалуй, был еще более непримиримым и сильнее сострадал и протестовал. Героями его рассказов и повестей были совершенные изгои — каторжники, раскольники, бродяги — люди «дна», дети беспросветной нужды, несправедливости и горя.

Однако прошло какое-то время, и Ольга начала постепенно утрачивать интерес к книгам Елпатьевского, к его героям. Почувствовала это и Лариса.

— Скажи мне, Оля,— спросила Лариса однажды,— могу я считать тебя человеком, для которого нравственные ценности превыше всего?

— Разумеется,— ответила Ольга.

— Тогда ответь, что изменилось в творчестве Сергея Яковлевича? Почему ты охладела к писателю Елпатьевскому? Разве стал он менее честен? Перестал быть человеколюбивым?

— О чем ты, Лариса?

— Вот о чем... Для меня Сергей Яковлевич не просто писатель, но и человек, которому я во всем подражаю и чьи идеи исповедую столь же последовательно, как и он сам. И если ты по-прежнему разделяешь его убеждения, а стало быть и мои, ибо это — одно и то же, то скажи тогда: почему проблемы Сергея Яковлевича перестали быть твоими проблемами?

Ольга вздохнула. Серьезно поглядев на огорченную подругу, проговорила:

— Причина, Лариса, не в том, что теряет силу талант Сергея Яковлевича... Да и побудительные причины его творчества не могут вызывать сомнения. Нет, все значительно сложнее. Дело в том, что социальная основа его произведений теряет общественную и историческую перспективу. И герои его не выбирают в жизни столбовой дороги, а словно идут по обочине. И вольно или невольно произведения из социально значимых превращаются в занимательные бытовые очерки. До очерков я не большая охотница.

Ольга сказала это и смутилась. «Как-то по-доктринерски звучит все это». Но тут же себя мысленно оборвала: «Не доктринерски, а серьезно. Другие наступают времена... И как жаль, что Лариса этого не понимает...»

— Новые кумиры появились у тебя, Ольга,— с обидой и болью произнесла Лариса.— Вот и оказался Сергей Яковлевич ненужным.

— Пойми, Лариса,— Ольга чувствовала, как начинает раздражаться,— поиски истины — трудный процесс. К истине человек идет всю жизнь. И всякое новое знание лишь ступенька на этой бесконечной лестнице.

— Сергей Яковлевич, стало быть,— пройденная ступенька?! Опомнись! Как можно говорить такое...

— Стало быть, пройденная.

Подруги расстались, недовольные друг другом.

* * *

Ольга сблизилась с кружком студентов и молодых интеллигентов радикальных убеждений — приверженцев нового для России учения, созданного Марксом и Энгельсом.

Однако работы Маркса были еще редкостью, их даже переписывали от руки, и, что самое главное, непросто было примерить понятия и категории нового учения на российскую действительность, сильно отличающуюся от реалий Западной Европы.

Теперь Ольга проводила все ночи за чтением работ Георгия Валентиновича Плеханова, так много сделавшего для пропаганды марксизма в России.

А когда Варенцова училась уже на третьем курсе, случилось так, что одного из знакомых Ольги Афанасьевны — бывшего студента Петра Федоровича Орлова — арестовали в Киеве, и он на следствии показал, что среди прочих его приятелей и приятельниц проживает в Москве и Ольга Афанасьевна Варенцова, в доме у которой ему не раз приходилось видеть многих неблагонадежных...

* * *

После ареста «первомартовцев» во главе с Петром Шевыревым и Александром Ульяновым, подготовлявших

столь дерзкое покушение на императора Александра III, по Москве и Петербургу прокатились волной обыски и аресты.

В двенадцать часов пополуночи с 26 на 27 апреля 1887 года пристав городского участка Доброхотов с двумя околоточными надзирателями в присутствии сторонних свидетелей — дворянина Дмитрия Павловича Назарова и крестьянина Никиты Сергеевича Минаева, проживающих в том же доме, что и Варенцова,— вошли в две крошечные комнаты, занимаемые Ольгой Афанасьевной, и представили предписание об учинении у нее обыска. Ольга Афанасьевна побледнела, но ни тени страха не было в глазах ее.

По мере того как в руках блюстителей порядка оказывалась то одна, то другая книжка или тетрадь, они бережно подносили их сидящему за столом приставу Доброхотову. Тот листал очередную вещественную улику, удовлетворенный результатами обыска.

Пока полицейские извлекали на свет листки с различными адресами, письма, фотографии, рукописи и гектографированные издания, Доброхотов начал составлять опись обнаруженных предметов. Пристав был тучный, с большим животом и отечным лицом. Делал все неторопливо, обстоятельно. Аккуратно выведя: «Опись вещественным доказательствам Ольги Варенцовой», Доброхотов подчеркнул заголовок жирной чертой и начал:

«1. Литографированная брошюра «Социализм утопический и социализм научный» Фр. Энгельса, 48 л.

2. Тетрадь рукописная «В защиту правды», начинающаяся словами: «Друзья! Ян Якоби...», 38 л.

3. Рукописная тетрадь: «Романист Тургенев», 28 л.

4. Рукописная тетрадь: «А. И. Ж.» (по моему мнению,— написал Доброхотов,— Биография Желябова), 68 л.

5. Воззвание от группы русских конституционалистов, 10 л.

6. Рукописная тетрадь, начинающаяся словами: «По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники», 7 л.

7. Программа провинциальной деятельности учащейся молодежи, 2 л.

8. Каталог сочинениям для самообразования — рукописный, 33 л.

9. То же — гектографированный.

10. То же — рукописный.

11. Тетрадь в переписке, первая страница которой начинается словами: «Коммунизм по Родбертусу», а также обрывки трех листков со следующими адресами: 1) Арбатские ворота, дом Вишнякова, квартира Костаревского; 2) Леонтьевский переулок, дом Меченера, квартира Д. Г. Неведомского; 3) Угол Трехсвятской и Семеновской улиц, дом Лебедевского; 4) Живодерка, Малый Чухонский переулок, дом Улитова, флигель во дворе; 5) Ковель, Волынской губернии, Петру Федоровичу Орлову.

Кроме того, изъяты письмо Варенцовой к некоей Левицкой, две фотографии и еще одиннадцать разных писем и записок».

— Госпожа Варенцова, придется пройти с нами в участок,— обратился Доброхотов к Ольге, когда кончил писать протокол и опись, и не без интереса принялся ее рассматривать.

Ольга ничего не сказала. Накинув жакетку, она пошла к двери, чуть наклонив голову. Если бы Доброхотов был не просто полицейским, но и психологом, то он мог бы заметить, что арестованная не испугалась, а восприняла все с завидным спокойствием.

* * *

Ольга лежала на койке, застланной грубым серым одеялом, закинув руки за голову. В Московском город-

ском полицейском доме было тихо и холодно, как в кладбищенском склепе.

Минуло две недели, как ее арестовали, но пока на допросы не вызывали и никаких обвинений не предъявляли. И это настораживало: значит, за что-то зацепились и потихонечку разматывают ниточку, желая распутать клубок. Но какой?

Ольга начала перебирать в памяти тех из своих знакомых, кто мог бы заинтересовать жандармов.

Своих однокашниц по курсам Герье она отмела, потому что кроме нее и Ларисы Елпатьевской — да и то добрых полтора года назад — никто революционной литературы не читал. Большинство слушательниц жили вчерашним днем, перечитывали Златовратского и Елпатьевского. Дальше знакомства с «Вестником Народной воли», который к тому же перестал выходить еще в прошлом году, они не шли.

Ольга изрядно к этому журналу охладела, как только узнала, что наиболее любимые ею авторы Плеханов, Засулич, Аксельрод разошлись со старой редколлегией.

Едва ли курсистки могут интересовать жандармов. Тогда кто же? Скорее всего, виновных в ее аресте следует искать среди тех, кто попал в поле зрения охранки, кто находится в заключении или за кем пристально следят.

И тут Ольга вспомнила: в начале февраля этого же года был арестован ее хороший знакомый, Александр Егорович Орлов, студент Московского университета, не раз заглядывавший к ней на огонек. Был он однофамильцем Петра Федоровича Орлова, но характер имел иной — ровный и надежный, что и подтвердили дальнейшие события.

Ольга знала, что Александр Орлов был близок к народовольцам и возле него всегда были нелегалы.

Однажды он заходил с двумя юношами, показавшимися ей именно такими. И действительно, их вскоре арестовали.

«Верно, как раз вслед за ними начнут допрашивать и меня.— От этой мысли Ольга поежилась и усмехнулась собственной наивности: конечно, для чего же ее взяли... Это еще не самое главное испытание. Об аресте их узнала тотчас от Александра, а через неделю взяли и его самого.— Стало быть, так: Александр Орлов и следом — я. Но в чем могут они обвинить меня? Заданий «Народной воли» не выполняла. А что касается литературы, то у кого теперь ее нет? Доказать еще надо, что она — моя. Да и Александр не такой человек, чтобы рассказывать жандармам о своих связях».

С тем Ольга и заснула успокоившись.

* * *

Как вскоре и подтвердилось, Ольга в отношении Александра Орлова оказалась права. Двадцатидвухлетний сын полицейского исправника из Воронежской губернии, по-видимому, с младых ногтей еще из рассказов своего батюшки позаимствовал много практических навыков, применение которых могло помочь арестованному, и на вопросы жандармов отвечать отказывался. Он не признал предъявленные ему фотографии Варенцовой, категорически отрицал малейшее знакомство с нею и утверждал, что никогда в жизни не видел ее.

Однако жандармы стали распутывать сразу два клубка. По иронии судьбы эти клубки вроде бы не переплетались — и все же переплелись. И связующей их ниточкой оказалась Ольга. Но если в первом клубке ниточка потянулась от нее к Александру Орлову, то во втором клубке ниточка потянулась к Орлову же, но Петру Федоровичу. Тому самому Петру Орлову, о котором за-

прашивали киевские жандармы и который, к сожалению, оказался намного слабее Орлова Александра...

* * *

1 июня ротмистр Иванов читал донесение из Киева, в котором сообщалось:

«Петр Федоров Орлов, 27 лет, воспитывался сначала в Ровенском реальном училище, экзамен сдал в Мелитопольском реальном училище, после чего поступил в С.-Петербургский лесной институт, в коем пробыл менее года и был исключен в апреле 1885 г. за невзнос платы.

С этого времени определенных занятий не имеет и нигде учителем не состоял. Ольга Варенцова была с ним знакома, в подтверждение чего представляю выписку из протокола показания названного Орлова, в коей указывается на свидетелей, могущих подтвердить знакомство Варенцовой с упомянутым выше Орловым.

Ниже прилагается «Выписка из протокола допроса Петра Федорова Орлова»:

«С Ольгой Афанасьевной Варенцовой я познакомился в Москве в марте сего года, когда я жил в Большом Афанасьевском переулке на Арбате, в доме князя Вадбольского, вместе со служащим в конторе Общества сахарозаводчиков Владимиром Павловичем Кранихфельдом, через сего последнего, который с Варенцовой был знаком ранее и которого она посещала. В упомянутый период Варенцова заходила к Кранихфельду раза два, а затем я сам один раз был у нее на квартире, она проживала тогда по Ильинке, в Юшковом переулке, в меблированных комнатах, квартировала одна... Давно ли Кранихфельд знаком с Варенцовой и в каких отношениях, мне неизвестно. Кранихфельд знаком со студентом Московского университета Николаем Осиповичем Гацкевичем, но не помню, заходила ли к Кранихфельду Варенцова,

когда у него бывал Гацкевич. Подлинный подписал Орлов и ротмистр Озерецковский».

Когда же ротмистр Иванов справился в жандармском архиве, не проходили ли прежде по одним и тем же делам Орлов Александр Егорович и Орлов Петр Федорович и не встречались ли политически неблагонадежные лица, знакомые им обоим, то оказалось, что и тому и другому была знакома слушательница Высших женских курсов Ольга Афанасьевна Варенцова. И еще было одно немаловажное обстоятельство: Ольга Афанасьевна Варенцова неоднократно бывала у Владимира Павловича Кранихфельда, арестованного вместе с Александром Орловым по делу Южно-русской организации «Народная воля».

Клубки переплелись, круг замкнулся.

* * *

13 мая Ольгу заключили в Пречистенский полицейский дом, в одиночную камеру. 21 мая ротмистр Иванов в присутствии товарища прокурора Московского окружного суда Стремоухова учинил обвиняемой Варенцовой первый допрос. Выяснив ее происхождение, род занятий, имущественное и общественное положение родителей, где, когда и чему училась, ротмистр начал допрос по существу.

Он, как опытный шахматный игрок, вступал в бой потихоньку, время от времени делал то ложные отвлекающие маневры, то выдвигал вперед легкие фигуры. Тяжелые фигуры хитроумный ротмистр припасал для сокрушительного штурма в эндшпиле. Был он худым, невысокого роста, с залысинами на крутом лбу.

Круг вопросов, которые ротмистр Иванов хотел выяснить, определялся письмом помощника начальника Киевского жандармского управления Озерецковского и агентурными сведениями, полученными в Московском охран-

ном отделении. Кроме этого, нужно было узнать причастность Варенцовой к народовольцам, ее связи и — в случае подтверждения его догадок — новые имена для проведения дальнейших арестов.

Ротмистра Иванова обнадеживало то, что арестованная прежде к дознанию не привлекалась и, следовательно, опыта по этой части у нее быть не могло. Однако чем дальше шел допрос, тем труднее приходилось ротмистру. Варенцова держалась спокойно и с достоинством. Ротмистр чувствовал, что на воле кто-то, уже не раз побывавший на допросах, хорошо подготовил Варенцову. А иначе чем можно было объяснить, что неопытная вроде бы курсистка так профессионально вела себя на допросах: она отрицала все. О ком бы ротмистр Иванов ни спросил, следовал ответ, что этого человека она не знает, никогда не видела и не встречалась с ним, а что касается предъявленной ей литературы — книги и брошюры, изъятые при аресте, лежали на столе ротмистра,— то отрицать факта нахождения литературы в квартире она не может, но поясняет, что...

— Что вы можете пояснить,— первый раз за весь долгий допрос перебил Ольгу ротмистр Иванов и повторил с раздражением: — Что вы можете пояснить, если ее изъяли в вашем присутствии, у вас на глазах, и сие подтверждено двумя сторонними свидетелями?

— Извольте мой ответ записать,— холодно и подчеркнуто спокойно проговорила Ольга.— Это мое требование и право...

Ротмистр Иванов обмакнул перо в чернильницу и вопросительно на нее взглянул. «Да-с, девица — не подарочек...»

— Записывайте. Все это взято у меня при обыске, но мне не принадлежит. Уезжая на праздники, я оставляла вещи в своей квартире, а некоторые из знакомых оставляли у меня свои вещи и книги. Кто из знакомых

у меня бывал, я назвать не желаю.— Девушка помолчала и, побледнев, продолжала: — Также не желаю давать объяснений относительно взятых у меня при обыске предъявленных мне теперь трех лоскутов бумаги, на которых написаны адреса различных лиц. Из представленных мне трех фотографических карточек признаю взятыми у меня при обыске только две. Что же касается третьей карточки с надписью «Мещанин города Ковеля Петр Федоров Орлов», то эта карточка не взята была при обыске, не принадлежит мне и почему она мне предъявляется, мне непонятно. Означенных двух личностей на первых двух карточках назвать не желаю.

* * *

На других допросах, которые были 2, 9 июля и 11 августа, Варенцова держалась первоначально избранной линии защиты: все отрицать. Она никого не знает, ни с кем не встречалась, литература ей не принадлежит, ее оставили заходившие в ее отсутствие незнакомые люди. Более того, Орлова не помнит. Что касается графической экспертизы, то и ее результаты отвергает, да и к тому же тетради переписаны не ее рукой. А в конце обвинила ротмистра Иванова в ловких подтасовках фактов и искажении следственных материалов.

20 августа 1887 года Ольга Варенцова была из-под стражи освобождена и отдана под особый надзор полиции по месту постоянного жительства в городе Иваново-Вознесенске. Однако это не означало, что она оправдана. Впредь до вынесения решения — судебного или административного — будет жить не на казенный счет в государственной тюрьме, а на иждивении родителей, ожидая решения своей участи, под неусыпным полицейским оком.

На сборы ей дали три дня. Последние дни августа выдались теплые. Она сидела под густой липой на Пат-

риарших прудах и следила за тем, как скользил по глади воды черный лебедь. Временами он пытался взлететь и падал с громким криком, поднимая фонтан брызг. Крылья были подрезаны. По воде пруда плавали пожелтевшие листья, сорванные вчерашней непогодой, громко перекликались скворцы, собираясь в дальнюю дорогу.

Ольга с радостью вдыхала свежий воздух и не могла оторвать глаз от красоты августовского дня.

Даже восседавший неподалеку от нее неряшливый господин, в котором она сразу определила шпика из трехрублевых, не очень-то огорчал.

После выхода Варенцовой из Пречистенского полицейского дома прокурор Московской судебной палаты уведомлял министра юстиции: «Признавая, что купеческая дочь Ольга Афанасьевна Варенцова изобличается обстоятельствами настоящего дела в составлении и хранении преступных изданий, а также и в сношениях с лицами неблагонадежными и привлеченными уже к делам о государственных преступлениях... причем, ввиду уклончивости данных ею объяснений и упорного отказа назвать лиц, от которых получила запрещенные издания и с которыми, по-видимому, была в близких отношениях, она, Варенцова, представляется личностью вредною для государственного порядка и общественной безопасности,— я полагал бы разрешить настоящее дело в административном порядке, с тем чтобы вменить Варенцовой в наказание предварительное содержание ее под стражей, выслать ее в северо-восточные уезды Вологодской губернии для водворения на жительство под надзор полиции сроком на три года».

* * *

В конце августа Ольга возвратилась под отчий кров. Появление ее не вызвало радости. Мать вздыхала, украд-

кой плакала. Отец, скрывая недовольство, избегал разговоров.

Ольга решила откровенно объяснить все родителям и тем избавить их от ненужных переживаний.

На второй вечер, когда отец и мать сели за самовар, Ольга сказала:

— Мне нужно сказать вам самое главное, из-за чего всегда болит душа и ноет сердце.

Мария Осиповна всхлипнула: каково это слышать от дочери — болезненной и хрупкой,— что у нее всегда болит душа и ноет сердце?! Она поправила кружевную косынку и приготовилась слушать.

Отец, до того угрюмо молчавший, произнес сердито:

— Говори. Любопытно, как оправдаешься ты и за тюрьму, и за весь срам, что выпал на наши головы.

— Срам?! Гм... Не думаю,— возразила Ольга печально и тихо.— Не за обман и не за воровство сидела я в тюрьме, а за то, что пошла против лжи и грабежа.— Она помолчала и, взглянув на богобоязненную мать, подобрала с трудом образ более понятный: — Разве богородица, дева Мария, должна была стыдиться за своего сына, когда повели его в тюрьму, а потом распяли?

Мать, услышав такое, отшатнулась:

— Что ты, дочка, городишь?! В тюрьму тебя посадили царские слуги, православного царя опора и защита.

— За что посадили? За то, что я училась, чтобы потом просвещать народ, защищать его, говорить ему правду? За то, что вокруг меня были честные, смелые люди, которые думают так же, как я?

Родители молчали, пораженные. Матушка мелко крестилась.

— А теперь посмотрите: кого засадили слуги царевы в тюрьмы? Кто живет во дворцах и роскоши? Разве не правда, что от трудов праведных не наживешь палат

каменных? Не зря говорят в народе: богатство спеси сродни. Или не правда, что богатому житье, а бедному вытье?

Ольга порадовалась, что родители слушают, не перебивая, и продолжала:

— Что творится вокруг?! Разве царь, и помещики, и генералы не есть единое воинство, которое за свои богатства кому хочешь горло перервет? Князь всегда князь: в церкви, в армии или на царской службе... Недаром ведь епископов и митрополитов называют князьями церкви, а наших ивановских фабрикантов-миллионщиков — текстильными королями. Всюду я вижу заговор богачей, и всюду их грубая сила и звериная алчность обращены против слабых и бедных. Так где же, по-вашему, надлежит быть мне? Я — думающий, честный человек! Да уж лучше в тюрьме...

Мать слушала ее и все время смотрела на отца, боясь за Ольгу. Конечно, она не понимала ее до конца, тревога сжимала ее сердце. Потом робко попыталась ее образумить:

— Так ведь один раз живем-то, доченька.

— Правильно, мама. И от этого наша ответственность за свои поступки увеличивается во сто крат. Именно потому, что человек живет один раз, он должен жить честно.

— Стало быть, так и будешь скитаться по тюрьмам? — спросил Афанасий Алексеевич. Но в голосе его не было прежней угрюмости, а появилось нечто иное — уважительное удивление.

— Нарочно-то зачем в тюрьму метить? — улыбнулась Ольга, довольная таким оборотом разговора.— Но если придется выбирать между тюрьмой и бесчестьем, то, как порядочный человек, никогда на позорную жизнь не соглашусь и чувствовать себя соучастницей преступлений не буду.

— Да... Дела-делишки...— закончил разговор отец,— ты уже, слава богу, не маленькая и в грамоте лучше нашего разбираешься. Иди своей дорогой, раз другой для тебя нет. А получится какая неустойка, мы с матерью тебе поможем, а окажешься возле нас, завсегда будем тебе рады.

* * *

Мария Осиповна молилась долго, истово. В конце молитвы с трудом поднялась с колен, расправила складки тяжелого шелкового платья.

Оля читала, когда в комнату вошла мать. Мария Осиповна села рядом с дочерью на узкий диван. Сухими вопрошающими глазами поглядела Ольге в лицо.

— Что с вами, мама? — закрыв книгу, спросила Ольга, опасаясь продолжения неприятного разговора.

— Скажи мне, дитятко,— жарко выдохнула Мария Осиповна,— за что тебя арестовали? — И замерла ожидая.

— За что меня арестовали? Да все очень просто! При обыске нашли у меня книжки, в которых разъяснялось, как людям следует по правде жить.— Помолчала и добавила: — И как на справедливых началах всю жизнь перестроить. Вот за чтение этих книг и забрали меня в тюрьму. И еще думали, что я состою в тайной организации, которая хочет, чтобы артельный справедливый строй был установлен во всей России. Книги-то я читала и другим читать давала, а иные и переписывала, но в организации не состояла. Вот, мама, вся правда, как она есть.

Мария Осиповна долго-долго глядела Ольге в глаза. Затем сказала:

— Никогда ты не лгала, доченька. И ныне верю я тебе. Только не могу понять, что за дело властям, если люди хотят жить по правде и другим добро творить? Царю и властям разве от этого какой урон?

— Большой урон, мама. В новом строе, при новом порядке вещей все должны честно трудиться. Земля и собственность переходят в руки народа. Богатеям просто не остается места. Они не нужны новой жизни. И, стало быть, сохранение нынешних несправедливых порядков есть для них вопрос жизни и смерти. Сохранится этот строй, значит, сохранятся и их богатства и привилегии, наступит новая жизнь — прощай, праздное, сытое существование сотен тысяч захребетников. А они этого не хотят, более того — страшатся, и потому всякого, кто представляет малейшую угрозу, тут же обвиняют во всех смертных грехах, и ждет его одно — тюрьма.

— Ну что ж, доченька, спаси и сохрани тебя господь! Выходит, нет другой дороги. Береги себя, моя ласточка!

— Хорошо, мама. Другой дороги у меня и в самом деле нет.

Часы пробили десять ударов. Мария Осиповна медленно закрыла дверь.

* * *

«Министерство юстиции, Второе уголовное отделение, 3 января 1888 г. № 3, Санкт-Петербург.— Прокурору Московской судебной палаты...

...Поставляю Ваше превосходительство в известность для зависящих распоряжений, что по всеподданнейшему докладу моему обстоятельств сего дела государь император в 30 день декабря 1887 года Высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком, с тем чтобы подвергнуть Ольгу Варенцову одиночному тюремному заключению сроком на шесть месяцев, по отбытии же ею сего наказания подчинить ее негласному надзору полиции по распоряжению Министерства внутренних дел».

Иваново-вознесенский полицмейстер Декаполитов приехал к Варенцовым домой, чтобы известить Ольгу и ее родителей о решении государя императора и, взяв под стражу, заключить в тюрьму. Однако в прихожей он столкнулся с невысоким сухим старичком с черным докторским саквояжем в руках.

Поклонившись, Декаполитов осведомился:

— Кто-то болен?

— Дочь Афанасия Алексеевича Ольга Афанасьевна.

— И серьезно?

— К сожалению, да.

Декаполитов, подобрав шашку, тихонечко ретировался, сел в сани, запахнул медвежью полость и велел ехать в участок. Поразмыслив как следует, сам он ехать к Варенцовым счел неразумным и решил это довольно неприятное дело поручить околоточному.

Околоточный, представив казенные бумаги, дождался, пока больную укутали потеплее, собрали корзинку с провизией и передали ему в руки.

Простуженную, с жаром и головными болями, Ольгу по морозу, в открытых санях, привезли в Шуйскую тюрьму и заперли в камеру — холодную, сырую и темную. Ольга лежала на жесткой тюремной кровати в полузабытьи, и перед ней всплывали лица отца и матери, сестры и дяди; звучали голоса друзей. В ее больном, воспаленном воображении мелькали то тихие поля, то белокаменные соборы Московского Кремля.

Яснее видела она лицо склонявшегося к ней тюремного доктора и лицо сестры. Потом, когда кризис миновал и болезнь отступила, Варенцова узнала, что врач и сестра действительно навещали ее.

Придя в себя, Ольга улыбнулась робко, слабо, будто засветилась тоненькая-тоненькая свечка, способная мгновенно угаснуть. Сестра заплакала, но Ольга понимала, что это — от радости.

— Ну, теперь пойдешь на поправку,— сказала Аннушка, поправляя рукой золотистые волосы.— И вот тебе еще лекарство.— Сестра показала на стопку привезенных из дома книг.

— И «Капитал»? — обрадовалась Ольга.

Анна кивнула.

— А как удалось?

— Очень просто. Надзиратель стал листать, ничего не понял и позволил.

Сестры рассмеялись.

* * *

Трудно определить чувство, которое испытала Ольга после болезни. И все-таки это была радость! Да, именно радость! Она радовалась солнечному лучу, пробивающемуся сквозь решетку, пению птиц на заре, голосам, доносившимся из коридора.

«Что это я? — удивлялась Ольга.— Тюрьма, срок только начался, а я радуюсь... Чему?» И, размышляя над заданным самой себе вопросом, ответила: «Скоро переведут меня в общую камеру... Выведут на прогулку... Дадут книги... Жизнь-то какая наступит...»

«Может ли быть что-нибудь хуже одиночества, если даже это обусловлено болезнью? Как хочется узнать о событиях на воле, поговорить, поспорить с друзьями. Но бывает, что и на воле человек обречен на вечное одиночное заключение среди сотен чужих тебе людей».

Нет, довольно философствовать — на волю, к людям! Она не будет чужой среди людей.

...Ольга вышла на свободу 25 июля 1888 года. Позади осталась третья тюрьма, если считать Московский городской полицейский дом и Пречистенский полицейский дом, в которых она содержалась во время предварительного следствия.

Шуйский полицейский исправник Гессе сообщил об ее освобождении владимирскому губернатору, и тот на полученном сообщении наложил резолюцию: «Предлагаю учинить негласный надзор».

С тем и поселилась Ольга Варенцова в родном своем Иваново-Вознесенске.

* * *

Вскоре после нового, 1890 года Ольга Афанасьевна уехала в Москву. Срок ее вынужденного пребывания на родине под негласным надзором полиции закончился.

30 января 1890 года в Малом театре был бенефис Марии Николаевны Ермоловой. Давали трагедию Расина «Федра». Конечно, несравненная Ермолова играла главную роль. В переполненном зале негде было яблоку упасть. Ольга сидела в одном из последних рядов партера, но слышала и видела все, очаровываясь и поражаясь блеском игры великой актрисы.

Ольга любила Малый театр и, когда училась на курсах Герье, частенько бывала здесь. У Малого была своя аудитория — студенты, учителя, врачи: разночинная, шумная, восторженная и благодарная публика! И сегодня, оказавшись здесь после трехлетнего перерыва, Ольга заметила старых знакомых — трех курсисток и нескольких мужчин, встречавшихся в общих компаниях, где бывали Лариса Елпатьевская и Крапихфельд. Она и на бенефис пошла не без тайной надежды повстречать старых друзей.

В антракте, когда знатоки обсуждали достоинства и просчеты режиссуры Черневского, восхищались мастерством декораторов Гельцера и Вальца, разбирали игру Ермоловой и ее сотоварищей по спектаклю — Садовского, Южина, Ленского,— Ольга тихонечко подошла к одной из старых знакомых и негромко окликнула:

— Татьяна!

— Ольга! — воскликнула та радостно. — Откуда здесь? Какими судьбами?

Ольга коротко рассказала обо всем. Татьяна — рослая, красивая, с голубыми глазами и русыми волосами, схваченными черепаховой гребенкой, — выслушала Ольгу и улыбнулась.

— Да и я третий день как из тюрьмы. А в последнее время почему-то тебя вспоминала и раздумывала, как сложилась твоя судьба и куда ты запропастилась.

— Спасибо... — мягко ответила Ольга и, помолчав, спросила: — Наших кого-нибудь видела?

— Все зависит от того, кого считать «нашими». Я отошла от народнических увлечений, — серьезно и почему-то грустно сказала Татьяна. — Вчерашний день все это, история русского общественного движения в пору его младенчества.

— А чем ты увлеклась?

— Считаю себя марксисткой, — медленно ответила Татьяна и внимательно посмотрела на Ольгу.

— Это же прекрасно! — воскликнула Ольга с искренней радостью. — Я тоже пришла к признанию, что нет теории более революционной и глубокой, чем марксизм.

— Очень рада... — Пожалуй, я познакомлю тебя с одним товарищем. Весьма интересным... Кстати, я его встретила здесь. — Татьяна понизила голос: — Подожди у зеркала.

Татьяна отошла и вскоре возвратилась с высоким статным блондином лет тридцати пяти.

— Константин, — представился он.

Ольга вдруг подумала, что это не настоящее его имя, а партийная кличка, может быть, не единственная, как это бывает у профессиональных революционеров.

Первый разговор был непродолжительным. Константин сказал, что преподает в Императорском техническом

училище и может давать Ольге интересующие ее книги. Конечно, здесь сыграла не последнюю роль и рекомендация Татьяны.

Из театра вышли они втроем и неспешно пошли по зимней Москве.

Ольга рассказывала о том, что произошло с нею после того, как рассталась она с Татьяной, когда посадили ее в Московский полицейский дом. Рассказывала обстоятельно. Вспомнила и о Шуйской тюрьме, и о жизни в Иванове.

— Хотела поступить в женскую гимназию преподавать русский язык в младших классах,— закончила Ольга, пряча лицо в беличий воротник жакета от поднявшегося ветра,— и начальница гимназии согласилась, и инспектор не возражал, и попечители, но губернатор из-за политической неблагонадежности запретил. Пришлось мне пробавляться частными уроками на дому.

— Да, политический режим все более ужесточается,— согласился Константин.— Но это доказательство его слабости. Если дело доходит до изуверства, чему мы являемся свидетелями, то такой режим исторически обречен. Он может просуществовать и десятки лет, но перспектива одна — гибель.

Прощаясь, Ольга условилась с Константином, что станет с ним держать связь через Татьяну и через нее же получать литературу.

Через месяц Ольга уехала в Иваново.

* * *

Возвратившись из Москвы, Ольга поселилась в Куликове. Она снимала у вдовы две крохотные комнаты с отдельным входом. В доме жила тишина, нарушаемая хриплым боем ходиков, скрипом рассохшихся половиц и легким свистом щегла. На окнах бушевала герань.

Весной к ней заехал незнакомый студент и привез от Татьяны письмо и две книги. Это были «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и книга Бельтова «Наши разногласия».

Письмо оказалось нерадостным. Татьяна сообщала, что Константина арестовали и ей в связи с этим пришлось уехать из Москвы.

— Вы знали товарища Константина? — спросила Ольга у студента, чернявого и неразговорчивого, одетого в потертую шинель.

— Он преподавал у нас в Техническом, но...— студент немного помялся, однако, сообразив, что, коль скоро он передал женщине и нелегальную литературу, и секретное письмо, продолжил: — Но я знал его, и не только как преподавателя. От него я и узнал настоящую фамилию автора «Наших разногласий».

— Да,— согласилась Ольга,— почти для всех он — Бельтов.

— Товарищ Константин продолжал дружить с Георгием Валентиновичем и после того, как тот уехал за границу. Переписывался с ним и получал литературу. Он рассказывал мне о созданной Бельтовым группе «Освобождение труда».

— Вы тоже марксист? — спросила Ольга.

— Пожалуй,— отозвался студент.— Во всяком случае, я — один из приверженцев этого учения, но еще не вполне оформившийся.

— Откуда вам это знать — вполне или не вполне?

— Марксизм — настолько цельное и логически завершенное учение, что в нем надобно признавать все. Так говорил мне товарищ Константин... Оно подобно крепкой стене, и нельзя по собственному произволу вынимать из этой стены одни кирпичи и оставлять другие.— Студент печально усмехнулся.— А я, когда начинаю себя проверять, некоторые кирпичи считаю ненужными, но

других, по моему разумению необходимых, не вижу. Оттого и не могу считать себя до конца сложившимся марксистом.

— Ну что ж, строгое к себе отношение лучше легкомысленного. Иной, только-только узнав азбуку, начинает думать, что он превзошел всю премудрость науки,— и, протянув студенту руку, проговорила сердечно: — Приезжайте. Всегда буду вам рада. А может быть, мы и здесь, в нашем русском Манчестере, тоже создадим нечто подобное группе Бельтова? Освобождением труда следует заниматься не только за границей.

— Здесь, наверное, делать это нужно по-другому,— серьезно ответил студент. Он снял с вешалки шинель и закутал башлыком лицо.

— А вот мы и попробуем,— ответила Ольга.

* * *

...Лето Варенцова прожила в Куликове. Она много читала и подолгу раздумывала над прочитанным. Две последние книги, полученные из Москвы, как она писала впоследствии, окончательно освободили ее от народнических иллюзий. Как раз в эти месяцы Ольга со всей присущей ей серьезностью и основательностью взялась за изучение марксистской литературы. Идея освобождения пролетариата его собственными руками захватила ее целиком.

Чаще всего Ольга бродила по березовой Софронцевской роще или сидела над рекой. В лучах заходящего солнца стволы берез голубели. Слабый ветерок, налетавший с реки, шевелил листья, и роща оживала. Нередко возле Ольги оказывались ребятишки из соседних деревень. Они любили ее, чувствуя ее доброту. И Ольга тянулась к ним, любознательным, с широко открытыми в мир глазами. И очень ей хотелось научить их правде

жизни. Учительницей она была не просто по выданному аттестату, но по внутреннему убеждению и искреннему призванию, по влечению души.

Ольга, раскрыв томик стихов Некрасова, читала ребятишкам о том, как однажды, в студеную зимнюю пору, встретил поэт мужичка ростом с ноготок, который делил со старшими все тяготы и заботы.

Дети замирали и чувствовали, что эти стихи написаны о них, ибо и они, как и мужичок с ноготок, трудились от зари до зари и на летней страде, и в зимнем лесу наравне со взрослыми.

А когда читала Ольга Афанасьевна поэму «Мороз, Красный нос» или «Железную дорогу», то снова ребятишки дивились тому, как красиво и просто и очень уж складно написал про них Некрасов.

«А почему бы не устраивать такие громкие чтения с парнями и девушками постарше? — подумала Ольга.— Они тоже не знают Некрасова. И отнесутся к этим стихам не хуже младших братьев. И потом, разве только Некрасов понадобится им, чтобы разобраться во всем, что их окружает? Возьмемся-ка за новое дело».

...В Куликове, как и во многих других русских деревнях, почти все жители были между собой в родстве и свойстве. Варенцовы тоже не были исключением. Одной из близких им семей были соседи и родственники Новиковы.

Ольга давно присматривалась к брату и сестре Новиковым — Евтихию и Харитине — любознательным и грамотным, работавшим на мануфактуре Куваева. Евтихий и Харитина были очень похожи — оба рослые, рыжеволосые, с веселыми, озорными глазами. По воскресеньям в их доме собирались родственники и знакомые — такие же молодые рабочие с соседних мануфактур, жившие в близких к Куликову селах. Из гостивших Ольга приметила братьев Гаравиных — Семена

и Ефима, ткача с Иконниковской фабрики Кирилла Отрокова, рабочего Николая Кудряшова.

Вот этих-то рабочих Варенцова прежде всего и посчитала пригодными для того, чтобы начать задуманное новое дело.

А здесь, на куликовском горизонте, возник весьма кстати и еще один примечательный человек — студент Петербургского технологического института Федор Алексеевич Кондратьев плечистый, молодой, розовощекий, с шевелюрой цвета воронова крыла. Он был весьма подвижен, заразительно и раскатисто смеялся. Кондратьев мог бы казаться и еще выше, но, как и всякий человек, долгие годы проведший за книгами, был сутуловат. Ходил он вразвалку, чуть косолапя.

В 1889 году Кондратьев окончил Иваново-Вознесенское реальное училище и поступил в Петербургский технологический институт. Здесь он сразу вошел в группу Михаила Бруснева, объединившего разрозненные социал-демократические кружки Петербурга, и близко сошелся с членами так называемого «Интеллигентского центра» братьями Красиными — Леонидом и Германом.

Среди новых ее знакомых он был личностью незаурядной. Возрастом он уступал Варенцовой. Ей было почти тридцать, Кондратьеву — двадцать один. Значительная разница в такие годы. Если Варенцова привлекала к себе людей серьезных, опытных, то он притягивал к себе молодежь, собиравшуюся в доме Новиковых. Сначала более других подружился Кондратьев с Евтихием, но вскоре стало заметно, что ему небезразлична сестра Евтихия, Харитина Венедиктовна.

Федор, Харитина и Евтихий собирались вечерами у Ольги. Вдова, хозяйка Ольги, спать ложилась рано, а второй выход спасал от нежелательных осложнений. Конспирация становилась второй натурой Ольги. Потом к ним на огонек стал заглядывать и восемнадцати-

летний Николай Кудряшов, отчаянный спорщик с бесшабашными зелеными глазами. Учительница, студент, трое рабочих как нельзя лучше дополняли друг друга. Рабочие делились своими думами и горестями, Варенцова и Кондратьев — своими. Когда все выкладывалось на один стол, то оказывалось, что, по сути дела, вопросы и тех и других очень близки друг другу и пути решения их одни и те же: все упиралось в извечные российские проблемы — произвол самодержавия, всеобщее бесправие, гнет полиции и цензуры, невозможность легально разбираться в насущных вопросах жизни и тем более организованно бороться — даже легальными способами — за их разрешение.

В конце лета Кондратьев уехал в Петербург, но дружба оставшихся в Куликове не угасла — они все так же продолжали собираться вместе, делиться раздумьями над прочитанным и узнанным.

Наступила новая зима. Снежная, вьюжная, морозная. Сугробы завалили узкие улочки Куликова, снежные шапки прикрыли дома. Ходили бабы с коромыслами к колодцам за водой, да выли на луну дворовые собаки.

Мартовским днем в Куликове вновь появился Федор Кондратьев. Это было радостью.

— Что так рано? Ведь в институте занятия еще не кончились,— встретившись с ним, полюбопытствовала Ольга.

— Для меня кончились, и, кажется, навсегда,— ответил Кондратьев,— выгнали меня из Техноложки.

Ольга вопросительно на него взглянула. Кондратьев сильно изменился. Повзрослел и возмужал. Обычно улыбчивые глаза его смотрели с непривычной серьезностью. Голос стал басистым, слова он выговаривал неторопливо.

— Предлогом послужило то, что я участвовал в похоронах Николая Васильевича Шелгунова. Рабочие

участвовали в похоронах старого революционера, пришли с венком.

— Вполне достаточно, чтобы вылететь из заведения с «волчьим билетом»,— вздохнула Ольга.— Что же теперь станешь делать?

— Знаешь, Ольга, в марксистском кружке братьев Красиных, где я состоял, основную массу составляли не интеллигенты — хотя они и были там настоящими дрожжами,— а рабочие. Вот я и решил пойти на фабрику или на завод продолжать начатое — воспитывать рабочих в марксистском духе.

— Здорово ты изменился,— улыбнулась Ольга.— Кто же за полгода так тебя перевоспитал?

— Жизнь, Ольга Афанасьевна, жизнь. Я после похорон Шелгунова вместе с Бруснёвым и братьями Красиными попал в полицию. Сидели мы все вместе, в Коломенской полицейской части. И там за несколько недель я понял правоту Бруснева лучше, чем за все прошедшие три года. И главным было, пожалуй, то, что нужно не просто распространять марксизм среди рабочих... нет, главное — придать этому делу широкий размах и неукоснительную методичность. Заниматься планомерно и постоянно. Считать это главным делом своей жизни.

— Как это верно! Этого-то нам и недостает! — воскликнула Ольга.— От маленьких групповых вечеринок пора перейти к созданию планомерно и постоянно действующих кружков. Вроде бы и просто, а нелегко пришлось пробиваться к такой, казалось бы, несложной идее.

— Все гениальное — просто,— улыбнулся Федор Кондратьев, и лицо его просияло.— Да, непросто будет задуманное сделать. Куда мне посоветуешь пойти работать?

— Попробуй на завод «Анонимного общества». Там, я слышала, требуются рабочие-механики. А ты — технолог.

...Но Федора на завод не взяли.

— Нам неблагонадежные не нужны,— откровенно признался Кондратьеву управляющий. И, не скрывая раздражения, добавил: — У нас и без того хлопот полон рот.

С помощью Ольги Федор нашел частные уроки с неуспешными в математике гимназистами и реалистами. За пять рублей в месяц снял две комнаты в доме с отдельным входом на окраине Иванова, в деревне Иконниково, что неподалеку от Куликова.

Вскоре к нему переселились Евтихий Новиков и Николай Кудряшов. А затем едва ли не каждый вечер на огонек к друзьям стали собираться рабочие с текстильных мануфактур, с заводов, с фабрик.

Пили чай, рассуждали о прочитанных книгах и собственном житье-бытье. И странное дело — вроде бы в книгах не о них писалось, и они сами не книжные проблемы обсуждали, но прочитанное очень кстати разъясняло многое из того, что происходило в жизни у них на глазах.

...Перед тем как разойтись, пели песни. И чаще всего была эта печальная, казавшаяся им символической:

«Ах ты доля, моя доля,
Доля горькая моя.
И зачем меня ты, доля,
До Сибири довела...»

И хотя до Сибири было еще далеко, но призрак ее, казалось, маячил за окнами квартиры Кондратьева: горячие споры и разговоры могли вполне привести в Сибирь, узнай о них верноподданный обыватель.

* * *

Вокруг Ольги тоже собирались рабочие, желавшие найти свое место в жизни, понять, что вокруг происходит и как все изменить по правде и справедливости.

В большинстве своем это были работницы соседних мануфактур.

Ольга занятия проводила не у себя дома — первый арест научил ее осторожности,— а на квартире у Екатерины Васильевны Иовлевой.

Екатерина Васильевна, небольшого роста, подвижная, жила с дочерью Марией в почерневшем от непогоды домике. Мать и дочь занимали одну комнату, из двух остальных одну, побольше, сдавали Харитине Новиковой и Марии Капацинской, а самую маленькую — молодому рабочему Мише Багаеву, человеку любознательному, общительному и среди рабочих весьма авторитетному.

Зимой Ольга еще раз съездила в Москву и там, осторожно использовав старые связи, познакомилась со студентом-медиком Сергеем Мицкевичем. Сергей произвел на Ольгу самое лучшее впечатление. Он показался ей эрудитом: ни один из марксистов, встречавшихся Ольге до сих пор, не был столь основательно подготовлен.

Сергей передал Ольге несколько марксистских брошюр и книг и посоветовал ей, как организовать работу в кружке.

— Едва ли следует начинать с «Манифеста», Ольга Афанасьевна. Я обычно изучаю русские материалы, которые затрагивают современную жизнь. Можно прочесть, например, письмо Марии Константиновны Цебриковой Александру III.

— Я ничего о Цебриковой не знаю,— смутилась Ольга.

— Она три года назад уехала за границу и там опубликовала открытое письмо самодержцу. Письмо разошлось в списках. У меня есть один экземпляр. Пожалуй, я дам его вам.

Ольга поблагодарила Мицкевича и к полученным от него книгам прибавила несколько листков, исписанных четким убористым почерком.

— В письме этом,— сказал, прощаясь, Мицкевич,— затронуты многие вопросы сегодняшней жизни. Но конечно же не все. Ваши слушатели, прочитав письмо, добавят многое от себя. А как запал оно вполне годится. Обычно после письма начинается серьезный разговор. Оно будоражит и вызывает на откровенность.

* * *

С Талки дул холодный ветер, подбирал пожелтевшие листья тополей, разбросанные по берегам реки, и гнал по пыльным улочкам. Путь она держала в Ямы — рабочее местечко, застроенное лачугами.

В доме с тремя оконцами, выходившими к реке, собирались кружковцы. Дом был обнесен тесовым забором с калиткой, украшенной деревянной резьбой. Тощий пес с впалыми боками и большущей цепью на шее лениво забрехал. Приоткрылась занавеска на крайнем оконце, и молодая женщина появилась на пороге.

Из села Куликово Ольга по понедельникам приходила в Иваново-Вознесенск на занятия кружка.

Ольга собрала ткачих и стала вслух читать им письмо Цебриковой. Перед тем как приняться за чтение, она рассказала о Марии Константиновне Цебриковой, как советовал Мицкевич.

«Ваше Величество! — прочла Ольга.— Законы моего Отечества карают за свободное слово... Русские императоры обречены видеть и слышать лишь то, что видеть и слышать их допустит чиновничество, стоящее стеной между ними и русским земством, то есть миллионами, не числящимися на государственной службе... Кары за превышение власти, за наглое грабительство, за неправду так редки, что не влияют на общий порядок. Каждый губернатор — самодержец в губернии, исправник — в уезде, становой — в стане, урядник — в волости. Пря-

мая выгода каждого начальника отрицать и прикрывать злоупотребления подчиненного».

Слушательницы оживились.

— А у нас разве не так?! — воскликнула Капацинская, ладная, крепкая молодка с живыми умными глазами.— Пробовали губернатору на наших мироедов жаловаться, так он письмо исправнику переслал, а исправник, известное дело, у фабрикантов прикормлен. Мы же и виноватыми остались.

«Значит, действует»,— отметила Ольга и продолжила:

«Еще Александр I сказал, что честные люди в правительстве — случайность и что у него такие министры, которых он не хотел бы иметь лакеями. И жизнь миллионов всегда будет в руках случайности там, где воля одного решает выбор».

— Смелая женщина,— не удержалась Екатерина Иовлева и от волнения затянула потуже узел платка, лежавшего на плечах.

«Если бы Вы видели жизнь народа не по тем картинкам, которые Вам выставляют на глаза во время поездок Ваших по России, знакомились с русским народом не в лице одних волостных старшин и сельских старост, когда они в праздничных кафтанах подносят Вам хлеб-соль на серебряных блюдах, если бы Вы могли невидимкой пройти по городам и деревням, чтобы узнать жизнь русского народа, Вы увидели бы его труд, его нищету, увидели бы, как губернаторы ведут войско расстреливать рабочих, не подчиняющихся мошенническим штрафам и сбавке платы, когда и при прежней можно жить только впроголодь; Вы увидели бы, как губернаторы ведут войско расстреливать крестьян, бунтующих на коленях, не сходя с облитой их потом и кровью земли, которую у них юридически грабят сильные мира. Тогда бы Вы поняли, что порядок, который держится миллионной армией, легионами чиновничества

и сонмами шпионов, порядок, во имя которого душат каждое негодующее слово за народ и против произвола,— не порядок, а чиновничья анархия. Анархия своеобразная: чиновничий механизм действует стройно — предписания, доклады и отчеты идут своим определенным ходом, а жизнь идет своим... Прямая выгода каждого чиновника — доказать несправедливость жалоб на него и подчиненных его и заявить, что все обстоит благополучно в его ведомстве.

Ходят слухи, что Вы не терпите лжи. Как же Вы не поймете, что тот из чиновников Ваших, кто против гласности в суде и в печати, тот находит свою выгоду во мраке и тайне. Каждый честный человек, кто бы он ни был, министр или простой смертный, который не скажет: «Вот вся моя жизнь, пусть меня судит мир, грязных пятен нет на совести»,— тот не может быть честным человеком».

— Держи карман шире! Так они и согласятся,— снова вставила Иовлева.

«Народ наш беден. Крупный процент его живет впроголодь, и в урожайную пору крупный процент народа ест хлеб с мякиной... Избы его — сырые, вонючие лачуги. Топить нечем. Под печкой приют для новорожденных телят, ягнят, домашней птицы. Более половины детей умирает в раннем возрасте от плохой пищи матери, изнуренной работой, от родимчика — следствия слабости организма или отравления вредным воздухом. Брошенные без присмотра дети, пока мать на работе, также становятся жертвами несчастных случайностей.

У народа почти нет больниц... У безземельных батраков, у городских рабочих нет убежища под старость. Изжив все силы на работе, приходится умирать где придется — под забором, в придорожной канаве.

На школы и больницы, на устройство приютов для детей, богадельни для престарелых бесприютных работ-

ников — нет средств, но находятся средства на массу непроизводительных расходов — строительство и покупку дворцов, на министерство двора, управление имениями царствующей династии...»

Последние слова взволновали слушательниц сильнее, чем начало письма. Иовлева покачала крупной головой и воскликнула:

— А ведь все как есть — правда! Все как есть!

Маша Капацинская, раскрасневшаяся, возбужденная, добавила:

— Смотри-ка, дворянка, генеральская дочь, а и о нас, рабочих, замолвила слово!

— Как не замолвить,— вступила в разговор Ольга,— когда девять человек из десяти либо крестьяне, либо работники. Если не об их участи говорить, тогда письмо и смысла никакого не будет иметь. Если радеешь за народ — значит, радеешь за трудовых людей.— И продолжила: «Вас убедили почти из всего делать тайну доводами государственной необходимости, но правительство, скрывающееся во тьме и прибегающее к безнравственным средствам, само роет себе могилу. Вас отпугивают от гласного суда доводами, что гласность подрывает доверие общества к правительству своими разоблачениями, что и без того общество готово верить всему дурному насчет лиц, отмеченных властью. Если это так, то это доказывает одно: что горький опыт веков подорвал в обществе доверие к правительству и правительство давным-давно потеряло всяческое нравственное обаяние. И всего этого не воскресить ничем, потому что произволу нет оправдания. Тайна свидетельствует о неверии в себя. Кто верит в себя, тот света не боится. Тайна нужна только тому, кто сознает, что держится не нравственной, но одной материальной силой...

Молодежь вступает в практическую жизнь без необходимой подготовки. Молодежь, уцелевшая потому, что

не знала другого бога, кроме карьеры, будет плодить чиновничью анархию — насаждать сегодня, завтра же вырывать насаждаемое по приказу начальства, вносить еще более яда разложения в язвы, разъедающие родную страну.

Цензура наша ведет к тому, что молодежь жадно кидается не только на то, что есть верного в подпольной и заграничной печати нашей, но и на нелепости. Если гонят слово, значит, боятся правды.

Писатель — игрушка цензорского произвола и никогда не может знать, как взглянет на его труд и в какую минуту тот или другой цензор. Случалось, что московская цензура пропускала то, что запрещала петербургская, и наоборот...

Когда цвет мысли и творчества не на стороне правительства, то это доказательство того, что создавшая его идея вымерла и оно держится лишь одной материальной силой. Только живая идея может вдохновлять таланты...»

Женщины внимательно слушали письмо Цебриковой. Многое, о чем читала Ольга Афанасьевна, было им неизвестно, о многом они никогда не задумывались. Выходило, что не только рабочим жилось скверно. Ученые и писатели тоже маялись в этой беспросветной и для них жизни, тоже хотели перемен, тоже страдали и искали выхода из сложившегося положения.

— Кому же хорошо живется в России-то? — искренне поражаясь услышанному, тихо произнесла Маша Иовлева.— Неужто одному царю с семейством?

И замолчала, словно застеснялась столь нелепого предположения.

«Масса чиновничества и офицерства,— продолжала Варенцова,— карьеристы, по приказу насаждающие сегодня то, что завтра будут выпалывать, и наоборот, и всегда доказывающие, что и насаждение и выпалы-

вание — на благо России, потому что на то есть высочайшая воля. Они сами отлично ведают, что творят, но их всегдашний девиз: хватит на наш век и детей наших, а там хоть трава не расти...

Люди слова, люди науки озлоблены, потому что терпится только слово лжи, рабски славословящее, распинающееся доказать, будто все идет к лучшему, которому само не верит, потому что нужна не наука, а рабская маска ее, передержка научных фактов для оправдания чиновничьей анархии...

Если Вы захотите оставить мрачный след в истории, Вы не услышите проклятий потомства, их услышат дети Ваши, и какое страшное наследство передадите Вы им...»

Варенцова замолчала. Молчали и ее слушательницы.

— Ну, давайте поговорим, оценим письмо Марии Константиновны,— с улыбкой сказала Варенцова. Она стояла, маленькая, худенькая, в черном платье с воротником вологодского кружева, с белоснежными манжетами. Высокий лоб ее был открыт, а глаза излучали добро, но когда Ольга Афанасьевна прищуривалась и смотрела в упор, то в глазах ее угадывался необычайно твердый характер.

Женщины молчали, переглядываясь и так же смущенно улыбаясь. Они еще не привыкли рассуждать о материях столь значительных, да и лавина обрушившихся на них идей и сведений была столь громоздка, что разобраться сразу же во всем этом было нелегко.

Ольга Афанасьевна терпеливо ждала: конечно, непросто заговорить этим женщинам, в себе неуверенным, опутанным нищетой, неграмотностью, извечной бабьей прибитостью.

Первой решила высказаться Екатерина Иовлева. От волнения она раскраснелась, глаза потемнели.

— Я так, товарки, думаю. Письмо это честное, конечно же выстраданное. И все же не о нас оно. Есть там, конечно, добрые слова и о простых людях, да только немного их. О ком прежде всего заботится и сожалеет госпожа Цебрикова? О студентах, писателях, об ученых... Кто у нее главный враг народа? Чиновники. А так ли это? Мне кажется, что главный враг — это фабриканты, заводчики и купцы. А радеть надо, правильно Ольга Афанасьевна здесь говорила, за мужиков да за рабочих — ими земля держится.

— Дивно еще, что держится,— ввернула Харитина Новикова.— Работаем по шестнадцать часов, а едим купоросные щи — из кислой капусты с мучной подболткой. Кроме щей — редька да горох, хлеба и того не вдоволь. Мудрено ли, что баба в тридцать лет — старуха, да и как ею не быть, коли она с семи годов на фабрике гнется.

— А получает рубль двадцать в месяц. Это как ни крути, а четыре копейки на день. Не зажируешь,— добавила Маша Капацинская.

— А штрафы? — проговорила Екатерина Иовлева, вскинув крупную красивую голову.— На десять минут опоздаешь — вычитают дневную зарплату. День проболела — трехдневный заработок отдай. Разве взрослые рабочие много зарабатывают? Предел — шестнадцать рублей. Так это только у прядильщиков. А у моталок — девять, у ленточниц — семь.

В комнате висела тишина. Коптила керосиновая лампа, покрывая черными разводами стекло. У работниц лица напряженные, губы упрямо сжаты.

Екатерина Иовлева снова заговорила о штрафах:

— Из десяти-то рублей, почитай, шесть или семь на штрафы уходит. А как не опоздать, когда до фабрики шесть верст пешком шагать в ночи по сугробам. Шестнадцать часов отстоишь в духоте и жаре — в цехе почти

тридцать пять градусов — и обратно шагай свои шесть верст. Придешь в конуру — рухнешь без сил, не успеешь заснуть, ан уже снова на работу. Ладно я в своем домишке живу, а в казармах как проживают? На нарах — одно место на двоих: один на работе, другой спит. В праздники и прилечь некуда — половина по улицам шляется либо в кабаках сидит. Благо их в одном Иванове больше сотни. Кто из нас, баб, не бегал по кабакам да не вытаскивал пьяных мужиков, чтобы последней копейки не спустили...

— А библиотеки — ни одной,— сказала Ольга Афанасьевна.

— Оттого и читают «Еруслана Лазаревича» да «Бову-королевича»,— в тон Ольге добавила Маша Иовлева.

— Не скажи,— улыбнулась Варенцова,— сейчас в моде прежестокая книга «Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа». А ведь есть книги,— продолжила она серьезно, согнав с лица улыбку,— которые открыто говорят, как следует рабочим бороться за свои права, чтобы фабриканты сокращали рабочий день, повышали заработную плату, выдавали пособия. Мало ли несчастных случаев приключается на фабриках?! И для всего этого нужна организация... Думаю, что и нам пора такую организацию создать.

Женщины молчали.

— Неужто сумеем чего добиться? — с робкой надеждой в голосе спросила Екатерина Иовлева.

— Лиха беда начало,— тихо ответила Варенцова.— Одни мы, конечно, ничего не добьемся, но ведь вокруг нас только в Иваново-Вознесенске, почитай, двадцать тысяч рабочих. Или это не сила?

— Сила, конечно,— ответила Иовлева.— Только сила-то разобщенная.

— А мы ее сплотим. По крупице соберем и такую кашу заварим — вовек никакой власти не расхлебать!

* * *

Мысль о создании в Иваново-Вознесенске социал-демократической организации завладела Ольгой.

Через несколько дней она встретилась с Кондратьевым в сквере неподалеку от городской Думы. Тихо кружил пожелтевший лист, устилая узкие дорожки, красные от битого кирпича. Ольга протянула Кондратьеву руку и усадила на скамью. В эти вечерние часы было тихо, словно природа отдыхала после тяжкого дня.

Ольга казалась бледнее обычного. Подумала и начала разговор:

— Послушай, Федор, нам следовало бы создать социал-демократическую организацию. На просветительстве да кружковщине далеко не уедешь. Кружки самообразования способствуют пробуждению сознания рабочего. Но наша цель сложнее: нужно не просто объяснить ему, почему этот мир плох и несправедлив, но и научить, как его переделать.

— Ну и ну... Надумала! — воскликнул Кондратьев.— Впрочем, мысль, кажется, взята из марксистского учения... «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, наша задача — *изменить* его». Так, кажется?

Ольга с удовлетворением слушала Кондратьева. Внимательно поглядев на него, сказала:

— Грош нам с тобой цена, если рабочие лучше нас понимают, что здесь, в Иваново-Вознесенске, нужна социал-демократическая организация... Я это поняла на занятиях с кружковцами.

— Ну хорошо, что ты предлагаешь? Как к этому подступиться? — Голос Федора зазвучал басовитыми нотками.

— Нужно написать устав и обсудить его в кружках Я кое-что набросала.

Ольга достала из сумочки лист бумаги, протянула его Кондратьеву.

— Это самые приблизительные наметки — тезисы или структура, не более того.

Федор развернул листок. Быстро пробежал его глазами:

«1. Цель кружка — организация рабочих для борьбы с буржуазией и самодержавием за улучшение положения рабочего класса и пропаганды идей социализма.

2. Практические советы — как вербовать новых членов, как организовать рабочий союз из многих кружков.

3. Перспектива — объединение с рабочими союзами других городов, создание Всероссийского рабочего союза.

4. Членские взносы 2% с заработка на библиотеку и помощь арестованным».

Кондратьев принялся изучать написанное. Ольга не торопила его с ответом. Она и сама не одну бессонную ночь провела в раздумье.

Поднялся ветерок, и зашевелились, запрыгали пожухлые листы па дорожках. Накрапывал мелкий дождь.

Наконец Кондратьев сказал:

— Ну что ж, оставь мне твои наметки. Постараюсь расширить написанное тобою и думаю, что кружковцы устав примут.

* * *

Ольга шла по Иваново-Вознесенску и смотрела на город, будто видела его впервые. Внимание ее было обострено до крайности. Ей хотелось увидеть город глазами ее товарищей по кружку, женщин-работниц, чей удел оказался гораздо более трудным, хотя и ее жизнь нельзя было назвать легкой. Разница между ними была: Ольга сама избрала тот путь, которым шла. Ведь она могла

жить, как другие девицы из купеческого сословия – в праздности, а вот Новикова, Капацинская, Иовлевы пути не выбирали: жизнь заставила идти на фабрику, и они пошли, потому что ничего другого им не оставалось. С самого начала не дала им судьба никакого выбора.

Столько горя и невежества окружало их: болезни, нищета, жизнь, недостойная человека! Вечная забота о куске хлеба, клетушки, в которых ютятся рабочие, почти поголовная безграмотность и одуряющее пьянство. Нет, такой социальный строй не имеет права на существование, его нужно сломать, смести с лица земли все эти Рылихи, Ямы, Хуторовы — тонущие в грязи рабочие слободки со скособочившимися избенками, с подслеповатыми окошечками, с падающими заборами, угарным пьянством, с плачущими женщинами и перепуганными ребятишками.

Ольга смотрела на бесконечные ряды заводских и фабричных корпусов, вытянувшиеся вдоль реки Уводь, и видела не просто реку, а зловонную сточную канаву, которая у одного берега была красная, у другого — черная, а посредине — синяя из-за спускаемых в воду отработанных красок. Корпуса отражались в воде трехцветными чудовищами. Эти уродливые здания с облупившейся штукатуркой, побитыми стеклами в окнах, с ржавыми решетками: ни дать ни взять — чистая тюрьма. И небо над городом почти всегда было закрыто копотью десятков железных и кирпичных труб, и даже купол Воздвиженской церкви покрывался густой завесой угольной пыли.

У моста Ольгу догнал невысокий брюнет, которому шапка густых кудрей заменяла картуз.

Легонько коснувшись локтя Варенцовой, парень проговорил, радуясь встрече:

— Как хорошо, что встретил вас, Ольга Афанасьевна.

— А, Миша,— откликнулась Ольга,— далеко путь держишь? – И ласково поглядела на паренька, с которым познакомил ее Федор Кондратьев.

— Дела, дела, Ольга Афанасьевна,— многозначительным шепотом ответил Миша и хитровато взглянул на нее: сами, мол, понимаете, какие у нас, революционеров, дела.

— Поди, Федор Алексеевич поручение дал?

Багаев молча кивнул.

— Давно, Миша, Федора Алексеевича знаешь?

— Да лет с десяти. Отец мой швейцаром в реальном училище служил, Федор Алексеевич и еще два его брата реалистами были.

— Твой отец солдатом был?

— Как вы узнали?

— Так ведь в городе будочники, сторожа, швейцары, городовые, «хожалые» в рабочих казармах, что за порядком следят,— все из отставных солдат. Вот я и решила, что отец твой — тоже из отставных.

— Тридцать пять лет отслужил,— вздохнул Миша.— За это и удостоился. И меня с братом хоть и не многому, но все же выучил.

— Теперь, Миша, у тебя другое учение будет — не чета прежнему.

— Это я хорошо понимаю, Ольга Афанасьевна,— улыбнулся Багаев.— Разве те книги, какие дает нам Федор Алексеевич, сравнить с теми, что читали в школе?

— Что он вам дает? — заинтересованно спросила Ольга: для своих слушательниц она с трудом доставала литературу, и круг чтения в кружке Кондратьева был ей далеко не безразличен.

— Да разные... Мне больше всего понравилась книга Эдуарда Беллами «В 2000 году»

— Почему?

— Понимаете, в чем дело,— начал Миша.— Беллами написал книгу фан-та-стическую.— Он с заметным трудом произнес новое слово и закончил твердо, повторяя услышанное с чужого голоса: — Его фантазии помогали увидеть в сегодняшнем дне столько скрытого, что иной современник не видел...

— Да что же он подметил? — попыталась Ольга узнать у Багаева суть понравившейся ему книги. Она старалась не улыбаться, слушая заумные слова паренька.

— Попытаюсь вам объяснить... Герой книги Джулиан Уэст засыпает в наши дни в американском городе Бостоне и просыпается там же в двухтысячном году — более чем через сто лет. Просыпается он в чужом веке одиноким, и почти никто не понимает его — так сильно все переменилось за сто лет: нет бедности и тяжелого труда, нет неравенства. Все трудятся... Машины делают всякую работу, люди победили природу, уничтожили засухи, неурожаи и болезни, появилось множество пищи и вещей, государство поровну раздает их людям. Нет ни бедных, ни богатых. Сказка, действительно сказка... Иными словами, фантазия.— Миша приосанился и восторженно поглядел на Варенцову.— Люди немного времени проводят на работе, они занимаются искусством и науками. Из-за того что никто не нуждается и ни от кого не зависит, мужчины и женщины могут жениться и выходить замуж не по расчету, а по любви. И Беллами написал слова, которые мне особенно пришлись по душе: «Человечество отбросило сковывающие его узы. И над ним — голубые небеса». И вот, представьте себе, Ольга Афанасьевна, Уэст снова оказывается в Бостоне в наше время. И опять трущобы, нищета, безграмотность... Но это лишь кошмарный сон. Он по-настоящему просыпается в двухтысячном году в царстве социализма.

Ольга слушала Багаева и мягко улыбалась. Наверное, почти все, кто начинает задумываться о справедливом обществе, о высшей человеческой правде, сначала влюбляются в такие вот сказочные утопии и лишь потом убеждаются в их совершеннейшей несостоятельности.

И, дождавшись, когда Багаев закончил рассказ о фантастических приключениях Джулиана Уэста, Варенцова сказала:

— Интересную книгу дал Федор Алексеевич. Только вот задача: что с американскими богатеями произошло? Что с ними случилось? Как это фабриканты отказались от фабрик, купцы — от лавок, домовладельцы — от доходных домов? Все отдали обществу и засучив рукава стали честно трудиться, чтобы получать наравне со всеми?.. Получать хотя и достаточно, но все же намного меньше, чем они имели?

Багаев смутился.

— Федор Алексеевич объяснял, что сначала народ добивается избрания в правительство своих депутатов, а депутаты постепенно передают все избирателям, то есть народу.

— Как ты думаешь, Миша, может в России такое случиться?

— Сейчас, конечно, не может... Но к 2000 году может.

— Мы с тобой до 2000 года не доживем. Значит, сложить ручки и ждать, пока народ прозреет, а правительство подобреет, ждать, пока богатеи станут до того справедливыми и милосердными, что, плача от угрызений совести, все это и поднесут нам?

Багаев и Варенцова дошли до Вознесенского посада. Теперь вместо дымных, прокопченных фабричных корпусов их окружали красивые и уютные дома, чистые, мощенные камнем улицы, нарядные витрины магазинов. Сытая, добротно одетая публика, дамы в роскошных шляпах, породистые рысаки, запряженные в сверкающие

лаком экипажи, сменили людей, пробирающихся по узким тропочкам вдоль заборов среди разливанного моря слякотной грязи.

— Посмотри вокруг, Миша, и скажи: отдадут ли добром свое богатство ивановские мироеды — тебе, мне, Федору Алексеевичу и другим нашим товарищам? — спросилаВаренцова.

— Нет,— ответил Багаев,— едва ли отдадут и через сто лет.

Варенцова легонько коснулась его локтя:

— Сами отберем. Силой. И еще при нашей жизни. К тому и готовься, Миша.

* * *

«Ах, Федор, Федор,— думала Ольга Афанасьевна о Кондратьеве,— как начал ты не с того края, так и продолжаешь. Да разве Беллами ивановским рабочим нужен?»

И, перебрав небольшую свою библиотечку, она решила следующее занятие кружка провести по книжке «Варлен перед судом исправительной полиции».

«Во-первых, Варлен и его товарищи — рабочие,— думала Варенцова,— и это сразу вызовет симпатии слушательниц, во-вторых, их жизнь, их проблемы и борьба за свои интересы перекликаются с нашей современностью, с нашими проблемами и борьбой».

И когда кружок собрался, Ольга Афанасьевна сказала:

— Товарищи! Сегодня мы познакомимся с речью французского рабочего Варлена перед судом парижской исправительной полиции. Переплетчик Варлен и семь его товарищей в мае 1868 года судились за участие в недозволенной организации — Международном товариществе рабочих. Дело в том, что основавшие это Международное товарищество, или Интернационал, рабочие в

первый раз начали действовать отдельно от всех других нерабочих партий. «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом»,— написали они в своем Уставе и твердо держались этого правила, принимая в «Товарищество» только таких людей из других классов, которые перешли на их сторону и добивались справедливого устройства рабочего дела.

Другой небывалой раньше особенностью «Товарищества» была его международность. Рабочие поняли, что во всех государствах они одинаково страдают, повсюду у них одни и те же враги. Рабочие разных стран решили общими силами добиваться лучшего будущего. С тех пор они никогда не изменяли своему решению. Рабочие — члены Интернационала считают своими братьями рабочих всех других стран, а всех хозяев из разных стран — своими врагами.

Женщины слушали с явным интересом, не понимая, правда, какое это имеет к ним отношение.

— Для ведения своих дел рабочие выбирали уполномоченными, или выборными, лучших рабочих,— продолжала Варенцова.— Такими выборными был и Варлен с товарищами.

Ольга выразительно поглядела на женщин и сказала

— Я прочту вам речь Варлена на суде.

«Рассмотрим же добросовестно, хорош ли теперешний порядок и виноваты ли мы, что хотим изменить его?

Все наслаждения достаются небольшому числу людей, которым приходится придумывать, что бы такое еще купить на свои богатства, а миллионы трудящихся страдают в нужде и невежестве, терпят беспощадное угнетение и остаются при старых предрассудках, закрепляющих их рабство...

Платы рабочего не хватает на самое необходимое, а вокруг него ничего не делающие люди проживают огромные деньги..

Рабочий родится в нищете, растет, голодая; плохо одетый, в плохой квартире, растет без матери, вынужденной ходить на работу и оставлять его без призора на жертву тысячам случайностей, которые грозят заброшенному ребенку. И очень часто он приобретает с самого детства болезни, от которых страдает потом всю жизнь. Только что наберется он немножко сил, а лет в восемь должен он начинать работать, должен целые дни проводить за непосильным трудом в нездоровой мастерской, где с ним грубо обращаются, где он не учится ничему, кроме пороков!»

— Ну, все как у нас! — проговорила Капацинская.

«Вырастет он — судьба его не переменится. В двадцать лет его возьмут в солдаты и запрут в казармы или пошлют на войну, где он может быть убит, не узнавши даже, за что сражался.

Если он возвратится живым и женится, и тут-то, когда у него родятся дети, он узнает весь ужас нужды с ее болезнями, дороговизной, безработицей.

Всюду со страшными усилиями рабочий влачит свое существование среди лишений и оскорблений. В зрелом возрасте он должен со страхом ждать старости. Если у него нет семьи или семья его слишком бедна, то, как только пропадет его рабочая сила, он будет арестован за нищенство и, как преступник, умрет в заключении.

А этот человек вчетверо больше сработал, чем израсходовал на своем веку... Что сделало общество с остальными тремя четвертями его работы? Оно отдало их богатому. Этот избранник — сын богатых родителей — окружен с самого начала всеми заботами и роскошью. Его детство проходит среди ласк и удовольствий. Учителя дают ему всякие знания. Его молодость переполнена наслаждениями: роскошь, кутежи, карточные игры и продажная любовь — все к его услугам. Насытившись всем на свете, он женится, и семья окружает

его своими тихими радостями. За плату он послал вместо себя на войну брата той самой девушки, которую купил или соблазнил. Ему нечего опасаться старости — ведь он богат. А между тем этот счастливец никогда не работал, ничего не произвел, он всю жизнь только пользовался лишениями своих угнетенных братьев. Присмотритесь — и вы увидите глухую ненависть между богатым классом, охраняющим теперешнее положение, и рабочим, который хочет завоевать себе лучшее будущее».

— И у нас то же самое! — воскликнула Иовлева.

— Верно, — подтвердила Варенцова. — И у нас, как и в других странах, где существуют неравенство и эксплуатация, происходит одно и то же. И в России, и во Франции одна и та же система — капитализм. Одинаковый строй — капитализм — порождает одинаковые явления. И на Западе рабочим живется так же тяжело, как и у нас. Везде рабочие живут в нужде и несправедливости. Но есть разница. На Западе среди рабочих много образованных людей, понимающих, что судьба, будущее зависят от них самих, от собственной борьбы. К сожалению, среди русских еще мало людей, понимающих положение своего класса и готовых бороться за лучшее будущее. Трудно лишь начало. Но как только проснется в русских рабочих решимость искать выход из тяжелого положения и неразлучное с этой решимостью горячее желание знания, они добьются свободы от жестокого царского деспотизма, добьются и освобождения от нужды, непосильного труда и угнетения. В Европе стачки случались и раньше, как случаются и в России. Но так как стачечники полагались только на свои силы — каждой фабрики, каждой мастерской или каждого завода в отдельности, — то хозяевам нетрудно было справиться с ними: голод заставлял рабочих вернуться на работу. Вы, конечно. хорошо помните стачку в Никольском, на морозовской

ткацкой фабрике, в восемьдесят пятом году. Почти восемь тысяч рабочих участвовали в ней, стойко держались они и против хозяев, и против губернатора, и даже против войска. Однако продержались всего десять дней. А потом организаторы стачки были арестованы, осуждены и высланы по этапу. О чем это говорит? О том, что одна фабрика, один завод, как бы велики они ни были, не могут противостоять организованной силе враждебного им государства. Только союз всех работников страны и солидарное с ним международное единение трудящихся могут сломить силу врагов трудового народа — царя, фабрикантов, помещиков. Начало этому и положило «Международное товарищество» — Интернационал. Оно сплотило рабочих разных стран, научило их взаимопомощи — пролетарской солидарности. Это пугало и бесило буржуазию и всех хозяев, и они добились у своего правительства, чтобы оно отдало под суд выборных людей «Международного товарищества».

— А как же иначе? — возмущенно проговорила Харитина Новикова.— Власть и богатеи — всегда заодно. Начнись и у нас забастовка, тут же появляются полицейские, а то и солдаты. И ведь всегда против рабочих и за капиталистов.

Новикову дружно поддержала Капацинская, другие женщины. Варенцову обрадовало, что ее слушательницы верно оценили все ею сказанное, и то, что Харитина впервые употребила новое для нее слово — «капиталисты», и то, что все женщины были единодушны и мыслили так, как того и хотела она — их руководительница.

С улицы доносился сиплый фабричный гудок, возвещавший начало новой смены. За окном сгущались сумерки, плотной чернотой прижимались к домам. Высоко в небе блестел серебряный рожок месяца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В начале мая 1894 года из двухэтажного особняка на Сретенской улице выехало семейство проживавшего здесь городского судьи Чихачева, и после непродолжительного ремонта в опустевший дом въехали новый городской судья и невысокая старушка — судя по схожей с ним внешности и возрасту, его матушка. Был судья высок, осанист и, несмотря на молодость, с окладистой, аккуратно подстриженной бородой. Соседям показалось необычным, что все имущество судьи, им с собою привезенное, уместилось на двух телегах, да и то на одной были только книги, а все прочее — на второй.

Новый судья держался одиноко, знакомств не заводил и до полуночи засиживался над бумагами — во всяком случае, лампа в окнах его кабинета на втором этаже горела допоздна.

Кружок Ольги Афанасьевны к этому времени разросся до трех десятков человек. Произошло это и оттого, что Федора Алексеевича взяли в армию и оба кружка — мужской и женский — слились воедино. А кроме того, старые кружковцы приводили на занятия новых, которым можно было, по их мнению, вполне довериться.

Ольга понимала, что чем большее число людей вовлекается в организацию, тем больше шансов, что о ее деятельности узнают полицейские или жандармы. И потому сразу после объединения кружков приняла строгие меры конспирации и изменила принцип занятий. Кстати, пришла пора подумать и о подготовке из рабочих пропагандистов. Она сама на занятия кружка почти никогда не приходила, а занималась только с тремя рабочими — Евтихием Новиковым, Михаилом Багаевым и новым товарищем, Николаем Кудряшовым,— начитанным, любознательным, все схватывающим на лету; эти рабочие проводили регулярные занятия в кружке. И только они

трое знали, какую роль во всей этой работе играет Ольга Афанасьевна Варенцова, где можно ее найти и через кого с нею связаться.

Для полной конспирации Ольга Афанасьевна при кружковцах просила доверенных называть ее Марией Ивановной и, желая обезопасить кружок от провала, велела перенести занятия из дома бывшего поднадзорного Кондратьева в другое место — на Ново-Заднюю улицу, в дом ткача Кукина.

На одном из занятий, перед тем как приняться за обсуждение прочитанного накануне, Лиза Володина сказала, что вчера на фабрике слышала о деле почти невероятном: недавно поселившийся в городе судья вынес решение в пользу рабочих и заставил хозяина вернуть неправильно взысканный штраф.

Лиза Володина в кружке была из новеньких. Высокого роста, с большущей русой косой, ясными голубыми глазами, она обращала на себя внимание.

— Кто же это? — поинтересовался Багаев, проводивший занятие.

Лиза Володина ответила:

— Сергей Павлович Шестернин. Имя запомнила хорошо, рабочие частенько его называли.

Варенцова завела такой порядок: доверенных просила обязательно рассказывать обо всем, что на занятиях кружка происходило, о чем рабочие говорили, чем интересовались. И давала советы, как лучше ответить в следующий раз. Багаев, рассказывая Ольге Афанасьевне о прошедшем занятии, упомянул и о том, что услышал от Володиной.

— Как, ты сказал, его зовут? — переспросила она Багаева.

Сергей Павлович Шестернин,— ответил Михаил.

* * *

Подходя к дому Шестернина, Ольга поймала себя на мысли, что невольно прежде всего оценила место расположения особнячка.

«И слева, и сзади — пустыри прямо до берега Уводи. Очень удобно, если нагрянет полиция».

Сергей Павлович необычайно ей обрадовался. И, угощая чаем, говорил и расспрашивал, и слушал ее, и снова рассказывал.

Ольга поведала Сергею обо всем с нею происшедшем; особое внимание уделила тому, как она и Кондратьев написали устав организации и размножили его на гектографе.

Рассказала и о том, как всего год назад отпраздновали они в Иваново-Вознесенске первую маевку и несколько недель назад — вторую.

— Собирались в лесу, около фабрики Витовых, за рекой Талкой, прослушали нескольких ораторов, подняли красный флаг и спели свои любимые «Долю бедняка» и «Волга-Волга весной многоводной...». Немного, конечно, но, в общем, как говорится, стали на торную дорогу,— заключила Варенцова.— Хорошо, что ты теперь здесь — дальше пойдем рядом. Нужно будет очень старательно тебе скрывать взгляды среди «коллег» — судей, прокуроров и полицейских. Так ты принесешь больше пользы. Следи, как бы ненароком не обратить на себя внимания.

— Согласен с тобой, Ольга,— быстро ответил Шестернин, словно о чем-то давно решенном.— Так думаем не только ты и я.— И проговорил в задумчивости: — Конспирация... конспирация... Для революционера конспирация должна стать второй натурой... И между прочим, нам бы не грех поучиться этому у некоторых.

— Чувствую, ты не обо всем сказал мне, Сергей. Сдается, ты о многом умалчиваешь...

По лицу Шестернина пробежала счастливая улыбка.

— Я познакомился с удивительными людьми, Ольга. Ты, кажется, знала по Владимиру сестер Невзоровых?

Ольга улыбнулась. И улыбка ее была столь же светлой, как и у Шестернина.

— Кто же не знал этих умниц, о которых, помнится, учитель греческого языка сказал, что если бы они жили во времена Гомера, то Парис не решился бы сказать, кто из них прекраснее, и одной войной в истории человечества было бы меньше.

Шестернин прошелся по ковровой дорожке и сказал:

- Старик был далеко не так уж не прав. Так вот две из них — Соня и Зина поселились на 7-й линии Васильевского острова. И я на правах старого товарища и земляка заглядывал к ним. У них-то я и встретил людей положительно необыкновенных. Я имею в виду прежде всего Владимира Ульянова — младшего брата Александра Ульянова. Кроме него встречал я там и близких его друзей — Глеба Кржижановского, Михаила Сильвина, Василия Старкова и Анатолия Ванеева. Владимир Ильич, узнав, куда я еду, попросил присылать сведения о положении иваново-вознесенских рабочих. Я обещал, конечно. Ульянов дал мне с собой несколько хороших книг, в том числе и свою собственную.

Шестернин достал из стола тоненькую брошюрку, подержал в руках и прочитал заглавие: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

Ольга с интересом поглядела на брошюру и сказала:

— Не могу судить о книге, не прочитав, но тема выбрана чрезвычайно удачно. Это как раз то, чего не хватает рабочим,— разъяснение их прав в борьбе с хозяевами.

— Я читал ее,— ответил Шестернин,— толковая и грамотная книга. Сразу видно, что автор — юрист. Но прежде всего марксист. С самой большой буквы... Ульянов,— продолжал Шестернин,— дал мне московский адрес своей

сестры, Анны Ильиничны, и когда я проезжал через Москву, познакомился с нею и с ее мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым. И они мне тоже понравились чрезвычайно — интеллигентные, честные. Марк Тимофеевич служит в управлении Московско-Курской дороги, Анна Ильинична, когда я был у них, переводила драму Гауптмана «Ткачи». Анна Ильинична познакомила меня с Мицкевичем.

— Худым, белокурым, весьма подвижным, которого зовут Сергей Иванович? — лукаво добавила Ольга.

— Ты его знаешь? — изумился Шестернин.

— Пока еще мир марксистов довольно тесен,— улыбнулась Ольга,— и немудрено, что многие знают друг друга.

— Сергей Иванович свел меня с товарищем, который пообещал снабжать Иваново-Вознесенск нелегальной литературой.

— Это хорошо,— отозвалась Варенцова,— библиотека у нас есть, есть даже и библиотекарь — Коля Кудряшов,— но книг позорно мало.

— В Питере и в Москве — сильные социал-демократические организации, и если они помогут, то дело пойдет,— уверенно проговорил Шестернин.— И знаешь, негоже нам быть захребетниками да попрошайками. Почему бы и нам не открыть в городе книжную лавку?

* * *

Федор Иванович Еремин слыл в Иваново-Вознесенске местным Кулибиным и Менделеевым в одном лице. Он работал на химическом заводе и не только большую часть рабочего времени, но и весь свой досуг посвящал беспрерывным химическим опытам. Во дворе, где стоял особняк Еремина, находилась домашняя лаборатория — небольшой флигелек в три окошка. Федор Иванович вечно

пропадал либо на заводе, либо во флигельке. Его супруга, Александра Николаевна, все свое время посвящала общественной деятельности: то организовывала благотворительный вечер, то собирала деньги на строительство земской школы, то заседала в попечительском совете сиротского приюта.

По воскресеньям у Ереминых собирались местные интеллигенты, но дом их не был открыт для званых и незваных — приходили люди определенного толка и столь же определенного направления мысли. Это были передовые, болеющие за народ люди, готовые прийти на помощь униженному и оскорбленному «младшему брату».

Домашняя учительница Ольга Афанасьевна Варенцова и городской судья Сергей Павлович Шестернин принадлежали к такому кругу лиц и потому бывали в доме Ереминых. И если отличались большим, чем другие гости, радикализмом в суждениях, все же никаких бунтарских высказываний не позволяли себе, и хозяева немало бы изумились, знай они, что думают на самом деле и чем тайно занимаются милейшая Ольга Афанасьевна и страж законности Сергей Павлович.

Однажды на таком вот приеме кто-то из гостей посетовал на то, что в Иваново-Вознесенске нет ни театра, ни порядочной библиотеки, ни единой книжной лавки, хотя жителей в городе пятьдесят тысяч и существует город без малого четверть века. Шестернин и Варенцова подхватили разговор и предложили образовать инициативную группу, которая взяла бы на себя общественно полезное и благородное дело — создание первой в городе книжной лавки.

Хозяйка дома с энтузиазмом идею поддержала и тут же была избрана председательницей комитета по сбору средств для создания первоначального капитала. Ее же было решено сделать и номинальной хозяйкой будущей книжной лавки.

Идея понравилась всем, и новое дело вызвало бурное оживление присутствующих. Ольга Афанасьевна и Александра Николаевна наметили примерный круг авторов и изданий, какие хотелось бы иметь в будущей лавке.

Александра Николаевна назвала множество книг, в которых разумное, доброе и вечное было облечено в превосходную форму и заставляло сердца гореть любовью и состраданием,— Некрасов, Надсон, Тургенев, Толстой, Гюго, Гауптман были лишь небольшой толикой среди названных ею имен. Ольга Афанасьевна похвалила вкус Ереминой и в свою очередь добавила, что неплохо бы иметь в лавке книги издательства Павленкова из серии «Жизнь замечательных людей», а также сочинения Бокля, Эспинаса, Липперта, Тимирязева и, конечно, книги по рабочему вопросу, чтобы привлечь в лавку и фабричный люд.

Когда же Еремина спросила, какие именно книги имеет в виду Ольга Афанасьевна в последнем случае, Варенцова назвала несколько вполне легальных сочинений — «Рабочий вопрос» Ланге, «Восьмичасовой рабочий день» Вебба и Кокса, «Фабрика» Дементьева, да с тем и умолкла. Собравшиеся сочли названные книги полезными и, внеся по нескольку рублей в пользу нового предприятия, довольные разошлись по домам.

Сергей Павлович, провожая Ольгу Афанасьевну домой, проговорил с усмешкой:

— Ты с умом определила круг чтения. Можно будет для отвода глаз и парочку-другую официальных изданий прикупить.

— Может, портрет батюшки царя на стену повесить? — рассердилась Варенцова.

— Для пользы дела готов лавку украсить даже персоной Константина Петровича Победоносцева,— снова усмехнулся Шестернин.

Варенцова быстро на него взглянула, но так и не поняла, шутит он или нет.

— Нашу литературу и получать будем по старым каналам, и хранить отдельно,— продолжил Сергей Павлович.— Да и продавцом хорошо бы иметь своего человека.

— Попросим определить в лавку приказчиком Николая Кудряшова. Он и наши книги из-под полы нужным людям предлагать будет.

— Верно,— согласился Шестернин,— свой человек в лавке — большое дело. При нужде и собраться будет можно без соглядатаев, и передать друг другу кое-что запрещенное без помехи.

* * *

Сергей Павлович и Александра Николаевна Еремина за короткое время собрали по подписке триста рублей, и Шестернин с деньгами и рекомендательными письмами отбыл в Москву. Там он обратился за содействием к Вахтерову — инспектору народных училищ, и Гольцеву — профессору Московского университета, в прошлом народовольцу. Оба были известными деятелями в области просвещения.

Вахтеров и Гольцев заручились поддержкой издателей и книгопродавцев Кувшинова, Сытина и Прянишникова.

Объединенные усилия всех оказавших содействие привели к тому, что Шестернин, приехав в Москву с тремястами рублей, отправил в Иваново-Вознесенск книг на полторы тысячи.

...Хороший товар потребовал и хорошего помещения. За пятьдесят рублей в год на главной торговой площади города на имя Ереминой была открыта книжная лавка. У полок, заставленных книгами, стали собираться все те, кто считал покупку и чтение книг наиполезнейшим делом.

А приказчик — Николай Николаевич Кудряшов — похаживал вдоль полок, послушивал да посматривал. Заметив нужного человека, выносил ему из кладовой аккуратненькую стопку книг, иногда сам получал какие-то свертки и быстро их прятал.

И среди гимназистов и фельдшеров, семинаристов и реалистов, приказчиков и рабочих, конторщиков и телеграфистов оказывались совершенно незаметными домашняя учительница Варенцова и судья Шестернин, которые иногда заглядывали в лавку и негромко беседовали, отойдя в сторону, о разных делах...

* * *

В конце 1895 года начальник Владимирского губернского жандармского управления полковник Воронов и состоящие под его командой офицеры сочиняли в Департамент полиции отчет о всех достойных упоминания происшествиях, имевших быть в текущем году.

Среди наиважнейших упомянули о том, что в заштатном городе Иваново-Вознесенске, входящем в Шуйский уезд вверенной их попечению губернии, группой преступных лиц, имена которых пока не до конца выявлены, был организован противозаконный так называемый «Иваново-Вознесенский рабочий союз».

Сведения эти были абсолютно надежными, так как поступили через рядового Отдельного корпуса жандармов Хорькова, получившего их от своего родственника, входившего в указанную преступную организацию. После того как добровольному осведомителю было выплачено вознаграждение, он рассказал и об отдельных руководителях «Иваново-Вознесенского рабочего союза», и о противоправных его действиях.

Жандармскому полковнику Воронову было известно, что группа довольно хорошо законспирированных ру-

ководителей собрала пропагандистов, проводящих занятия в социал-демократических рабочих кружках, и кто-то (кто именно — осведомитель не знал, ибо на собрании не был) зачитал проект программы «Иваново-Вознесенского рабочего союза».

Осведомителю было известно, что мнения на собрании разделились: большинство настаивало на том, чтобы рабочие добивались улучшения экономического положения и в политику не вдавались. Однако нашлись двое каких-то мужчин и одна женщина, которые настаивали на том, чтобы в программе «Союза» были пункты о свержении самодержавия любыми способами, включая и вооруженную борьбу. Но, кажется, эти трое крайних радикалов, слава богу, остались в меньшинстве.

Первого мая социал-демократы провели маевку в лесу, заслушали проект предложенной им программы и утвердили ее.

Прямым следствием активизации местных социал-демократов следует считать и такой факт: весной 1895 года произошла чисто женская стачка. Впервые в Иваново-Вознесенске. Случилась она на фабрике братьев Гандуриных.

Из сего жандармы сделали вывод, что среди женщин-работниц успешно действуют социал-демократические смутьяны, скорее всего, анонимные главари «Союза». Именно они, как стало известно, образовали Комитет, в обязанность которому вменили централизовать руководство кружками, назначать по фабрикам и заводам социал-демократических пропагандистов, снабжать кружки литературой и поддерживать деньгами семьи смутьянов, попавших в тюрьму за антигосударственные преступления.

Воронов сначала не верил в существование этого, как ему казалось, мифического Комитета; но 1 октября забастовали рабочие «Товарищества Иваново-Вознесен-

ской ткацкой мануфактуры», и по тому, как стачка развернулась, стало ясно, что за спиной рабочих стоят умные и опытные организаторы.

Начало стачки на первых порах особых опасений не вызывало; более того, Воронов считал, что виноваты в ней не столько рабочие, сколько фабриканты. По традиции, сложившейся на мануфактурах, хозяева на зиму снижали расценки против летних (летом рабочие руки и в деревне дороги). Но на сей раз зарплата ткачам не просто была понижена, а буквально рухнула.

В ответ на это две тысячи рабочих бросили работу. Власти пошли испытанным путем: в город вступили войска и с ними вместе прибыл владимирский губернатор Теренин.

Его превосходительство остановился в доме фабриканта Дербенева, давая понять бастующим, на чьей стороне его симпатии. Дом Дербенева был оцеплен войсками, и доступа к его превосходительству для забастовщиков не было. Теренин к бунтарям не шел, время от времени посылая к ним приехавших в свите чиновников. Те уходили и возвращались ни с чем.

Тогда его превосходительство соизволил подпустить рабочих к дому для личных с ними объяснений.

Во время переговоров, которые ловко и умно вели стоявшие в первом ряду выборные, кто-то из забастовщиков, потеряв терпение, крикнул:

— Чего с ним разговаривать! Он сам на фабричных хлебах пасется! Дербенев его и поит и холит! Нешто он против своего кормильца пойдет?!

Воронов никогда не считал Теренина умным человеком, но то, что сделал губернатор, навсегда убедило жандармского полковника, что сановник потерял последние остатки ума. Теренин, побагровев, заорал:

— В нагайки их!

И сотня казаков ринулась на рабочих, топча упавших копытами и беспощадно полосуя бегущих.

Десятки людей попали в больницу, среди них оказалась и беременная женщина, которая скончалась через три дня.

Рабочие сгрудились во дворе фабрики, и перед ними выступил оратор — крепко сбитый молодой человек, уверенно державшийся перед собравшимися. Это был, как донесли Воронову, некий Михаил Багаев — рабочий, сын отставного солдата, ранее ни в чем предосудительном не замеченный. Но то, как он говорил, и то, что́ он говорил, свидетельствовало, что перед двухтысячной толпой выступает закоренелый социал-демократ. Багаев сначала разъяснил стачечникам задачи борьбы за свои права, затем призвал их к стойкости и солидарности и, наконец, предложил выработать коллективные требования к хозяевам «Товарищества».

Воронов заподозрил, что за спиной Багаева стоит организация.

Получив донесение о митинге на фабрике и о речи Багаева, Воронов обрадовался тому обстоятельству, что у иваново-вознесенского пристава хватило ума не арестовать Багаева. Оставаясь на свободе, он обязательно наведет жандармов на след тех таинственных руководителей, которые поручили ему выступить с речью на митинге и надоумили составить коллективные требования к фабрикантам.

...Слежка вскоре дала результаты: Багаев оказался связанным с приказчиком книжной лавки Кудряшовым, а также с поднадзорным Кондратьевым, призванным в армию, и некоторыми не внушающими доверия рабочими.

Конец ниточки Воронов нашел и ухватил. Теперь следовало размотать и весь клубок. Полковник надеялся, что другой его конец непременно приведет к осиному гнезду организации — пресловутому Комитету.

* * *

Николай Кудряшов — приказчик книжной лавки и хранитель нелегальной социал-демократической библиотеки «Иваново-Вознесенского рабочего союза» — был человеком большой доброты. Год назад он присмотрел в железнодорожном депо худого, чумазого парнишку, которого никто иначе не называл, как Васькой.

Васька приниженно улыбался и со всех ног бросался выполнить любое распоряжение, желая угодить каждому.

— Били тебя много, что ли? — спросил Николай Ваську, когда познакомился с парнишкой поближе, и по тому, как тот быстро и испуганно кивнул, соглашаясь, понял, что бит Васька не раз и страх перед побоями составляет самое сильное впечатление его жизни.

«Бедный ты, бедный,— подумал Кудряшов.— Как же мне из тебя человека сделать? — И сам себе ответил: — Добротой и уважением». Книжный был человек Кудряшов, много всякого к этому времени прочел и не чурался тех книг, в которых говорилось и о таких материях, как любовь и уважение к человеку.

Одним из близких к Кудряшову людей был учитель Щеколдин — худой блондин с редкой светло-рыжей бородкой, превыше многих прочих почитавший Глеба Успенского и Иннокентия Омулевского.

— Зло всегда в ответ зло вызывает,— говорил Щеколдин, теребя бородку.— Я где-то восточную притчу прочитал: «На дереве, корни которого уходят в почву насилия и питаются кровью, могут вырасти только одни плоды — плоды ненависти. И вырастут они обязательно даже через тысячу лет».

— Какой же ты революционер? — удивлялся Кудряшов, не без уважения поглядывая на учителя.— Граф Лев Николаевич Толстой и тот иногда злее тебя бывает.

— Погоди,— ухмылялся Щеколдин.— Когда я о добре говорю, то имею в виду отдельного человека. Если речь идет об обществе или государстве, тут разговор другой. Тут я — революционер.

Кудряшову надоело спорить, тем более в чем-то он правоту Щеколдина признавал. Просто, наверное, оттого, что сам был человеком жалостливым.

Пригрел он возле себя Ваську, перетащил корзину да торбу с его имуществом к себе на «квартиру» — в комнатку в избушке на краю Иванова — и почувствовал на сердце радость, будто бездомного щенка приютил.

А «щенок» и ласков был, и послушен, и к чтению книг, которые Кудряшов дома держал, пристрастился.

Николай дал Василию сначала книгу Баха «Царь-голод» и вслед за тем — Дикштейна «Кто чем живет?».

Парнишка их проглотил за неделю и буквально вгрызся в «Речь рабочего Петра Алексеева». И это очень обрадовало Кудряшова: парнишка-то — умница!

Василий, пригревшись, стал частенько и о себе рассказывать. Был он по происхождению рабочей косточкой — сыном железнодорожника. Отец умер рано, оставил вдове кучу ребятишек, и потому Василий Закс — так звали паренька — с ранних лет попал в депо. Работал учеником слесаря, получал четыре рубля в месяц и делал самую грязную работу, какая только была.

От этих рассказов Кудряшов жалел его еще больше и потихоньку-помаленьку стал знакомить с приходившими к нему друзьями — членами кружка.

Закс восхищался своими новыми знакомцами; да и как не восхищаться: не дрались, не сквернословили, держались с ним как с равным. Да за все свои пятнадцать лет не видел он и небольшой толики того тепла, которое досталось ему от Николая Кудряшова и его друзей.

Однако, читая книги и слушая разговоры, которые, не стесняясь, вели при нем Кудряшов и его товарищи,

стал Васька понимать и другое: сила и богатство, на которые они замахнулись, не на их стороне, и еще неизвестно, сумеют ли они добрые и справедливые, но нищие и слабые — побороть злых и несправедливых, но богатых и сильных.

И однажды, когда от таких дум стал у Васьки Закса заходить ум за разум, пошел он поговорить с дальним родственником, о котором никому ни слова не говорил, потому что служил родственник в жандармах.

* * *

Воскресным днем, вырядившись в сатиновую рубаху, подаренную Кудряшовым, Васька отправился в Ямы, где в собственном домике за дощатым забором жил его родственник.

Однако, придя к Хорькову, Васька по первому разу ему почти ничего не сказал. А вроде бы сам стал у Хорькова выпытывать, есть ли в Иваново-Вознесенске люди, которые против царя замышляют?

— Зачем это тебе? — спросил Хорьков, настораживаясь, сузив и без того маленькие, злые глаза.

— Да иной раз слышу в депо разные разговоры, а того не знаю, по злому умыслу или от глупости они,— ответил Васька, прикидываясь простодушным и даже придурковатым.

— Да-а... А ты мне о тех разговорах расскажи,— обрадовался Хорьков и внимательно посмотрел на парня,— я точно скажу, крамола ли зто или же простая глупость.

— А мне-то с того что за польза? — всерьез усомнился Васька.

– Награждение получишь,— проговорил Хорьков таким тоном, будто лично он - рядовой жандармской стражи — даст Ваське награждение. Он приосанился, развернул плечи.

А много? — будто шутя спросил Васька.

— За полгода столько не заработаешь,— начиная злиться, проговорил Хорьков: игра в «кошки-мышки», которую вел Васька, его раздражала. «Молод еще... И тоже шустрый».— Ну так кто ведет всякие в депо разговоры?

— Хорошо бы...— мечтательно протянул Васька, словно не слыша вопроса.— Сапоги бы купил, рубаху новую, пиджачишко...

Хорьков молча ждал.

— Да вот беда, таких злоумышленников не знаю.

— Хорошо... В депо не знаешь, так покрутись в книжной лавке госпожи Ереминой,— присоветовал Хорьков,— там таких — пруд пруди. Награда-то обычная — рубликов двадцать пять — тридцать... Хозяйственному человеку на коровенку хватает.

«Сказать или не сказать? — забеспокоился в душе Васька,— сказать или не сказать?»

И Кудряшова было жалко, и друзей его, но двадцати пяти рублей враз он никогда в руках не держал. И решился.

— Нам это проще пареной репы,— произнес он с таинственной значительностью,— но слова словами, а дело — делом.

— Ты это о чем? — не понял Хорьков.

— Деньги вперед,— обнаглел Закс, испытывая непривычную сухость во рту.

Хорьков, не соглашаясь, покачал головой.

— Ну ладно,— чувствуя, что отступать поздно, да и невыгодно, согласился Васька.— Вы тут про лавку говорили, так я одно скажу: я у приказчика той лавки Николая Кудряшова квартирую и мне его секреты известны. А более, пока деньги не получу, ничего не скажу. Не знаю, и баста.

Хорьков погладил усы, задумался.

— У меня, Василий, сам понимаешь, таких денег не водится,— в задумчивости проговорил жандарм.— Однако вот те крест,— Хорьков размашисто перекрестился,— завтра еду в Шую и все как есть перескажу господину подполковнику Добржанскому. А уж за их высокоблагородием не пропадет.

Васька по привычке униженно поклонился и вышел, стукнув дверью.

* * *

Отпраздновав встречу нового, 1896 года в доме Ереминых, Сергей Павлович вскоре по делам службы выехал в Шую. В уезде предстоял пересмотр судебного дела, которое в свое время разбирал Шестернин в Иваново-Вознесенске.

Сергей Павлович полагал дело несложным, в успехе не сомневался и потому рассчитывал к ночи возвратиться домой.

Так оно и случилось. Заседание было непродолжительным, присяжные взяли сторону рабочего, и, таким образом, фейерверк красноречия, которым осыпал присутствующих в суде товарищ прокурора, оказался напрасным.

Досадуя на себя за то, что чуть ли не полчаса ему пришлось впустую метать бисер перед свиньями — иных слов он для присяжных не находил,— товарищ прокурора желчный и мелочный, решил уязвить выигравшего дело Сергея Павловича и потому проговорил с немалым ехидством:

— Вот вы, уважаемый коллега, всегда защищаете рабочих и находите в них особенные нравственные качества... Буквально на днях ивановский рабочий Закс выдал своих товарищей и получил за это тридцать рублей.

Сергей Павлович покачал головой, сохраняя на лице бесстрастность.

— Что ж из того, уважаемый коллега: может быть,

он так понимал свой гражданский долг? Ведь мы внушаем рабочим, что социал-демократы — враги государства и общественного порядка. И, наверное, этот рабочий поверил нам и совершил, напротив, нравственный поступок.

— Ну, знаете...— смешался товарищ прокурора.— Это уж черт знает что!

...Шестернин, не заезжая домой, завернул к Ереминым и попросил их горничную позвать к нему Ольгу Афанасьевну. Варенцова оказалась дома и тотчас же пожаловала.

Выслушав Шестернина, она испугалась. Мелкими шажками прошлась по комнате, стараясь привести свои мысли в порядок.

— Давай поразмышляем вслух,— сказала она, присаживаясь к столу, на котором был сервирован чай.— Кого знает Закс?

— Многих,— ответил с печалью Шестернин.— К сожалению, многих.

— Верно,— согласилась Варенцова, и на щеках полыхнул румянец.— Тогда спросим: что грозит товарищам, на которых донес Закс?

— Если будут доказательства их принадлежности к «Союзу», то административная ссылка.

— А если нет?

— На нет и суда нет,— серьезно и озабоченно проговорил Шестернин.— Да что я тебя учу? Или ты меньше моего знаешь? Нужно придумать выход... Ах, Кудряшов, Кудряшов... Вот чем обернулась твоя доброта...

* * *

Эту ночь Варенцова провела без сна.

Днем встретилась с Кудряшовым, с Багаевым, и все пришло в движение. Организация была предупреждена

об опасности. Каждый припрятал до лучших времен запретное.

Операция по ликвидации «Иваново-Вознесенского рабочего союза» была задумана с размахом: полицейские, жандармы и филеры приехали и из Шуи, и из Владимира. Руководил операцией сам полковник Воронов — грузный, с оплывшим лицом; при нем находились и подполковник Добржанский, и товарищ прокурора Скопинский, и местные иваново-вознесенские филеры. Так как Закс выдал жандармам многие адреса, а участников облавы было более чем достаточно, то все они, разбившись на небольшие группки, одновременно ринулись на известные конспиративные квартиры. Шли и по адресам, по которым проживали названные Заксом люди, подозреваемые в принадлежности к «Союзу».

К Кудряшову пошел сам Воронов с группой наиболее опытных филеров. Хотел заполучить в свои руки нелегальную библиотеку как главное доказательство деятельности преступного «Союза». К сожалению, подозреваемого Кудряшова дома не оказалось. По словам соседей, он не так давно куда-то ушел, и притом увез на салазках какой-то сундук.

«С книгами! — оборвалось сердце у Воронова.— И гектограф, наверное, прихватил, прохвост».

Сердце у полковника оказалось вещуном: взломали пол и стены комнатенки, перелопатили снег во дворе и в огороде, разметали поленницу березовых дров, но ничего не нашли... Случайностью неудачу невозможно было назвать. Предупредили, предупредили, негодяи... Но каким образом?

Нет, они несомненно опаснее, чем он думал. Опаснее и организованнее, и возглавляют их умные люди. Это только в Петербурге думают, что вся крамола в столице, а на местах тишь да благодать и крамолу, мол, не выводят по нерадивости. Нет, крамола расползается по всей

Российской империи, и неизвестно, где труднее с ней совладать. Ясно, что ниточка из Иванова потянется в Петербург, к существующему там «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

Подводя итоги набега, начальство огорчилось: только у трех подозреваемых оказались дома брошюрки нежелательного содержания. У всех остальных не было ровно ничего. Да и пойманные с поличным связь между собой отрицали, ни о какой организации слыхом не слыхали, а принадлежность к ней и во сне не снилась. При таком раскладе ничего не оставалось, как выслать задержанных любителей нелегальщины по месту рождения.

Тем на первый раз вроде бы все и обошлось: руководство «Союза» осталось нераскрытым, члены организации отделались легким испугом, серьезно никто не пострадал.

Однако на самом-то деле выглядело это несколько иначе: Воронов узнал, что «Союз» существует, написал пространную реляцию в Петербург и получил настоятельное указание с ним покончить.

Чтобы не спугнуть неуловимых членов таинственного Комитета, жандармскому отделению было предписано всякую активность прекратить и ждать лета. А с летом у полковника Воронова и его высшего начальства в Петербурге были связаны особые планы.

* * *

Переполох, наделанный жандармами в январе 1896 года, утих, и жизнь вошла в свое прежнее русло. Кудряшов из лавки ушел, уступив место Марусе Капацинской: в Комитете решили, что женщина в меньшей степени будет вызывать у жандармов подозрения. К тому же внешность Маруси исключала всякую мысль о неблагонадежности. Кудряшов устроился на завод Пономарева

и там, по рекомендации Ольги Афанасьевны, познакомился с рабочим Ореховым — человеком энергичным и неглупым.

Первого мая снова отпраздновали маевку. К этому времени влияние «Иваново-Вознесенского рабочего союза» распространилось на близлежащие текстильные центры — Шую и Кохму. А затем началась работа среди ткачей Ковровского уезда. На фабрике «Дербенев и сыновья», что стояла при селе Камешкове Ковровского уезда, стали готовить стачку пятисот ткачей, требуя уничтожения ночных работ.

Все вроде бы шло спокойно, как вдруг обрушилась страшная весть: 18 мая во время коронации царя Николая II на Ходынском поле в Москве разразилась грандиозная катастрофа.

В городе возникали слухи один нелепее и ужаснее другого. Приходили письма с описанием подробностей, приезжали очевидцы катастрофы или слышавшие о ней из первых уст.

Постепенно картина прояснилась.

18 мая 1896 года, в дни коронации Николая II, в Москве, за городом, на Ходынском поле, предполагалось провести народное гулянье.

Ходынка считалась загородным пустырем. Расположена она была слева от дороги, идущей на Тверь, напротив Петровского парка. Пустырь этот был пересечен глубоким оврагом, вокруг Ходынского поля и на его территории лежало поросшее кустарником кочковатое болото, изрытое десятками ям, колодцев и промоин. На этом-то совершенно непригодном для массовых шествий пустыре построили карусели, балаганы, поставили множество ларьков для раздачи подарков и бараки для угощения вином и пивом.

Гулянье предполагалось начать в 10 часов утра 18 мая, но уже с вечера 17 мая Ходынку стали окружать тысячи людей.

К пяти часам утра вокруг поля стояло пятьсот тысяч человек, привлеченных слухами о богатых царских подарках.

Не дождавшись назначенного часа, толпы людей бросились к лавкам и павильонам... Около трех тысяч человек были растоптаны насмерть или изувечены.

...В подарочных кульках меж тем оказались — эмалированная кружка, кусок колбасы, сайка и пряник.

Николай II выразил неудовольствие обер-полицмейстеру Москвы Власовскому и отставил его от должности, сочтя его одного виновным в произошедшей трагедии. Все прочие виновники были милостиво прощены, ибо не стоило отменять великолепные коронационные торжества.

* * *

Вскоре после ходынской трагедии, в июне 1896 года, Ольга Афанасьевна побывала в Москве. Многое напоминало здесь о недавней катастрофе. Во многих семьях — горе, обращали на себя внимание женщины в черных платках. Сколько убитых, сколько искалеченных, сколько осталось сирот... Да и кому они нужны! Кто о них позаботится?! Правительство?! Царь?! Нет, конечно... От этих мыслей у Варенцовой сжималось сердце... Такой общественный строй не имеет права на существование, он должен быть разрушен.

Вечерами она с жадностью набрасывалась на нелегальные издания — русские и заграничные,— в которых оценивалось произошедшее несчастье. Издания эти доставала с трудом.

В кругу старых ее друзей ходила по рукам рукопись, названная «Второй год Николая Второго».

Ольга прочла ее и стала переписывать, чтобы, приехав в Иваново-Вознесенск, передать в кружки.

«Сидит ли на престоле Александр III или Николай II, для России безразлично. Власть принадлежит не ему, а

бюрократии, которая, оставив за царем атрибуты самодержавия, превратила последнее в фикцию. И, может быть, нет в России лица менее свободного, чем мнимый повелитель 120 миллионов.

Самым ярким событием первой половины года была коронация — истинный праздник нашей бюрократии. Он показал, что бюрократии незачем останавливаться ни перед какой затеей, ни перед какой затратой там, где речь идет о поддержании ее престижа. С другой стороны, та же безобразная оргия послужила верным средством для одурачивания и ослепления народа.

Оглушенные и ослепленные этим треском и блеском, русские обыватели с чисто русским смиренномудрием — в переводе на общечеловеческий язык. означающим просто глупость — поздравляли друг друга с тем, что в течение нескольких недель мы были центром внимания всего мира.

А разве не станет центром подобного внимания любой другой, кто истратит сто миллионов за несколько дней на треск, пальбу и подкуп?

...Когда 18 мая 1896 года в Москве грянула ошеломляющая весть о Ходынке, французское посольство, где вечером предстоял бал, взглянуло на несчастье с европейской точки зрения, забыв, что имеет дело с Азией. Оно решило, что бал невозможен, и знаменитые государственные гобелены были убраны, как вдруг из дворца прискакал гонец и сказал, что балу надлежит быть и царь па нем непременно будет.

И бал был, и царь до часу ночи танцевал и улыбался, а в это время трупы и раненых сваливали на телеги и спешно отвозили на кладбища и в лазареты...»

Ольга Афанасьевна отложила перо и долго сидела неподвижно, не отрывая глаз от царского портрета, украшавшего номер гостиницы «Славянский базар», где она обычно останавливалась, приезжая в Москву.

Николай II был изображен во весь рост, в горностаевой мантии, со скипетром и державой в руках. Круглое румяное лицо с пушистыми усами и бородкой дышало самодовольством, и царь удивительно смахивал на приказчика из купеческого дома. Сытого и благополучного.

Как же страшно все обернулось с этими коронационным играми!.. Нет, конечно же самодержавие не фикция, как утверждала листовка.

«Скорее домой,— думала Ольга Афанасьевна,— набрать литературу — и к живому делу. От живого дела и силы прибывают...»

Возвратившись из Москвы, Варенцова узнала, что в Иваново-Вознесенске появилось свое собственное жандармское отделение из двенадцати нижних чинов и ротмистра Тимофеева. Горожане их окрестили «Чертовой дюжиной» и «Двенадцатью апостолами с учителем». Однако все веселое на том и кончилось: царская казна задаром тринадцать дармоедов кормить не станет — значит, слежка возрастет и опасность увеличится.

И действительно, трудности в работе стали ощутимыми. Вскоре то один, то другой рабочий стали сообщать выборным — руководителям ячеек на фабриках и заводах,— что ротмистр Тимофеев вербовал их в провокаторы. И они отказывались, ссылаясь на полную политическую безграмотность и отсутствие полезных жандармам связей.

«Но ведь те, кто согласился, к выборным не подходили,— думала Варенцова, ощущая холодок в сердце.— И такие, конечно, были, только поди догадайся — кто?»

* * *

Первой жертвой ротмистра Тимофеева должен был стать набивший жандармам оскомину Николай Кудряшов. Полковник Воронов не простил ему того случая, когда

библиотекарь одурачил его, и велел Тимофееву следить за Кудряшовым, выявлять связи и окружение и при первой же возможности арестовать — лучше всего с поличным.

Ротмистр не пренебрег советом многоопытного шефа и потихонечку ввел в окружение Кудряшова только что завербованных осведомителей. Среди них оказался и шуйский рабочий Кирьянов, входивший в ячейку «Союза» на прядильной фабрике,— малоразговорчивый, чахоточного вида, с белесыми глазами.

Каким-то манером Кирьянов узнал, что на днях в Шую приедет с книгами Кудряшов, и сообщил об этом в полицию. Полиция уведомила ротмистра Тимофеева, и тот решил не просто взять Кудряшова с поличным, но, выявив его связи, арестовать вместе с ним тех, кто приедет встречать, или же тех, к кому будет доставлен груз.

...Кудряшов уютно примостился в уголке вагона, поставив корзину с книгами к стене и прикрыв ее пиджаком. Людей вокруг него было немного — сельский поп, читающий книгу, но подмечавший все, дремлющая баба с корзиной яиц на коленях, два телеграфиста с барышнями, судя по всему, выехавшие на загородную прогулку, о чем свидетельствовали трости щеголей, зонтики дам и дорожные саки.

И вдруг через вагон медленно проплыл человек, лениво шаривший глазами по сторонам. Одет он был в черную тройку, на голове — котелок. В руках сжимал ручку зонта. Он поглядел на Николая на несколько мгновений дольше, чем на других, но и этого было достаточно, чтобы Кудряшов понял — филер.

Человек прошел в соседний вагон, а Николай вышел в тамбур и, не дожидаясь, пока поезд сбавит ход, прыгнул под откос.

Николай услышал над головой шум уходящего поезда, почувствовал боль в плече от удара при падении —

к счастью, несильную — и, отряхнувшись от пыли, пошел к лесу, через который — он знал это наверное — можно было добраться до деревни Куликово, где жила Ольга Афанасьевна.

Через два часа он рассказывал ей обо всем случившемся.

— Очень мне это не нравится, Коля,— сказала Варенцова, выслушав его.— Значит, полиция снова напала на след и теперь жди новых обысков и арестов. И сам будь осторожен, и, главное, товарищей предупреди. Кстати, куда девался Васька Закс?

Кудряшов поморщился, как от зубной боли. Упоминание об этом парне всегда доставляло ему страдание: какой же испорченный подлец оказался — за тридцать сребреников предать товарищей, продать совесть... Да и сам хорош, слепец несчастный, кому поверил, и дело поставил под удар... Ответил неохотно:

— Закса спрятал куда-то в деревню его родственник Хорьков. Вот уж, подлец, оправдал свою фамилию.

Кудряшов оставил у Варенцовой книги, а сам с пустой корзиной отправился в лес по грибы, чтобы вечером возвратиться в Иваново.

Между тем события развивались стремительно. Шуяне, не встретив Кудряшова у поезда, решили поехать к нему в Иваново. Но за ними следили. И когда они пришли к Кудряшову за литературой, их вместе с Николаем арестовали. Конфисковали и всю библиотеку.

К концу лета в Иваново-Вознесенске, в окрестных фабричных городках и селах прошли аресты.

Ольгу Афанасьевну конспирация выручила и на этот раз.

* * *

Арестованных недолго держали в тюрьме, зато потом чуть не год таскали на допросы. Следствие продвига-

лось туго. Варенцова установила надежную связь с членами «Союза», сидевшими в Шуйской тюрьме, помогала передачами, а их близким — деньгами. Выработали единую линию поведения — все отрицать и от показаний отказываться, чтобы никакой ниточки следствию не давать.

Весной 1897 года провели успешную забастовку полутора тысяч ткачей за отмену ночных работ на Горкинской мануфактуре Ковровского уезда. И 1 мая снова отпраздновали — с красными флагами, речами и пением. На этот раз пели не печальные, рвущие за душу песни, а революционные. На маевке обсудили и важный документ, изменявший организационную структуру «Иваново-Вознесенского рабочего союза».

Документ этот сначала написала Варенцова при содействии новой своей подруги, Анны Ивановны Хрящевой, недавно приехавшей в Иваново из Суздаля, где она находилась под гласным надзором полиции. Несмотря на то что по профессии была Анна Ивановна акушеркой, в больницу идти отказалась, а решила устроиться ткачихой на фабрику. Позднее Анна Ивановна создала на фабрике самую крупную женскую социал-демократическую организацию. В нее вошло около ста работниц.

Анна Ивановна, худенькая и маленькая, с быстрыми движениями, обладала завидной энергией. Она-то и предложила изменить организационную структуру «Союза».

— Понимаешь, Оля,— говорила Анна Ивановна,— настала пора сделать основным звеном нашей работы не кружок, а фабричную или заводскую социал-демократическую ячейку. И в работе опираться на эту ячейку. Нужно, чтобы на каждой фабрике, на любом предприятии, где есть рабочие, была бы и наша ячейка. Во главе будет стоять выборный — организатор, который в ответе перед комитетом «Союза» за все, что у него на фабрике делается.

— На некоторых фабриках это уже есть,— сказала Ольга.— Правда, на больших.

— Вот и хорошо. И я не из головы идею взяла,— обрадовалась Хрящева, энергично встряхнув стриженой головой.— Только предлагаю сделать это общим, обязательным для всех организационным принципом. Вот ведь в чем дело.

Ольга молчала, думала. Потом сказала:

— Давай, Аня, посоветуемся с рабочими. Благо 1 мая не за горами. Что они нам скажут? Кроме того, посоветуемся с Федором Кондратьевым. Он хотя и в тюрьме, но на свидании можно записочку об этом аккуратненько передать.

— Кто это — Кондратьев? — спросила Хрящева.

— Старый нелегал. Учился в Питере, в Техноложке, дружил с братьями Красиными, весьма радикальными товарищами, занимался в кружке у Бруснева, потом работал в Иванове.

— Школа у него хорошая,— согласилась Хрящева; глаза ее засветились от удовольствия.— И в самом деле, посоветоваться с ним будет полезно.

— Да и обстановку он хорошо знает. Мы вместе первые кружки здесь создавали,— добавила Варенцова, подумав о том, как быстро идет время.

Кондратьев, прочитав записку, с мнением Хрящевой и Варенцовой согласился, но напомнил о конспирации. Он советовал составить различные списки — одни для членов ячеек, другие для выборных; более того, ячейки и члены организации должны иметь свои кодовые номера. При такой постановке даже в случае провала, при котором в руки жандармов попадут бумаги, узнать будет ничего невозможно.

Однако перестройка организации хотя и оживила борьбу рабочих, защитой против жандармов не стала. Фамилии, замененные на номера, не спасали от провокаторов.

Вскоре это подтвердилось с совершеннейшей очевидностью. Прошло немногим более месяца. 8 июня у Ольги Афанасьевны дома, в деревне Куликово, собрался актив «Союза». Речь шла о выпуске собственной подпольной газеты. Собралось человек двадцать. На следующий день всех арестовали. Была арестована и Ольга Афанасьевна.

К концу июня 1897 года аресты кончились. Подследственных разместили в камерах знакомой уже Варенцовой Шуйской тюрьмы.

По-видимому, под подозрением оказался и судья Шестернин. Его вызвали в Министерство юстиции и предложили сменить место службы. И действительно, в декабре пришел приказ о его переводе в город Ефремов Тульской губернии.

«Иваново-Вознесенский рабочий союз» понес серьезные потери: были арестованы почти все руководители организации. Но через неделю все арестованные были отпущены, кроме Кондратьева, Варенцовой и еще трех человек. Среди них оказался и Василий Муравьев по кличке Философ, казначей «Союза»,— осведомитель, арестованный вместе с другими для отвода глаз; полковнику Воронову нужно было отвлечь от него подозрения в предательстве, если таковые возникнут.

* * *

Сергей Павлович Шестернин недолго пробыл в захолустном Ефремове. Может быть, он бы и пожил там подольше, да случилось так, что однажды получил Шестернин письмо. Было письмо от Софьи Павловны Невзоровой - старой его знакомой, которую ждала ссылка в Бобров.

Письмо было печальным. Софья Павловна писала, что ее определяют на жительство в маленький городишко, где обитает не более трех тысяч жителей. Среди до-

мишек есть и крохотные заводики, из которых три вытапливают сало на свечи, а остальные курят вино, варят пиво и обрабатывают кожи. Четырежды в год, писала она, в Боброве проходят ярмарки, и в городе появляются новые люди. Но какая радость от них, если это торговцы бакалеей, мануфактурой да конские барышники? Интеллигентов немного — учителя мужской прогимназии да приходского училища... Ближайший большой город — Воронеж, и тот почти в ста верстах...

Сергей Павлович представил себе умную и нежную Софьюшку Невзорову в этих грустных обстоятельствах и поехал из Ефремова в Бобров... Тем более что еще в Петербурге полюбил ее, да признаться не посмел. В новых, трудных для Софьи Павловны обстоятельствах решил это сделать...

* * *

В апреле 1900 года, в воскресенье, в предобеденную пору, Сергей Павлович, отложив в сторону законченное оформлением судебное дело — он и в Боброве оставался судьей,— сидел в кресле и перелистывал нелегальный журнал «Накануне», недавно присланный ему из Воронежа.

Раскрыв его, он натолкнулся на статью, показавшуюся любопытной. Пробежав глазами первую страницу, Сергей Павлович решил доставить удовольствие жене и потому негромко позвал ее.

Квартира Шестерниных была невелика, прислуги они не держали. Софья Павловна занималась делами на кухне, но, услышав голос мужа, вошла в его кабинет.

— Вот, Софьюшка, изволь, послушай, до чего дошло дело,— проговорил Шестернин и, когда жена уютно устроилась на диване, начал читать.

«В августе прошлого, 1898 года царь обратился ко всем европейским державам с приглашением собраться

на конференцию для обсуждения вопроса о разоружении. Приглашение это мотивировалось тем, что в настоящее время вооружение во всех странах мира достигло опасных размеров, ведущих к непроизводительной трате работы и капитала, парализующих национальную культуру, экономический прогресс, производство и прочее. Многими это было принято за чистую монету, и начались толки о полном разоружении — о всеобщем мире. Но по мере того как вопрос обсуждался в прессе, становилось все яснее и яснее, что это только громкие слова, а на деле все кончится пустяками, что и подтверждает последняя нота графа Муравьева, в которой уже ничего не говорится о высоких целях полного разоружения и всеобщего мира, а весь вопрос приводится к тому, чтобы прийти к соглашению, приостановить дальнейший рост вооружений, чаще прибегать к арбитражу, не вводить нового огнестрельного оружия и новых взрывчатых веществ, не строить судов с тараном и подводных миноносок и прочее и прочее.

А между тем вся Европа похожа на военный лагерь — вся молодежь в солдатах, огромные заводы и фабрики с сотнями тысяч рабочих изо дня в день заняты выработкой военных принадлежностей, значительная часть государственного бюджета тратится на военные расходы, чуть не половина человеческого труда уходит на приготовление военных принадлежностей и отбывание воинской повинности. Огромная сумма интеллектуальной работы тратится на улучшение орудий и способов человекоубийства. И все это растет и растет и грозит разорением всем странам».

В это время в прихожей зазвенел колокольчик, и Сергей Павлович пошел открывать дверь.

Софья Павловна услышала смех, а через две-три минуты на пороге появился муж и с необыкновенною радостью произнес:

— Какая гостья к нам пожаловала, Софьюшка! Какая гостья!

Софья Павловна вошла в столовую. Из-за стола навстречу ей поднялась невысокая хрупкая женщина лет сорока, гладко причесанная, с живыми карими глазами, светящимися проницательностью и умом.

— Ольга Афанасьевна Варенцова,— представил ее Сергей Павлович.— Прибыла после отбытия уфимской ссылки. Бог мой, как времечко летит! Сколько лет, сколько зим не видались?

Шестернина радостно и открыто улыбнулась - и наслышана была о «домашней учительнице», и, кроме всего прочего, Варенцова понравилась ей с первого взгляда.

— Поставь, Софьюшка, самовар,— попросил ее Сергей Павлович.

Ольга Афанасьевна устало положила руки на колени и спросила:

— Сколько лет, Сережа, мы с тобою не виделись? Трех лет не прошло, а кажется, целая вечность. Ну, слушай. Выдал нас Василий Муравьев, как выяснилось во время следствия. Я и Аня Хрящева просидели восемь месяцев в Шуйской и Владимирской тюрьмах и высланы были на поселение в Уфимскую губернию на два года. Приехали в Уфу, пошли в жандармерию, чтобы узнать, куда направят на поселение. Начальник Уфимского жандармского управления расписал нам Бирск как земной рай. Существует он, дескать, со времен царя Михаила Федоровича, более ста лет состоит в ранге уездных городов. Населения обоего пола восемь с половиной тысяч душ, и проживают они в восьми сотнях изб, к тому же имеются четыре церкви, монастырь, театр и больница. В существование театра мы сразу не поверили. И все же решили порасспросить о городе получше, о том, чем живут жители. Жандарм ответил, что по переписи в го-

роде около двух сотен лавок, жители содержат коз, коров и лошадей, занимаются хлебопашеством, рыбной ловлей и звероловством.

А главное — лесной промысел в уезде. Рубят в верховьях реки Белой ель, сосну, весной сплавляют лес через Каму на Волгу. Имеются в уезде винокуренные заводы, кожевенные, канатные...

Так я и Хрящева оказались в Бирске – сонном и застывшем. Словно в другое столетие попали: крапива выше человеческого роста на главной площади, козы на церковной паперти вместе с нищими, пыль, духотища, нищета, которую даже нечасто встретишь в Центральной России, больные трахомой башкирские ребятишки, убогость и бесконечное бесправие. Башкиры в рваных халатах работали на паровой мельнице, копошились на так называемом кожевенном заводе да на пристани. Но в городе оказалась довольно большая колония политических ссыльных. Когда мы приехали, в Бирске на поселении было двое рабочих-москвичей, а вскоре подъехали другие, и опять земляки. Об одной ссыльной хочу сказать особо. Клавдия Михайловна Величкина. Не слышал? Она состояла в московском «Рабочем союзе», имела связи с Петербургом. Ее брат отбывал ссылку в Вятской губернии, и она к нему ездила. Бывало, что и он навещал ее в Бирске, приезжал, рассказывал... Через Величкиных мы были в курсе разных событий. Узнали и о разгроме петербургского «Союза борьбы», и о первом съезде Российской социал-демократической рабочей партии...— Варенцова закутала плечи платком и начала прохаживаться по гостиной, небольшой, угловой, украшенной портретами.— Какие трудные времена! Участников съезда почти всех арестовали, а предстоит такая работа, по словам Величкиной, что дух захватывает. Кстати, ты читал «Протест российских социал-демократов», подписанный семнадцатью ссыльными товарищами во главе с Ульяновым?

Шестернин кивнул утвердительно.

— И как относишься?

— Полностью на стороне Ульянова и против Кусковой.

Варенцова улыбнулась удовлетворенно.

Вошедшая с сахаром, булочками и маслом Софья Павловна, молча разлив чай по чашкам, спросила гостью:

— Вы давно из ссылки?

— Срок истек 15 января нынешнего года, и я тотчас же уехала из Бирска в Уфу.

— И кого из наших там встретили?

— Там вскоре оказались Ульяновы — Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Я попала на его доклад. Ильич выступал на квартире у Осипа Васильевича Аптекмана, старого народовольца, теперь близкого к социал-демократам. Доклад Владимира Ильича произвел на меня сильнейшее впечатление и сразу же сделал меня его безоговорочной сторонницей. Больше повидаться с ним мне не удалось: Владимир Ильич на третий день уехал, а Надежда Константиновна осталась, у нее не закончился срок ссылки, и я навещала ее. Пробыла я там недолго. Надежда Константиновна попросила у меня явки в Иванове, и я поехала к вам, в Бобров.

— И вот здесь, Сережа,— извините, Софья Павловна, что я по имени называю вашего мужа,— чуть смущаясь, обратилась Ольга к Шестерниной,— я и должна буду рассказать тебе, пожалуй, самое главное... Владимир Ильич совещался с группой социал-демократов и развернул цельный, хорошо продуманный план построения партии совершенно нового типа. Сам Ильич возьмется за издание общерусской социал-демократической газеты, которая будет организационным и пропагандистским органом. Нужно преодолеть шатания и разброд в организации, нужна непримиримая борьба с экономистами всех

мастей, и, прежде чем объединить разрозненные кружки и группы, нужно утвердить идейные принципы и основы. Первый шаг, как считает Ульянов, должен состоять в создании нелегальной общерусской газеты. И издаваться она должна за границей. А в Россию повезут ее агенты, пропагандисты и организаторы. И еще, нужно на местах создать группы содействия газете.

Варенцова вдруг улыбнулась печально. Софья Павловна вопросительно на нее взглянула.

— Смех сквозь слезы,— сказала Ольга,— перед тем как из Уфы ехать, я зашла к Надежде Константиновне попрощаться и говорю ей: «Ну и адресок у вас, Надежда Константиновна, не нашли лучше!» А она мне: «А чем же плох?» - «Так ведь дом-то ваш, отвечаю, угловой и стоит на углу двух улиц - Тюремной и Жандармской». Надежда Константиновна не засмеялась. Серьезно и просто ответила: «Держава у нас такая, Ольга Афанасьевна. Помните, у Некрасова: «Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайка тож». Придет другое время, будут и другие названия».

— Надежда Константиновна большая оптимистка,— сказала Софья Павловна.— Всегда верит в лучшее.

— А в ваших краях как работа идет? — спросила Варенцова. Она стосковалась в ссылке по делу, вынужденное безделье всегда переживала как трагедию.

— Непосредственно здесь хвалиться нечем,— признался Шестернин и виновато развел руками.— Но в Воронеже есть люди, а значит, и работа идет. Какие удивительные вещи ты рассказала! Прекрасное времечко начинается, а пока, Ольга, отдыхай после своего дикого Бирска.

— Не сердись на меня, Сергей, но раз так, то погощу самую малость, да и поеду в Воронеж. Только вот хорошо бы надежный адрес получить.

— Неуемная ты... Худая, бледная, в чем душа держится...— Шестернин посмотрел на Варенцову. Подумал

и огорченно махнул рукой: — Ну да тебя не переделать! Думаю, подойдет для начала знакомство с Юлией Петровной Махновец - у нее собирается вся неблагонадежная воронежская публика, в том числе и ивановцы, костромичи и ярославцы... подожди минутку, я тебе сейчас и адресок запишу.

* * *

В силу разных жизненных обстоятельств в Воронеже в середине 1900 года собралось множество людей из разных городов России. Собрались они не по доброй воле, а при помощи полиции, которая их явно недолюбливала, и они столь же определенно отвечали ей взаимностью. Когда Ольга Афанасьевна появилась на квартире сестер Махновец, проживавших вместе с матушкой в большой, крайне безалаберно заставленной и неряшливой квартире, там собрались почти все, кого роднила нелюбовь к блюстителям порядка.

Первым, кого заметила Варенцова, когда Юлия Петровна, крепкая молодая женщина, ввела ее в большую, наполненную народом столовую, был Владимир Носков. Варенцова ему обрадовалась. Они были знакомы еще по Иваново-Вознесенску, где он учился в реальном училище. Это происходило в те дальние годы, когда Ольга вернулась домой с курсов Герье после первого ареста. Потом Носков поступил в Петербургский технологический институт и снабжал ивановцев нелегальной литературой.

Ольга оглядела присутствующих и заметила еще знакомых — бывших студентов ярославского Демидовского лицея Александра Доливо-Добровольского и Василия Горна, с невеселыми лицами стоявших около изразцовой печи. Казалось, они всё переживали разгром организации и не могли свыкнуться с мыслью, что из активной борьбы их выключили на несколько лет. Ольга Афанасьевна

увидела и стоящего у окна невысокого человека — ивановского учителя Федора Щеколдина. Поклонившись всем присутствующим, Варенцова подошла к Щеколдину, и тотчас вокруг них собрались друзья.

Юлия Петровна, подождав, пока обступившие Варенцову земляки обменялись новостями, представила ей и остальных своих гостей.

— Вы позволите рассказать о последней поездке в Женеву? — проговорила она, слегка кокетничая. (Кто бы не позволил рассказать об этом, тем более что, как догадалась Ольга Афанасьевна, именно затем и собрала она сегодня гостей в доме!)

— Ее брат пишет в «Рабочем деле» под псевдонимом «Акимов»,— прошептал Ольге севший рядом с нею Щеколдин.— По-моему, он один из редакторов этого издания и решительный враг Плеханова.

Юлия Петровна с первых же слов подтвердила слова Щеколдина. Она рассказала, как приехала в Женеву, как присутствовала на съезде «Союза русских социал-демократов за границей». Темпераментно и зло стала живописать о распрях, происходивших на съезде между молодыми и передовыми революционерами, к которым принадлежал и ее брат, и сторонниками Плеханова. Нетерпимость Плеханова к чужим мнениям привела к тому, что «молодые» взбунтовались. Плеханов и его сторонники демонстративно ушли со съезда. Таким образом, плехановская группа «Освобождение труда» оказалась побитой.

Ольга ловила каждое слово, вслушиваясь в рассказ Юлии Петровны. Жадно всматривалась она и в лица собравшихся, оценивая каждую реплику. После двух лет башкирской ссылки лишь недолгое пребывание в Уфе могло сравниться с сегодняшним вечером.

Ольга слушала, думала и молчала. Наверное, Юлия Петровна — неплохая сестра. Она любит брата, и ей льстит,

что брат играет видную роль в «Рабочем деле». Тем самым она растет и в собственных глазах как особа, приблизившаяся к наиболее значительным лицам в русской социал-демократии. Но разве соизмерим вклад Маховца и его друзей с тем, что дал русскому освободительному движению Плеханов? Монблан и кочка на болоте — вот что такое Плеханов по сравнению с Маховцем. Плеханов полжизни отдал революции, Маховец только начинает... Главное в том, что защищает один и что — другой. После смерти Энгельса Плеханов — один из самых крупных и решительных борцов за чистоту марксистского учения. Он — карающая десница для оппортунистов разных мастей и оттенков. Маховец и его друзья — сторонники модного «экономизма». Они считают Маркса, Энгельса и Плеханова устаревшими, бездумно повторяя хулу на «стариков» вслед за Бернштейном. Здесь-то и кроется ответ на вопрос: кто есть кто?

Выслушав Юлию Петровну, говорившую взволнованно, громко и долго, все решили обсуждать услышанное в следующее воскресенье где-нибудь за городом.

* * *

На конспиративный загородный пикник Ольга Афанасьевна поехала вместе со всеми. Она известила Шестернина и знала, что он приедет из Боброва. На трех больших лодках веселой, звонкоголосой гурьбой поплыли они по реке и верстах в пяти от города высадились на пустынном берегу, поросшем ивняком и кустами. На этот раз народу было больше — собралось человек тридцать.

Юлия Петровна рассказала о том же самом вновь, правда, не столь эмоционально, как за чайным столом дома, но более пространно.

Ольга на этот раз решила выступить.

— Удивительно то, товарищи, что наша докладчица не связала происходившее в Женеве с тем, что происходит у нас дома, в России. Уверена, все вы читали «Протест российских социал-демократов», написанный Ульяновым год назад в Енисейской губернии, в ссылке.

В письме речь идет о том же самом, о чем говорили на съезде в Женеве. Марксисты, затерянные в сибирской глуши, оказались во сто крат прозорливее ученых женевских мужей, имеющих под руками марксистские книги, но, как оказалось, не умеющих ими пользоваться и, более того, превратно их понимающих.

Госпожа Кускова, высказавшая свое «Кредо», предвосхитила редакторов «Рабочего дела». И Ульянов сразу в этом разобрался. На беду, некоторые товарищи и сегодня путают божий дар с яичницей и ревизионистов-бернштейнианцев с трудом отличают от подлинных революционных марксистов.

Я, товарищи, со всей определенностью стою на точке зрения Плеханова и Ульянова, иными словами, на точке зрения революционного марксизма.

Варенцова замолчала.

Налетел ветерок, и гладь реки покрылась рябью. Пролетели с криком дикие утки и с шумом захлопали крыльями по воде. Солнце медленно клонилось к закату, заливая розовым светом и реку, и берега, покрытые колючим шиповником, и голубые стволы берез...

Теперь стоило собраться неблагонадежной публике в гостях или встретиться на прогулке, будь то Ботанический сад или Архиерейская роща,— не было проблемы более острой, чем линия Плеханова — Ульянова и их противников — экономистов.

И логическим завершением этого «Великого раскола», как полушутя-полусерьезно называли произошедшее во-

ронежские ссыльные, было решение сторонников Ульянова создать в родных им местах межгубернскую организацию, которая руководила бы социал-демократическим движением во Владимире, Иваново-Вознесенске, Костроме и Ярославле. Эту организацию назвали «Северный рабочий союз».

* * *

Среди воронежских социал-демократов одним из самых решительных сторонников Плеханова и Ульянова был Владимир Александрович Носков, землякВаренцовой. Он-то и задумал связаться с Владимиром Ильичем и лично от него получить необходимые для дела указания.

После месячных дебатов и прений в июне 1900 года Носков, у которого был туберкулез, решил отправиться на кумыс в Уфимскую губернию. Варенцова дала ему адреса уфимских товарищей, и Носков уехал, надеясь не только на целительную силу кумыса, но и предвкушая радость встречи с интересными ему людьми.

Он возвратился в Воронеж осенью и с восторгом поведал товарищам, что Владимир Ильич сильно продвинул дело с организацией общерусской социал-демократической газеты.

— В беседе со мной,— рассказывал Носков,— Владимир Ильич прежде всего выяснил отношение воронежцев и социал-демократов северных губерний к газете. Я, разумеется, заверил Владимира Ильича в полной поддержке, и тогда Ульянов выразил готовность руководить работой создающегося «Северного союза».

И Варенцова была очень всем этим обрадована.

Осенью по дороге в Тифлис в Воронеж на несколько дней заехал Виктор Константинович Курнатовский. Он возвращался из минусинской ссылки, где два года назад познакомился с Владимиром Ильичем и вместе с ним подписал знаменитый «Протест» против экономистов.

Виктор Константинович подробно рассказал воронежцам о плане создания газеты и укрепил их в намерении всячески помогать задуманному грандиозному и смелому предприятию.

Политические ссыльные, присланные охранкой в Воронеж из северных губерний, составляли в городе большое землячество. А если учитывать владимирцев, ярославцев, ивановцев и костромичей, живших в окрестных уездных и заштатных городках, то их оказалось бы несколько десятков.

Все они, поддерживая связь друг с другом, в то же время не порывали контактов и с родными местами, и потому их осведомленность о делах, происходящих на Севере, была весьма полной.

Судя по тому, что сообщали с мест, самой сильной следовало считать иваново-вознесенскую организацию. Она имела оформленные и слаженно работающие социал-демократические группы на всех заводах и фабриках. И, что весьма важно, держалась исключительно рабочими и на их средства.

Иваново-Вознесенский комитет Российской социал-демократической рабочей партии — так после первого съезда РСДРП стал называться бывший «Иваново-Вознесенский рабочий союз» — с 1900 года начал печатание собственных листовок.

Настал день, когда Щеколдин принес Ольге Афанасьевне первую такую листовку. Листовка была приурочена к празднованию 1 Мая.

Стояли теплые апрельские дни. Воздух опьянял ароматом распускавшихся почек, бездонным казалось голубое небо, и ослепительно сверкало солнце.

Листовка имела вид неказистый — и бумага серая, и шрифт мелкий, и печать нечеткая. Но Ольга смотрела на нее с восторгом. Наконец-то своя: пробудились ивановцы...

Ольга радостно засмеялась и, стыдясь несвойственной ей сентиментальности, сказала:

— Вот и дожили до светлого дня.

— Вы, Ольга Афанасьевна, сначала прочитайте, а потом ликуйте,— с ворчливой загадочностью пробурчал Щеколдин.

Варенцова посмотрела на учителя внимательными глазами и принялась читать:

«1 мая 1900 г. К рабочим всех фабрик и заводов Иваново-Вознесенска.

Товарищи!

В 1889 году рабочие других стран постановили праздновать день 1 мая отказом от работы на фабриках и заводах. В этот день собираются они на многочисленные сходки, обсуждают на них свои дела, а иногда в стройном порядке со знаменами проходят по улицам городов, указывая этим своим недругам — фабрикантам и полиции — на полное свое единение. Празднование 1 мая все более входит в обычай и на нашей родине — обширной матушке-России. Где тайно, а где и явно рабочие собираются в этот день и подсчитывают, насколько им удалось улучшить за год свою судьбу и как продолжать борьбу за свои права.

Потребуем же в день 1 мая для Иваново-Вознесенского промышленного района того, что всего ближе для нас в настоящее время...»

Чем дальше читала листовку Варенцова, тем больше хмурилась. Немыслимо — из двенадцати требований одиннадцать касались только экономических вопросов!

— Ну что? — не без ехидства спросил Щеколдин,— как говорится, посчитали — прослезились.

Ольга смутилась и разочарованно положила листовку на стол, накрытый цветастой скатертью.

— Да, дела неважнецкие: явный перекос в экономическую сторону, только двенадцатый пункт касается политической проблемы. И все же хорошо, что начали.—

Подумала и сказала: — Перекос этот мы ликвидируем Пошлем в организацию профессионалов и растолкуем что к чему.

И все же всей опасности Ольга Афанасьевна предугадать не могла: в конце лета в Воронеже узнали, что Иваново-Вознесенский комитет РСДРП переслал журналу «Рабочее дело» мандат на участие в V Международном социалистическом конгрессе II Интернационала, собиравшемся осенью 1900 года в Париже. Журнал этот стоял на позициях экономизма и был враждебным по отношению к Плеханову и Ленину.

Варенцова проклинала свою вынужденную оторванность и, желая подробнее узнать о положении дел в городе, написала письмо Иовлевой и передала с верным человеком. Екатерина Васильевна ответила сразу же. Она сообщила, что в организации появилась Елизавета Аркадьевна Володина по кличке Портниха, что с большим трудом удалось восстановить организацию, но в вопросах теории царит полнейший хаос.

И еще, писала Иовлева, организации нужен опытный и грамотный руководитель, а профессионалов в Иванове нет.

«Надо ехать,— решила Варенцова,— и на месте во всем разобраться. Но сначала следует заехать в Москву — там товарищи поопытней, и возможностей помочь Иваново-Вознесенску у них побольше. А как же быть с полицейским разрешением? Идти в участок, подавать прошение, выслушивать разглагольствования крикливого ротмистра... Все это так оскорбительно... Что придумать иное? Уехать без разрешения? А если хватятся, могут и из Воронежа выслать, и срок ссылки увеличить... Нет, рискованно...»

Ольга Афанасьевна поморщилась и, поправив фитиль в лампе, села писать прошение в жандармское отделение с просьбой о разрешении покинуть Воронеж по семейным обстоятельствам и в связи с обострением легочной болезни.

* * *

Из Воронежа Варенцова поехала в Москву. Воронежцы дали ей явку к Грачу — Николаю Эрнестовичу Бауману.

В Москве Ольга Афанасьевна задержалась. Долгими часами бродила по набережной Яузы, удивляясь красоте города. Устала от всего пережитого чертовски, хотелось немного отдохнуть. Но отдых отдыхом, а дело — делом. И она отыскивала старые связи, заводила новые. Встретившись с Бауманом, оставила ему московский адрес, где намерена была прожить две-три недели.

И вот однажды по условному паролю к ней пожаловала цветущая двадцатилетняя девушка и отрекомендовалась:

— Я — Зайчик. От Грача.

— Мария Ивановна,— представилась Варенцова, но, поглядев на Зайчика, поняла, что перед человеком с таким ясным и чистым взором можно быть вполне откровенной, и шутливо добавила: — А в миру — Ольга Афанасьевна.

— Спасибо за доверие, и я — не Зайчик, а Глаша,— улыбнулась девушка, и лицо ее похорошело,— ну, если угодно, Глафира Ивановна.

— Кто вы, откуда? — спросила Варенцова.

— Я приехала из Уфы к Николаю Эрнестовичу с поручением от одного товарища, и Грач, по совету этого товарища...

«Интересно, о ком говорит девушка... Неужто о Надежде Константиновне?..» — обрадовалась Варенцова и испытующе поглядела на Зайчика.

— Ну, совершенно неважно, кем является этот товарищ,— быстро проговорила девушка, опустив глаза, словно читая мысли Варенцовой: не хотелось недоверием оскорблять эту женщину, тем более что она была с первого взгляда весьма ей симпатична, но все же она не имела права выдавать чужие секреты.

Глаша попросила Ольгу Афанасьевну дать ивановскую явку, с тем чтобы поехать туда на профессиональную революционную работу, о чем и просил ее Грач.

Ольга Афанасьевна улыбнулась и объяснила, по какому адресу и паролю следует Зайчику обратиться в Иваново-Вознесенске.

* * *

Глафира Ивановна Окулова, несмотря на молодость и обезоруживающую миловидность, была не так проста, как можно было бы предположить, услышав ее партийную кличку.

Еще совсем недавно Окулова жила в селе Шошине Минусинского уезда Енисейской губернии.

Парадокс состоял в том, что Глаша, будучи ссыльной, водворенной в Минусинский уезд за участие в московских студенческих беспорядках, в отличие от прочих ссыльных оказалась в положении весьма привилегированном: в тех краях жили ее родители. К тому же отец ее был не последним в округе золотопромышленником. Казалось, повезло девушке: живи на родительских харчах, жди конца срока да потихоньку собирайся в Москву. Однако Глафира имела другое представление о жизни. Ее друзьями стали ссыльные Курнатовский, Кржижановский, Старков, а позднее и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной.

И когда срок ссылки кончился, двадцатилетняя Глафира Окулова, вместо того чтобы поспешить на педагогические курсы в Москву, поехала сначала в Уфу, к Надежде Константиновне, потом вместе с нею оказалась в Москве, где и встретилась с Ольгой Афанасьевной для того, чтобы осенью 1900 года поехать на нелегальную работу в Иваново-Вознесенск.

* * *

Ольга Афанасьевна возвратилась в Воронеж. Вскоре истекал срок последних ограничений, определенных охранным отделением, и она могла выбрать место жительства по своему усмотрению.

К этому времени Зайчик, как ей сообщила все та же Иовлева, вошла в курс дела и поэтому в Иваново-Вознесенск ехать едва ли имело смысл. К тому же ей, хорошо известной в городе, по конспиративным соображениям работать там было бы довольно сложно. Имело смысл отправиться в другой город. После долгих раздумий выбрала Ярославль — город чиновников, студентов, гимназистов, служащих. В городе быстро создавался рабочий класс, строились заводы, фабрики. Главным местным предприятием оставалась Большая Ярославская мануфактура, расположенная в предместье.

Дел там было — через край: нужно устраивать конспиративные квартиры, организовывать явки, склады для нелегальной литературы и раздобывать технику для печатания листовок — и еще множество больших и малых дел, которые входили в круг деятельности профессионального революционера.

Но прежде всего следовало восстановить Ярославский комитет, разгромленный полицией после ареста и высылки в Воронеж Доливо-Добровольского.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

14 января 1901 года срок ссылки Варенцовой закончился, и она, прежде чем поехать в Ярославль, отправилась в Уфу, где, по имеющимся у нее сведениям, доживала на поселении последние месяцы Надежда Константиновна Крупская. Многое нужно было узнать, обо всем перего-

ворить, а затем, выяснив и уточнив, принять окончательное решение.

Она застала Надежду Константиновну все в той же квартире на углу Жандармской и Тюремной улиц. Крупская была чем-то взволнована, и беседа поначалу не клеилась: обычно внимательная к собеседникам, Надежда Константиновна на этот раз слушала рассеянно. Варенцова чувствовала себя неловко.

— Извините, Ольга Афанасьевна,— проговорила Крупская смущенно,— я словно не в своей тарелке. Все время жду прихода одного товарища с посылочкой оттуда.— И Надежда Константиновна выразительно повела рукой в сторону окна, на волю, куда-то далеко-далеко.

— Ждете весточки от Владимира Ильича? — почему-то обеспокоилась Варенцова.

Крупская улыбнулась:

— Не я одна жду... Весточка обещает быть особенно интересной — ждем первый номер газеты.

— Он вышел?

— Совсем недавно. Но переправляют газету нелегально, и прорвется ли она через таможни и кордоны — неизвестно.

— Прорвется,— проговорила Варенцова. Ей хотелось этой уверенностью ободрить Крупскую.

Надежда Константиновна благодарно на нее взглянула.

В начале февраля первый номер «Искры» все же дошел до Уфы.

Газета, которую Крупская передала Варенцовой, оказалась тоненькой пачкой прозрачных листков. Однако для ее появления десятки умнейших и энергичнейших людей России потратили много труда и пережили опасности, которые выпадают на долю самых отчаянных смельчаков.

«Искра»,— прочитала Варенцова название газеты. «Почему — «Искра»?» — подумала она и заметила в пра-

вом верхнем углу маленькую строку: «Из искры возгорится пламя...»

Варенцова улыбнулась и нежно провела рукою по тонкой гладкой бумаге.

Крупская, уловив настроение, охватившее гостью, проговорила в раздумье:

— Чтобы искра не погасла, надо много труда приложить.

И Варенцова ответила:

— В России, Надежда Константиновна, столько горючего материала, что на сто лет хватит.

Крупская дала ей адреса и пароли, через которые следовало установить надежную связь с редакцией «Искры».

Коснулась в разговоре Варенцова и собственных планов. О своем намерении работать в Ярославле она пока не говорила — хотела послушать, что скажет Надежда Константиновна.

— Как думаете, Надежда Константиновна, где в наши дни нужнее всего профессионал? — спросила Ольга Афанасьевна, помешивая ложечкой сахар в чашке с душистым чаем.

Крупская, прекрасно информированная о делах партии, ответила не сразу:

— Попробуйте познакомиться на месте с положением дел в Иванове и Костроме, но более всего обратите внимание на Ярославль. Думаю, что именно в Ярославле целесообразнее всего возродить прерванную работу. Аресты там, по сути, разгромили организацию.

Варенцова утвердительно кивнула.

Совсем недолго пробыв в Иванове, чуть поболее прожив в Костроме, Ольга Афанасьевна остановилась наконец в Ярославле.

* * *

И Варенцова, и Крупская не случайно выбрали Ярославль местом, где следовало развернуть партийную работу. Город не был пролетарским, но на окраинах и в уездах жили и трудились рабочие, появлялись новые фабрики, заводы, разрасталась и Большая Ярославская мануфактура. Ярославская губерния с точки зрения революционера считалась весьма перспективной.

К тому же у Ярославля — немалая революционная история и традиции освободительной борьбы. В 1887 году здесь славился кружок либеральных народников братьев Метлиных, куда входили и студенты юридического Демидовского лицея.

В 1895 году в Ярославле начал работать первый марксистский кружок, организованный Александром Стопани, который переехал в Ярославль из Казани, где началась его революционная деятельность. В Ярославле он поступил в Демидовский лицей, потом стал работать в земстве статистиком, но вскоре был арестован.

Варенцова приехала в Ярославль в начале апреля. Она любила весну, когда с треском взламывалась Волга и огромные льдины, сверкающие в лучах солнца, медленно и величаво сползали вниз по течению. Льдина казалась подобной айсбергу: на водной глади видна малая толика, а масса глубоко сокрыта. Так и в революционном движении: главные силы сокрыты в народе, и могучие потоки, слившись воедино, разрушат царизм.

Долгими часами она сидела на берегу и вслушивалась в шумы реки: грохот ледохода, крики возвращающихся с зимовки птиц, гудки пароходов... Подставляла солнцу лицо и блаженно закрывала глаза. Весна... Как много света и тепла! И как пьянит воздух родных мест...

Остановилась она на квартире своей сестры Ани.

Муж сестры, Алексей Кондратьев, однофамилец ее товарища по Иванову, работал на Ярославской железной дороге. Зять и поведал ей, что после недавних арестов партийная работа совершенно замерла, и причиной тому были не только хорошо налаженный сыск и страх перед репрессиями, но и какая-то пассивность, парализовавшая бывших революционеров. Казалось, все потеряно, впереди ничего нет, реакция всесильна.

На второй день по приезде Варенцова отправилась по имевшемуся у нее адресу к служившей в Ярославском земстве статистиком Екатерине Николаевне Новицкой.

Новицкая — седая, коротко стриженная женщина, шумная, кипевшая неуемной, нерастраченной силой,— подтвердила все, что Ольга Афанасьевна слышала от своего зятя.

— Попробуйте связаться со старыми товарищами Александра Петровича Доливо,— посоветовала Новицкая и назвала фамилию Кардашева.

Варенцова вспомнила встречу в доме сестер Махновец и какого-то очень печального и усталого Доливо-Добровольского, сосланного в Воронеж после ярославского погрома.

Когда она переговорила с Кардашевым, издерганным и разочарованным, ей стало ясно: печать неизгладимого уныния, которую заметила она на лицах сосланных в Воронеж ярославцев, словно отличительный знак, была оставлена жандармами в наследство местным марксистам.

По словам старого революционера Кардашева, в Ярославле не было никого, кто мог бы заменить Доливо. Да и сама Варенцова тоже не находила человека, на которого можно бы было опереться.

Перебирая в памяти старых друзей, Варенцова решила, что наиболее подходящим руководителем ярославских социал-демократов мог бы стать Николай Николаевич Панин — нелегал, недавно объявившийся в Иванове.

Впрочем, перебирать-то возможные кандидатуры оказалось делом несложным — полицейская метла мела подчистую, и лучшие из лучших были либо в ссылках, либо в эмиграции. А из оставшихся на воле Панин показался ей наиболее подходящим. В молодости Панин работал на Путиловском заводе, за участие в социал-демократическом движении был арестован и попал в Минусинск. Там познакомился с Владимиром Ильичем. Был одним из семнадцати, из тех, кто подписался под «Протестом российских социал-демократов». Это говорило о многом. Теперь он возвратился из ссылки и живет-поживает в Иванове. Любопытно, как он представляет свою дальнейшую жизнь? Думается, что от дел отойти не захочет.

Ольга написала ему письмо и стала ждать Панина, но тот не приехал, а вместо себя прислал ткача Герасима Колесникова — большого, с широченными плечами. Был он медлительный, говорил мало.

С трудом устроился Герасим на Большую Ярославскую мануфактуру.

«Вот и хорошо,— подумала Варенцова,— славно все получилось». Однако, встретившись с Герасимом еще раз, увидела перед собой человека не просто опечаленного, но раздосадованного сверх всякой меры.

— Вы просто не поверите,— говорил ей Герасим с обидой и злостью — это не рабочие, а какие-то дворовые холопы. Царь для них — батюшка, фабриканты — благодетели, полицейские — слуги царевы. Откуда такие взялись — ума не приложу.

— Не горячитесь, Герасим,— успокаивала его Варенцова,— вы на мануфактуре проработали всего три дня и видели немногих. Я уверена — там есть и другие.

Колесников шумно вздыхал в ответ и отмахивался: «Не знаю, какие там другие, но эти...» Так и сидел, обиженный и рассерженный, похожий на потревоженного

медведя: и голос хриплый, и такой преогромный...

Варенцова хотя Колесникова и обнадеживала, но сама прекрасно понимала, что дела идут плохо. Нет, без помощи товарищей партийную жизнь в Ярославле не наладить.

И опять она писала Панину. На этот раз выручили ивановцы. Через несколько недель Панин прислал двух товарищей. Один поступил на механический завод, другой — на табачную фабрику.

Дело сдвинулось и совсем неплохо пошло после того, как Варенцова познакомилась с Ольгой Августовной Дидрикиль, служившей в земстве. Свела их вместе Новицкая.

Тезка Варенцовой оказалась на редкость энергичной и сметливой. К удивлению Ольги Афанасьевны, через месяц в земстве появился социал-демократический кружок, за руководство которым взялась Дидрикиль. Красивая, с русыми волосами и зелеными глазами, франтиха и модница, Дидрикиль пользовалась успехом в местном обществе. И сразу начались журфиксы, живые картины, лотереи, платные викторины, благотворительные вечера. И все сборы — на нужды «Северного рабочего союза» Да, превеликой искусницей была эта Дидрикиль.

И уж совсем возликовала Ольга Афанасьевна, когда нагрянул к ней Миша Багаев. За эти два с лишним года Миша возмужал, Миша — ее ученик, который с самого начала был ей по-человечески необычайно симпатичен.

Ольга Афанасьевна обрадовалась ему как родному и захотела непременно оставить его в Ярославле, но, поразмыслив, решила направить Михаила Александровича во Владимир: там ему и простора для работы больше, и житейские условия лучше. Миша в ссылке успел жениться, на руках у него семья. И об этом нужно было думать.

Помогла Варенцовой и Багаеву все та же Новицкая. Она дала Михаилу Александровичу письмо к своему другу — секретарю Владимирской губернской земской управы.

— Живет он,— объясняла Новицкая,— в доме Декаполитова по Безымянному переулку. Если не застанете его, то жена непременно вам поможет: она-то всегда дома и занята по хозяйству. А сам секретарь управы — молодой человек, и притом высокой интеллигентности, со склонностью к кабинетным занятиям. Но в суждениях смел, радикален. Он из тех сочувствующих, кто делом помогает: и предоставит работу в земстве, и познакомит с нужными людьми.

Вскоре пришло письмо от Багаева. Дела складывались удачно: он образовал среди статистиков и земских служащих социал-демократическую группу, а затем, используя связи с учителями земских школ, перезнакомился с интеллигентами в Гусь-Хрустальном, Коврове и Муроме. И там появились марксистские кружки. От школы до фабрики — рукой подать, добрая половина вчерашних школьников оказывалась на фабрике, и, таким образом, «Северный рабочий союз» распространил деятельность на территориях, занимающих весьма солидные пространства даже на школьных картах.

* * *

— Ну что ж,— говорилаВаренцова Екатерине Николаевне Новицкой,— кажется, пришла пора созывать учредительное совещание и делать «Северный рабочий союз» свершившимся фактом и, если хотите,— юридическим лицом. «Союз» уже существует, а о нем почти никто не знает, он действует, а деятельность обезличена, и первые успехи — пусть и не очень большие — все же приписывают другим.

Новицкая засмеялась и с удивлением взглянула на Варенцову, одетую по обыкновению в строгое черное платье, отделанное вологодскими кружевами.

— О, я вижу, вы — самолюбивая и чадолюбивая мать.

— Обыкновенная мать...— приняла шутку Ольга Афанасьевна.— Ну а если говорить серьезно, нужно собирать совещание представителей трех губерний и, конечно, отдельно — Иваново-Вознесенска.

— И кого надеетесь увидеть на этом совещании?

— Кого пошлют рабочие, кого изберут.

— А кого они изберут?

— Вот на месте и увидим. Конечно, надеюсь, что это будут наши нелегалы-профессионалы. Но если вдруг окажется, что они большим авторитетом не пользуются, то вместо них придут другие; это и хорошо и плохо. И при всех обстоятельствах это будет означать, что круг профессионалов расширился, нашего полку прибыло. Впредь будет из кого выбирать, если понадобится толковый и авторитетный работник. Знаете, Екатерина Николаевна, я вижу в этом большую жизненную мудрость и правду. Только так и будут обновляться наши партийные кадры: потерял среди рабочих авторитет — задумайся, не справляешься — уходи.

— Где полагаете собраться?

— Вы что посоветуете? Здешние места ведь не хуже моего знаете.

Новицкая долго молчала. Потом сказала:

— Поразмышляем вслух. Надо, чтобы место было бы удобно для всех. Но это не главное. Гораздо важнее, чтобы оно было безопасным. А безопасность там, где меньше всего ждут таких оказий.

— Ну и где же их ждут меньше всего?

— Пожалуй, в Кинешме.

— Почему?

— Город хотя и фабричный, но социал-демократических организаций нет, а следовательно, и политических арестов не предполагается. Да и жандармы в Кинешме, как мне говорили, не очень-то усердствуют.

— Пожалуй, пожалуй,— согласилась Ольга Афанасьевна.

* * *

Кинешма лежала на правом берегу Волги, вытянувшись длинной узкой цепочкой вдоль реки. От нее до Иванова и Костромы почти сто верст, до Ярославля и Владимира — поболее, но тоже не очень далеко.

Шел август. Тепло. Солнечно. Сухо. Собраться решили на бульваре и, пользуясь суматохой воскресного дня, который выбрали специально, чтобы не привлекать внимания, переправиться на пароме на другой берег Волги. И там, в лесу, провести совещание.

Варенцова выехала из Ярославля в Кинешму с Николаем Николаевичем Кардашевым, который представлял как бы старую гвардию Ярославля, оставшуюся после разгрома организации.

Поезд пришел рано, и они уселись на скамеечке над Волгой, поджидая делегатов. Ольга Афанасьевна волновалась ужасно: приедут ли? И кто приедет?

И вот вдали показалась сутуловатая фигура широкоплечего крепыша с буйной черной шевелюрой. «Багаев! — узнала Варенцова,— настоящий медведь. И кличка партийная — Медведь».— И усмехнулась такому совпадению. Багаев шел один — значит, больше от Владимирской губернии никого не было. Затем появились двое интеллигентных мужчин средних лет. «Ага, костромичи... «искровцы».

И наконец на горизонте возникли еще трое: Панин, Володина и кто-то из новых, Варенцовой незнакомый. «Интересно — кто?» Когда подошли ближе, то узнала — Бубнов. Давно его не встречала. Вот и увиделись все после разлуки. Славно! Очень славно! И еще обрадовалась: профессионалов избрали рабочие своими вожаками, их же избрали на совещание.

* * *

Переправившись через Волгу на пароме, компанией прошли от пристани четыре версты и углубились в сосновый бор — сухой, звенящий, пахнущий смолой, грибами и солнцем. Пели птицы, и сердце Ольги Афанасьевны переполнилось покоем и радостью.

Ольга Афанасьевна шла впереди. И оттого, что лежала перед ней сухая и мягкая лесная дорога, над головою синело высокое небо и медные застывшие сосны чуть подрагивали вершинами, она настроилась на давно забытый лад и с грустью подумала: «Всю жизнь — фабрики, подполье, гектографы, явки, конспирации. Лес видишь только на маевках...»

Ей стало грустно и неспокойно.

На прогретом солнцем пологом взгорке уселись поудобнее. Ольга Афанасьевна предложила сначала прослушать доклады с мест о положении в организациях, высказаться о своем отношении к «Искре», потом обменяться мнениями, в заключение обсудить устав и программу «Северного рабочего союза». Повестку дня приняли. Варенцова поглядела на часы: четверть одиннадцатого... Солнце повисло над разлапистым дубом, возвышавшимся на полянке, белой от ромашек.

Обсуждение устава закончили в восемь часов вечера. Решено было построить организацию на твердых началах централизма, осуществляя на практике один из принципов, за которые с самого начала боролась «Искра», да и резолюцию приняли «искровскую». И слова такие прекрасные:

«Союз» как социал-демократическая организация, задающаяся целью руководить рабочим движением соседних губерний, считает себя Комитетом Российской социал-демократической рабочей партии».

Отныне «Северный рабочий союз» существовал.

И пусть не во всех пунктах программы был он теоретически безукоризнен, главное совершилось — на севере России появилась новая партийная организация, готовая на практике осуществлять предписания Российской социал-демократической рабочей партии. Варенцова долго прощалась с товарищами. Кто знает, когда встретятся они вновь.

Шумел лес, вздрагивали литые листья дуба, на небе появился бледный серп месяца, когда разошлись они по домам.

* * *

Совещание в Кинешме оживило работу во всех трех губерниях.

В ночь под новый, 1902 год Ярославский комитет разбросал по городу листовки. И в них говорилось: **«Ко всем ярославским рабочим!**

С Новым годом, товарищи!

К вам, товарищи, ко всем ярославским рабочим, ко всем тем, кто рвется к лучшей жизни, к свету, к свободе, ко всем, кто задыхается в душной тюрьме царского самодержавия, обращаемся мы с горячим призывом. Проснитесь, товарищи, пора начать деятельную, энергичную борьбу со всеми нашими врагами — фабрикантами и правительством,— борьбу за лучшую жизнь, за свет, за свободу. Всюду в столичных и крупных фабричных городах наши товарищи рабочие уже ведут такую борьбу против своих притеснителей. Пламя этой борьбы разгорается все ярче и ярче, все больше и больше прибывает новых, смелых и самоотверженных борцов, и, быть может, недалеко то время, когда от мускулистой руки рабочего ярмо царского деспотизма, окруженное солдатскими штыками, разлетится в прах...

В этой борьбе должны принять участие и мы, ярославские рабочие: этого требуют наши кровные инте-

ресы, требует наша совесть, честь, человеческое достоинство.

Взгляните, товарищи, на окружающую нас жизнь, на жизнь рабочего человека. День за днем — каторжный, убивающий силы, однообразный труд. Всю нашу молодость, все наши силы, здоровье наше отнимает работа... Можем ли мы сказать, что мы работаем для того, чтобы жить? Нет, мы живем для того, чтобы работать и только работать...

Вся наша жизнь с ранних лет и до преждевременной старости проходит на фабрике за подневольным, поденным, все силы сосущим трудом. Не остается времени для отдыха, для здорового сна, для настоящей жизни...

Этого мало... За каторжный труд, за каторжную жизнь мы получаем жалкие гроши, которых едва хватает на полуголодное существование нас самих и наших семей.

...Верный друг фабрикантов — царское правительство — всеми силами старается подавить нас, связать нас по рукам и ногам и, связанных, отдать нас в полное распоряжение на милость нашим хозяевам. Правительство боится рабочего движения... Оно знает, что, получив уступки от хозяина фабрики, рабочий потребует уступок и от хозяина всей России, и оно не щадит сил, для того чтобы искоренить рабочее движение. И это, товарищи, вы запомните.

...Проснитесь же, товарищи, сбросьте с себя последние оковы нерешительности и трусости. Подымайтесь!

В будущем ждет вас великое благо — свободная жизнь, где не будет ни слез, ни вражды, ни бескрестных могил, ни рабов, ни нужды, ни меча, ни позорных столбов.

Во имя этого будущего боритесь, товарищи!

К этой борьбе зовет вас недавно возникший Ярославский комитет...»

* * *

1 января 1902 года в Воронеже начал работу съезд «Северного рабочего союза». Северные губернии прислали по одному человеку от каждой из них, и только для Ярославской губернии было сделано исключение: ее представляли двое — Варенцова и Вайсман; Владимирскую губернию — Багаев; город Иваново-Вознесенск — Панин. Делегат от Костромской губернии не приехал из-за внезапной болезни.

Съезд работал пять дней. На последнем заседании избрали руководство «Союза», его Центральный комитет. В состав ЦК вошли и Варенцова, и Багаев, и Панин. «Северный рабочий союз» признавал своим руководителем «Искру» и только ей намерен был подчиняться.

* * *

Ночь на 20 января 1902 года выдалась лунная, светлая. В половине четвертого утра из слободок к Большой Ярославской мануфактуре потянулись меж сугробами ткачи. Люди, согнувшиеся от холода, проходили мимо унтера, стоявшего у доски с номерками, проходили молча, запрятав ладони в рукава зипунов и полушубков. Холод пробирал до костей.

«В три часа народ фабричный
Пробуждается, встает.
Он завяжет корку хлеба
И на фабрику идет»,—

напевал, приплясывая на морозе, «хожалый» Иванов — отставной унтер, заступивший на вахту на проходной.

Было холодно и, как часто бывает при морозе, ясно. Во дворе мануфактуры из десятков окон падали на снег

широкие полосы электрического света. Из фабричных корпусов выходила вечерняя смена, которая также устремилась к проходной.

Когда возле проходной смешались и забурлили два встречных потока ткачей, над их головами взметнулось и полетело белое бумажное облако.

— Листовки! — закричали люди и по истинно русской привычке стали хватать и совать за пазуху падавшие листовки, толком и не подумав, нужны они или не нужны.

Стали хватать листовки и другие: коли взял сосед, почему мне не взять?

Отставной унтер Иванов торчал у ворот проходной, но, как только раздались крики и возникла сумятица, почуял опасность. Прихрамывая на правую ногу, заторопился, отпихивая рабочих. Протолкавшись через проходную во двор, он увидел людей, хватавших со снега листовки, и сразу заорал:

— Отставить! Не сметь бумаги хватать!

Кто засмеялся, кто заматерился. Некоторые, опасливо озираясь на «хожалого», прошмыгнули в проходную подальше от греха.

Иванов взял несколько листков, чтобы утром доставить по начальству, и, переживая, что такая оказия произошла в его вахту, ушел греться в будку.

Большинство из проходивших к воротам рабочих брали листочки бережно и не сминая, аккуратно складывая, прятали в карманы штанов или овчинных полушубков. Грамотные, придя домой и засветив лампу, читали тихим шепотом по складам листовки. Читали, уставая от непривычного труда: и дело-то простое — сидишь на лавке, в тепле, при свете, читаешь,— а тяжело так, будто смену отстоял.

«Ко всем русским рабочим.

19 февраля 1861 года законодательным порядком было отменено крепостное право.

Кому же, товарищи, обязаны мы отменой его?

Себе, прежде всего себе. Потоками крови, пролитой в борьбе за освобождение от рабства, добились русские крестьяне освобождения от векового угнетения. Что это правда — доказывают следующие цифры.

За 30 лет царствования Николая I произошло более 600 восстаний крестьян против помещиков. Восстания эти делались все чаще: в первые 8 лет царствования Николая I их было меньше 100, в следующие 8 лет — 150, а в последние 8 лет — больше 300.

Бунтовщиков усмиряли военной силой, уцелевших от кровавой расправы ссылали в Сибирь.

Да, дорогой ценой досталась русскому народу свобода от крепостных цепей.

Неохотно дало правительство ее: Александр II говорил своим друзьям-помещикам, что «лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они сами себя освободят снизу». Сам «царь-освободитель» признал, что он был вынужден к изданию закона 19 февраля *страхом перед общим народным восстанием...*»

Листовки пахли краской. Значит, отпечатаны недавно. Бумага серая, буквы неровные. На обратной стороне листовки — бумагу в подполье берегли — было напечатано следующее: «Обещания капиталистов и фабричные законы».

И далее смелые неизвестные люди писали и о царе, и о бунтах. Правда, про царя и бунты говорилось не так много, но брало за сердце то, что о делах сегодняшних — о нищенской жизни и нищенской плате, о несправедливых расценках и грабительских штрафах — сказана святая правда.

И другое изумляло: есть люди, которым тяжкая и беспросветная доля рабочего человека небезразлична, которые хотят эту жизнь переменить к лучшему и, рискуя собственной головой, печатают эти листовки, раздают.

* * *

На следующий день — 21 января 1902 года - на Большой Ярославской мануфактуре арестовали пятнадцать человек. 23-го — еще троих. В числе этих последних был и Герасим Колесников посланец Николая Панина, тот самый, кого так огорчила забитость и темнота ярославских ткачей, руководитель рабочего социал-демократического кружка. Имя малодушного и трусливого всплыло сразу. Им оказался член кружка ткач Федор Калинин — невзрачный, неказистый человек. Он-то и предал Герасима Колесникова.

Но Калинин выдал не только его. Еще через два дня он дал показания, которые позволили арестовать и нелегала Зороховича.

Калинин знал Зороховича как Николая Антоновича Лужанского и показал, что именно у него брал те листовки, которые в ночь на 20 января были разбросаны во дворе Большой Ярославской мануфактуры.

Эти листовки, показал Калинин, он принес к Герасиму Колесникову, и тот до поры до времени спрятал их во дворе, в поленнице дров.

25 января полицейские провели обыск у Колесникова и Зороховича, после чего оба были арестованы — вещественных улик оказалось более чем достаточно.

Цепочка потянулась: начались аресты и в Демидовском лицее. Брали безусых лицеистов. Из лицея полицейские пришли в земство — арестовали четверых служащих.

Потом пожар полицейских репрессий перебросился в Кохму. Там, узнав об арестах в Ярославле, в местную полицию явился доброхот, лавочник Черкасов, и заявил, что подозревает в преступлениях против царя и Отечества некоего Гришку Афонина, который хотя и живет в Иванове, но часто приезжает в Кохму. И приезжает

неспроста: то забирает у одного его постояльца разные листки, газетки и книжки, а то, наоборот, привозит корзину, прикрытую бабьим полушалком.

Взяли кружковца Афонина, а тот, сам того не желая, сказал лишнее и навел жандармов на Панина: пожар перебросился в Иваново-Вознесенск...

* * *

Николай Николаевич Панин — опытнейший и осторожнейший нелегал, которого и имя-то настоящее мало кто знал, называли только по кличке Гаврилой Петровичем, соблюдал конспирацию строго, неукоснительно и весьма искусно. Жил он далеко за городом, в избушке на курьих ножках, в непроходимом овраге. И хозяин его «квартиры», семидесятилетний старик, как нельзя более кстати подходил для деятельности Панина: из-за слепоты едва мог узнать своего квартиранта, а кроме того, был почти глухим.

Панин, уверовав в благоприятные обстоятельства, перестал опасаться провала, стал держать у себя литературу и, что хуже всего, гектограф.

Получив показания Афонина, полицейские взяли след и 28 февраля пришли в избушку, почти закрытую сугробами.

Панин был дома. Гектограф, пачки свежих, только что отпечатанных прокламаций, последние номера «Искры», запасный подложный паспорт решили его судьбу.

Хуже всего было то, что у Панина нашли конспиративные адреса в Костроме и письмо Варенцовой. Эти материалы дали жандармам возможность установить систему связей Костромы, Иваново-Вознесенска и Ярославля.

Всего же за январь и февраль 1902 года в Ярославле, Иванове и Кохме было арестовано более ста человек.

атическая рабочая партія.
жите московское возстаніе!

Но никто не знал, что еще один сильнейший удар по «Северному рабочему союзу» будет нанесен совсем с другой стороны...

* * *

Погром, учиненный полицией и жандармами в северных губерниях России, не был исключительным явлением. «Искровские» организации понесли большой урон и в других местах.

Московский и Киевский комитеты оказались обескровлены арестами не меньше, чем «Северный рабочий союз». Главные усилия по искоренению крамолы Министерством внутренних дел были направлены на борьбу именно с «искровскими» организациями как наиболее радикальными.

Частью этих мер стало и резкое ужесточение пограничного режима, чтобы исключить возможность проникновения газеты «Искра» в Россию. Были созданы «летучие отряды» таможенников, усиленные чиновниками Министерства внутренних дел. На основных пропускных пунктах досмотр сделался обязательным для каждого приезжавшего из Европы. Были разгаданы секреты чемоданов с двойным дном, юбок «колоколом», шляпных коробок... А «Искра» пролетала, и агенты ее проникали сквозь все заслоны и кордоны.

Транспорты «Искры» обнаруживали то в Архангельске то в Ковно, то в Киеве, то в Баку, то в Астрахани. «Искру» вытряхивали из бочек, в которых она оказывалась вместо селедки, обнаруживали в переплетах книг причем у пассажиров столь почтенных, что их и подозревать-то было неловко. Однако все это являлось суровой действительностью, и надобно было против таковой напасти отыскивать надежное противоядие. Лучшие умы жандармского корпуса ломали над этим головы.

* * *

Фельдфебель Лавренко, потягивая с блюдечка чай, время от времени взглядывал на часы, не желая упустить мгновения, когда внутри ходиков что-то захрипит, отскочит размалеванная цветами дверца и в окошечке появится желто-зеленая кукушка. Она прокричит восемь раз и спрячется на полчаса. В эту минуту на пороге появится старший унтер-офицер Никитин и скучным голосом проговорит: «Здравия желаю, Петр Петрович».

«Заскучаешь, когда тебе восемь часов быть на карауле,— довольно ухмылялся фельдфебель,— а мне на боковую».

Чай потихоньку остывал, кукушка, затаясь, пережидала последние минуты, как вдруг в двери возникли четверо солдат. Они возбужденно гомонили, топали, шумно дышали. Лавренко сразу понял — поймали.

За спинами солдат оказался тщедушный чернявый человек в пенсне, в башлыке, в галошах. Либо контрабанда, либо политика. Окинув задержанного опытным глазом, фельдфебель вздохнул: «Нет, тут, скорее всего, политика».

Вслед за солдатами в караульное помещение вошел чиновник таможни с коричневым саквояжем в руках. Фельдфебель поставил блюдце на стол и первым делом приказал солдатам идти из караульного помещения вон — ишь, воспользовались случаем, пришли погреться, вместо того чтоб службу нести. Подумав, приказал одному, наиболее смышленому, остаться. Как только солдаты ушли, спросил господина таможенника:

— Опять нарушитель?

Таможенник сел к столу, снял форменную фуражку и подвинул саквояж к Лавренко. Фельдфебель щелкнул замком и краем глаза заметил, как, скинув башлык,

не спросясь, сел на лавку задержанный. «Ясно, политик».

Лавренко раскрыл саквояж и выложил на стол пижаму, пару рубашек, бритву и еще кучу всякого господского барахла. Повертев и обстучав пустой саквояж со всех сторон, Лавренко отставил его в сторону и вопросительно поглядел на таможенника.

— А ты ручку повнимательнее осмотри, Лавренко, ручку,— с ленивой снисходительностью процедил таможенник.

Фельдфебель оглядел ручку и заметил, что кожа, которой ручка обшита, в одном месте чуть подпорота. Аккуратно подпорота, будто нитка лопнула.

— Ясно,— пробурчал Лавренко и, уважительно взглянув на таможенника, велел солдату:

— Служивый! Беги зови сторонних свидетелей!

Когда двое грамотных мужиков, оказавшихся на вокзале, поняли, чего от них хотят, и с любопытством воззрились на ручку саквояжа, таможенник раздвинул кожу и вынул оттуда трубочку, свернутую из нескольких листков папиросной бумаги.

Задержанный побледнел и отвел в сторону глаза.

— Пиши протокол,— проговорил таможенник начальственно, и фельдфебель начал писать:

«Сего 1902 года, марта 5 дня, я, фельдфебель Отдельного корпуса пограничной стражи...»

В это мгновение внутри ходиков захрипело, затем отскочила дверца — и в раскрытом окошке появилась желто-зеленая птичка...

* * *

Арестованный в Радзивиллове нарушитель был Иосиф Блюменфельд — наборщик «Искры», первый номер которой он сам и доставил в Россию в прошлом, 1901 году в количестве нескольких сотен экземпляров.

Правда, отобранный паспорт свидетельствовал, что задержанного зовут Карл Готшалк, но даже фельдфебель

Лавренко и тот понимал, что этот документ — сплошная «липа».

Солдаты внесли и багаж Готшалка. И Лавренко заметил, как задержанный помрачнел.

...Первый же чемодан оказался битком набитым газетами. Готшалк вздохнул, привалился головой к стене и закрыл глаза.

* * *

Давным-давно было замечено, что беда никогда не приходит одна.

В это же время провалилась большая переписка «Северного рабочего союза» с редакцией «Искры», касающаяся программы и устава «Союза», и в дополнение ко всем несчастьям был арестован представитель воронежской группы студент Николай Таланов. Во время обыска обнаружили два чемодана с двойным дном, в которых хранились нелегальная литература и более пятисот листовок. У Таланова также был отобран альбом с тайником в корешке и две каучуковые печати. На одной из них была вырезана надпись «Северный рабочий союз Российской социал-демократической рабочей партии», а на второй — «Костромской комитет РСДРП».

Все это — во-первых, адреса, пароли и явки, изъятые у Блюменфельда; во-вторых, переписка с «Искрой» и, в-третьих, отобранные у Таланова печати — сошлось в одном месте — Особом отделе Департамента полиции, который ведал политическим сыском и считался в Министерстве внутренних дел наиважнейшим и наисекретнейшим из всех его отделов.

* * *

Заведующий Особым отделом Департамента полиции полковник Ратаев не сразу решил, кому следует поручить дело по ликвидации «Северного рабочего союза».

По здравом размышлении счел необходимым посоветоваться по этому тонкому и важному делу с начальником Московского охранного отделения полковником Сергеем Васильевичем Зубатовым — человеком умным, хорошо знающим революционную среду окружающих Москву губерний. Зубатов и надоумил поручить это дело одному из своих ближайших сотрудников — Леониду Петровичу Меньщикову, скромному чиновнику, ведавшему секретной частью письмоводства.

Зубатов почти всегда поручал Меньщикову составление отчетов, докладов и рапортов, ценя своего письмоводителя за четкость мысли, изящество слога и феноменальную память.

Вместе с тем Зубатова роднило с Меньщиковым и их далекое прошлое. Когда-то и Зубатов, и Меньщиков были молодыми радикалами, входили в нелегальные организации и оба — в разное, правда, время — стали платными осведомителями Охранного отделения.

Сергея Васильевича Зубатова за участие в гимназическом народовольческом кружке из гимназии исключили. Однако это не помешало ему довольно скоро переосмыслить свое прошлое и уже в двадцать лет, через два года после исключения из гимназии, стать провокатором. А еще через четыре года он перешел официально на службу в Охранное отделение. И ныне, в 38 лет, был уже жандармским полковником и начальником Охранного отделения Москвы.

Меньщиков был натурой более тонкой. И учился он не где-нибудь, а в Строгановском училище технического рисования и мечтал о славе живописца. И был его кумиром Илларион Прянишников — сострадатель униженных и оскорбленных, картины которого кричали о бедности и горестях народных.

И в семнадцать неполных лет создал Леонид Мень-

щиков народовольческую группу, поклявшись всю жизнь пером публициста — он верил в свой дар,— и кистью художника, и делом революционера служить народу.

Но группа провалилась, Леонид Меньщиков попал к жандармам, и тут впервые пересеклись жизненные дороги его и Зубатова. В те дни Сергей Васильевич на официальной службе не состоял — перешел на твердое жалованье через год — и с высоты жизненного опыта двадцатитрехлетнего мужчины дал шестнадцатилетнему студенту отеческий совет: «Иди в Охранное отделение, там такие, как я и ты, со временем будут в большой цене».

Меньщиков пошел. И вот уже пятнадцатый год служил под началом Сергея Васильевича, ни разу не заставив того пожалеть о сделанном давным-давно предложении.

И вот теперь, когда полковник Ратаев спросил Зубатова, кому следует поручить дело о «Северном рабочем союзе», тот предложил кандидатуру Меньщикова.

Зубатов понимал, что доля риска в его предложении есть: в известном смысле рекомендованный им сотрудник был неопытен — Меньщиков с агентурой дела не имел и розыском самостоятельно не руководил. Если не считать небольшой служебной командировки, случившейся шесть лет назад, когда Меньщиков ловко выяснил контрабандные пути через западную границу. Но зато у него были и большие преимущества — он благодаря своей изумительной памяти знал всех революционеров, дела которых хотя бы однажды попадали ему в руки. В сложных ситуациях Меньщикову не надо было вести записи: пароли, клички, адреса, явки он запоминал мгновенно и навсегда. Более того, мог слово в слово восстановить любой разговор, случись он хотя бы и три года назад.

И самое главное — задуманное дело полковник Ратаев решил вести не совсем обычным путем...

* * *

Наступил апрель. Со звонкой капелью, ярким солнцем и пьянящим запахом набухающих почек тополей.

Второго апреля Мария Дидрикиль сообщила Ольге Афанасьевне, что из Воронежа от Носкова приехал товарищ, который хотел с нею встретиться.

Явочной квартирой оставалась квартира Новицкой, и Варенцова попросила направить воронежца в укромный домик с зелеными ставнями.

Когда она вошла в столовую, навстречу поднялся полный тридцатилетний мужчина в прекрасно сшитом костюме, с маловыразительным бледным лицом и сонными глазами.

— Мария Ивановна,— представилась Варенцова.

— Иван Алексеевич,— отрекомендовался воронежец, галантно поклонившись и вяло пожав протянутую руку.

Говорил он мало, тихим, ровным голосом. Скупо поведал о себе. Первый его арест по времени совпал с ее арестом. Иван Алексеевич попал в полицию, так же как и Ольга Афанасьевна, в апреле 1887 года.

— Сколько же было вам лет? — изумилась Варенцова.

— Шестнадцать,— проговорил он тихо.

- Рано начали,— одобрительно произнесла Варенцова.

Иван Алексеевич промолчал. По той поре нашлись у них знакомые, но о дальнейших их судьбах воронежец знал мало. Зато о современном положении в партии судил здраво и, хотя был твердым «искровцем», хорошо знал деятелей других течений и групп русской социал-демократии.

— Где бы хотели работать? — спросила в заключение Варенцова, весьма довольная новым знакомством.

— Где я буду полезнее всего? — вопросом на вопрос ответил Иван Алексеевич.

— После разгромов в Ярославле и Иваново-Вознесенске самое слабое звено — Иваново. Там взяли более сорока партийцев, в том числе и Гаврилу Петровича. А здесь, хотя потери и велики, но кое-кто из товарищей на свободе, да и я вот, как видите, пока не в тюрьме.

Иван Алексеевич молча кивнул и как-то печально поглядел на Варенцову. Варенцова поежилась. Впрочем, особого значения этому взгляду не придала: конечно, сегодня на свободе, завтра — в тюрьме. Что поделаешь?..

— Я согласен работать в Иванове, но прежде хотел бы съездить в Кострому и Владимир, чтобы лучше представить обстановку,— проговорил Иван Алексеевич просительно. И, будто опасаясь отказа, добавил: — Пароли у меня есть и туда, меня снабдили ими.— И, беспомощно улыбнувшись, сказал: — Набили паролями, словно рождественского гуся яблоками.

— Ну что ж, съездите,— согласилась Варенцова, обескураженная его откровенностью. Тут раздался осторожный стук в дверь, и Новицкая пошла отпирать.

Иван Алексеевич и Ольга Афанасьевна замерли.

— Вам самовар не нужен? — услышали они приглушенный голос.

— Нет, благодарю, самовар не нужен,— ответила Новицкая.

— А парниковые огурцы? — допытывался назойливый коммивояжер.

И Ольга Афанасьевна, и Иван Алексеевич облегченно вздохнули: пароль был хитроумный, в первой фразе нужно использовать слово «самовар», а во второй — «огурец». Пароли всегда поражали неожиданностью и часто были нелепы, чтобы избежать возможных случайных совпадений. Несколько часов назад пришел с этим паролем к Новицкой и Иван Алексеевич. Это был правильный пароль, и, значит, за дверью был свой. Так

оно и вышло. Через три минуты в комнату вошел невысокий худой брюнет, живой и веселый.

— Владимир Михайлович Бронер,— отрекомендовался он Ивану Алексеевичу и Ольге Афанасьевне.— Только что из Москвы. Побывал в редакции «Северного края» у Марии Дидрикиль, от нее к Петровым и от них — к вам.

— А вещи ваши...— начала было Новицкая.

Владимир Михайлович, не дослушав, все ухватил на лету и ответил весьма быстро:

— Чемодан с литературой на вокзале. Завтра выгружу — и обратно домой.

— Вы к нам прибыли от какой организации, товарищ? — спросила Варенцова,— от Московского комитета?

— Нет, я — представитель «Искры».

— Стало быть, и за границей бывать приходилось? — чуть оживился Иван Алексеевич и поднял глаза.

— Да, совсем недавно оттуда,— охотно откликнулся Бронер и стал увлеченно рассказывать о событиях, участником которых ему довелось стать, и о людях, с которыми повстречался. Но о самой редакции «Искры» и о ее членах он не сказал ни слова.

У Ивана Алексеевича и с Бронером тоже нашлись общие знакомые.

«Да,— подумала Варенцова,— неплохого профессионала получим, коли Иван Алексеевич останется в наших краях».

Иван Алексеевич вскоре ушел, да и в краях сих не остался, но в чем-то Ольга Афанасьевна оказалась права — приехавший из Воронежа человек был неплохим профессионалом. Только звали его иначе — Леонидом Петровичем Меньщиковым.

* * *

Бронер, доставивший транспорт с «искровской» литературой, уехал из Ярославля на следующий день.

Меньщиков знал, что настоящая его фамилия — Гурвич-Дан, зовут его Федор Ильич, равно как знал, что на конспиративной квартире была никакая не Мария Ивановна, а доподлинная Ольга Афанасьевна Варенцова. «Заядлая социал-демократка «искровского» толка... Первейший член Центрального комитета «Северного союза» — так спустя несколько дней напишет он в донесении Охранному отделению.

Меньщиков ехал в Кострому, имея адрес хозяйки конспиративной квартиры Александровой — дом Громова, Рукавичникова улица. А в это время в Москве на Ярославском вокзале полиция арестовала Бронера — Дана.

В Костроме на пароль дверь Меньщикову открыла курсистка, квартировавшая вместе с Александровой, и перед «Иваном Алексеевичем» предстала редчайшая картина — работающий гектограф и пачки свежеотпечатанных листовок.

— Скоро Первомай,— словно извиняясь, что гость застал их за таким занятием, объяснила хозяйка происходящее. На красивом лице — печать бессонницы: припухшие веки, синие круги под глазами, пересохшие губы.— Сегодня спать легли, когда светать стало,— всю ночь напролет печатали.

Разговаривали о положении дел недолго. Александрова торопилась — назначены занятия в кружке, вышла в соседнюю комнату и появилась в серой кофте и старой жакетке, повязанная черным платком — ни дать ни взять фабричная работница. Однако и за короткое время Меньщиков узнал все, что хотел. Из Костромы он уехал во Владимир.

* * *

Десятого апреля во Владимир приехала и Варенцова. Следовало обсудить с Багаевым план празднова-

ния Первого мая и способ, которым будут они на сей раз распространять листовки.

Переночевав в семье своих давних друзей, в середине дня 11 апреля Ольга Афанасьевна направилась к Багаеву. Шла и досадовала, что ничего хорошего Медведю сказать не сможет: листовки, по сути дела, не готовы, их печатают в имении в пятнадцати верстах от Ярославля. Печатает студент в одиночку и до пасхи изготовить их в нужном количестве не сумеет. Значит, разбросают их после Первого мая... Нескладно все получается... Хотелось ей показать Багаеву и новую листовку, которую она называла «Корзинкинский листок». Написала листовку сама, специально для рабочих «фабрики Корзинкина», как называли Большую Ярославскую мануфактуру по имени ее хозяина. Листовка «Памяти погибших» была посвящена тем, кто в прошлом году стал жертвой полицейских репрессий, обрушившихся на забастовщиков.

Часа на полтора раньше Варенцовой к Багаеву в дом по Гончарной улице пришел «Иван Алексеевич». Когда он появился, хозяина дома не было. В маленькой квартирке играли четверо ребятишек. Супруга Михаила Александровича на кухне стирала белье. Предложив гостю подождать, она что-то сказала старшему мальчику, и тот побежал за отцом.

Меньщиков уселся на старом продавленном диване, смотрел на беспечно играющих ребятишек... Как все приключается в жизни: скоро придет отец этих детей, рябой и сутулый человек, улыбнется ему, «Ивану Алексеевичу», и откровенно обо всем ему расскажет. И через несколько месяцев пойдет по этапу в Сибирь...

Когда Багаев вошел, он увидел на диване толстого, печального человека, процедившего ему нелепые фразы о самоваре и огурцах.

И Багаев открыто улыбнулся и крепко пожал ему руку.

Меньщиков посмотрел в лицо Багаеву и отметил нездоровую желтизну кожи, характерную для человека, страдающего хронической малярией. Значит, на каторгу должен идти, ко всему прочему, больной человек.

Багаев упоенно рассказывал Меньщикову о делах, о товарищах, о задуманных планах. О себе говорил мало, больше хвалил других: Николая Дубровского — за то, что собирал деньги на партийные нужды, Михаила Тихомирова — за безотказное предоставление квартиры для занятий кружков, где под видом вечеринок читались и обсуждались рефераты.

И когда Меньщиков, оживившись, спросил:

— Какие? — Багаев со скрытой гордостью назвал среди прочих и свой реферат «О роли интеллигенции в освободительном движении рабочего класса».

Он рассказал, по каким адресам развозит литературу, и похвалил тех, кто ему помогает в работе, назвав по именам и фамилиям добрый десяток самых активных товарищей. Да, Багаев рассказывал и обязан был рассказывать, ибо приехавший обладал паролем «третьей степени доверия».

В партии были пароли «трех степеней доверия», как их называли в подполье. Пароль первой степени доверия давал обладателю право получить явку, фальшивые документы и при необходимости укрыться в подполье; вторая степень доверия предусматривала информацию о положении дел в организации, о последних событиях и возможность обладателю включиться в работу... И только третья степень доверия раскрывала перед владельцем такого пароля полную доверительную информацию и о делах, и о людях, и о многом сокровенном, на чем держалась организация. И в этом была своя правда — на местах не могли заниматься проверкой приехавших товарищей, мандатом им была определенная степень пароля. Это был скорый способ передать информацию

о положении дел на местах в центральные органы партии.

...Меньщиков сонно щурился и вроде бы отсутствовал, но чудовищная память его без труда фиксировала имена и факты, как фиксирует свет фотографическая пластинка.

В разгар беседы в комнату к ним вошла Варенцова. Меньщикова встретила как старого знакомого и поведала о трудностях, какие предстоит им перенести в связи с приближающимся Первомаем. Заодно рассказала и о «Корзинкинском листке».

Меньщиков поинтересовался, вытирая платком потные руки:

— О чем в нем пойдет речь?

Варенцова раскрыла сумочку и достала мелко исписанный листок. Меньщиков взял его и пригласил Багаева сесть на диван рядом с ним.

Багаев сел близко, заглядывая в листовку, быстро разбирал почерк Варенцовой.

«Памяти погибших.

...В других странах не считается преступлением говорить и думать, что власть капитала над трудом есть несправедливость, с которой надобно бороться.

Не то в России.

У нас народ не имеет *политических прав, политических свобод*. Все государственные дела решает самовластное правительство — стотысячная шайка чиновников с царем во главе, грабя весь народ, обирая его налогами и всякими поборами. Эта шайка объявила изданные ею законы *государственным* порядком, а всякую борьбу против этих законов — *государственным преступлением*.

Не зная нужд народа и не желая их знать, самодержавное правительство только и заботится о поддержании своего господства, об увеличении своих доходов и о спо-

койствии капиталистов и помещиков... Поэтому каждая стачка рабочих, каждое движение крестьян против помещиков признается бунтом и преследуется с варварскою жестокостью...

Держитесь крепко Российской социал-демократической рабочей партии и ее местного представителя — «Северного рабочего союза» — и вместе со всей нашей партией отвечайте на торжествующие крики наших врагов — капиталистов и правительства — грозным кличем: «Да здравствует рабочее движение! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия! Долой буржуазию, долой самодержавное правительство! Да здравствует социальная революция!

«Северный рабочий союз».

Меньщикову листовка понравилась. Багаеву — не очень. Нужно было больше сказать про тех, кого хорошо знали в организации и до сих пор помнят,— год ведь всего прошел после ареста. В каких они теперь находятся тюрьмах?..

Ольга Афанасьевна согласилась:

— Ладно, доработаю. Но поздно. Плохо, что первомайские листовки все еще печатают. Ну, мне пора. Скоро мой поезд. Дай что-нибудь с собой, Миша.

Багаев вышел во двор и вернулся со стопочкой книг.

— Вот здесь одна брошюрка и три номера «Зари». Есть здесь и статья Ульянова, есть и статья Плеханова.

От Багаева Варенцова и Меньщиков вышли вместе. Вечерело. Резкий ветер потянул с низины. Сверкал золотыми куполами собор, стоявший на возвышенности.

* * *

Сведения, представленные Меньщиковым в охранку, практически были исчерпывающими. Но собирал их Леонид Петрович не для истории. Их цена уменьша-

лась с каждым днем, жизнь вносила в собранную информацию свои коррективы: обнаруженные им явки и конспиративные квартиры могли перемениться, люди — скрыться, и тогда пришлось бы посылать новых агентов, снова хитрить, изворачиваться, лицедействовать. В этом и было главное отличие ценности данных агентурно-оперативных от данных исторических. Пройдет меньше десятка лет, и Леонид Петрович Меньщиков сделает серьезную заявку на то, чтобы эти данные предстали перед общественностью как исторические источники первостепенной важности.

В 1906 году он уедет за границу и представит революционным эмигрантским организациям данные о 275 провокаторах из разных политических партий — от социал-демократов до Бунда.

Он расскажет и о своей деятельности — не только конфиденциально, но и публично,— и в этом покаянии не обойдет и провокации, учиненной в отношении «Северного рабочего союза».

Вот что напишет Леонид Петрович через девять лет, в 1911 году, и это будет опубликовано за границей:

«Результатом моего доклада по начальству была «ликвидация», во время которой было арестовано несколько человек.

За всю мою двадцатилетнюю службу в полиции этот случай, когда мне пришлось выступать в такой роли, был единственным, если не считать моей поездки на западную границу в 1896 году по делу выяснения контрабандных путей. Описанный выше случай явился, впрочем, логическим следствием того положения, в котором я оказался, поставивши себе еще в молодости задачу: выяснить единоличными усилиями систему политического сыска царского правительства, незнание которой со стороны революционеров составляло серьезнейшую помеху в их деятельности.

За первые 15 лет моего пребывания во вражьем стане я окончательно убедился, что цели своей я могу достигнуть вполне лишь тогда, когда буду находиться в самом центре розыскного механизма. Поездка на север была тем крайним средством, к которому я обратился, чтобы скорее проникнуть в «святая святых» охраны. Мне это удалось: через год после этого я был уже в главном штабе ее – в Особом отделе Департамента полиции, здесь только я получил возможность выяснить те сотни предателей, имена которых ныне раскрыты мною революционным организациям, и узнать те многочисленные секреты, которые должны теперь сделаться общественным достоянием.

Тем не менее я понимаю, что достигнутые мною результаты куплены дорогой ценой: осуществляя свой план, я причинил многим страдания. В этом отношении я чувствую себя глубоко виноватым. Я не имею возможности обратиться лично к каждому из таких лиц и потому прибегаю к помощи печати, чтобы публично просить прощения у всех тех, кто так или иначе потерпел от моих действий в роли чиновника охраны.

6/19 февраля 1911 г.»

По тому же поводу он в статье, напечатанной в журнале «Каторга и ссылка» (1926 г., № 1), писал: «Дело о «Северном Союзе» является тягчайшим воспоминанием из всего того, что я пережил, находясь во «вражьем стане», так как я был вынужден выступать в роли, мне совершенно несвойственной. До того времени я удачно сохранял за собой вполне нейтральную позицию: был «пером» Зубатова, ведая наиболее секретной частью письмоводства, с агентурой вообще дела не имел, розысками самостоятельно не руководил. В данном же случае, исполняя приказание заведовавшего Особым отделом Департамента полиции Ратаева, я вошел в непосредственные отношения с революционной средой. Каковы бы ни были

результаты этих моих действий, я, конечно, являюсь ответственным за те страдания и неприятности, которые причинил некоторым лицам, распорядившись их судьбой (хотя бы и в интересах революционного дела) без их ведома. Эту свою вину я осознал и публично признал».

Добавим только, что в Москве с 1925 по 1932 год были напечатаны и его многотомные мемуары «Охрана и революция», где он продолжал настаивать на приведенной выше версии.

Как бы то ни было, но в апреле 1902 года представленные Меньщиковым данные были использованы как агентурные, но отнюдь не как исторические. Одновременно в Ярославле, Костроме и Владимире 23 апреля были проведены обыски и аресты людей, упомянутых в сообщениях Меньщикова.

Руководил всей операцией коллега Зубатова и Меньщикова — ротмистр Московского губернского жандармского управления Герарди. Остановился он в Ярославле, послав в другие города своих помощников. Одновременно было арестовано 33 человека.

В ночь на 23 апреля арестовали и Варенцову. Обнаружили старый, не действовавший заграничный адрес, по которому посылалась корреспонденция в «Искру».

Жандармы — и особенно после донесения Меньщикова — считали Варенцову в «Союзе» «персоной первого градуса». Когда в Костроме при обыске квартиры Заварина обнаружили письмо на имя «Марии Ивановны», то это послужило основанием для поездки самого Герарди.

И Герарди оказался прав: связь с Варенцовой свидетельствовала о том, что Заварин играет не последнюю скрипку в преступном оркестре.

Ротмистр приказал провести повторный обыск и во дворе дома нашел зарытый в землю типографский шрифт.

Во Владимире, на квартире Дубровского, было найдено сто шестьдесят шесть экземпляров «Искры».

Вскоре по делу «Союза» было привлечено к дознанию более пятидесяти человек, вопреки позднейшему утверждению Меньщикова. Арестованных увезли в Москву и посадили в тюрьму.

* * *

Злонамеренность жандармов сказалась даже в том, что следствие началось 1 мая.

На первом же допросе Герарди предложил Багаеву свободу в обмен на «чистосердечное признание», что означало приглашение стать провокатором.

Багаев, вспыхнув, заявил, что Герарди учиняет провокацию, следствие ведет с применением противозаконных приемов, потому далее он ни о чем говорить с ним не станет и, более того, потребует, чтобы ротмистра от следствия устранили.

Ситуация позабавила жандарма. Он стоял плотный, в отлично сшитом мундире, надушенный.

— Как, сударь, вы меня устраните? Интересно, каким это образом?

— Увидите,— сказал Багаев и, возвратившись в камеру, объявил голодовку.

К нему присоединились политические заключенные.

* * *

— Начинать следствие со скандала! — горячился Зубатов, не отводя глаз от стоявшего на ковре Герарди.— Не думал, что вы так,— он помолчал, подбирая нужное слово,— так непрофессиональны, ротмистр.

— Разрешите идти, господин полковник? — холодно спросил Герарди.

— Не задерживаю вас, ротмистр. Извольте ведение дела передать подполковнику Бабчинскому...

Разумеется, перемена следователя почти ничего не означала. И все же...

В июле освободили тех подследственных, кто представил справки о неблагополучном состоянии здоровья. Разумеется, под денежный залог до момента окончания следствия и с подпиской о невыезде. В октябре — почти всех остальных. В тюрьме оставили только самых «злостных» — Варенцову, Панина, Багаева и Гурвича-Дана, он же Бронер, агент «Искры», познакомившийся с Меньщиковым на конспиративной квартире в Ярославле.

Это не означало, что выпущенные из тюрем отбыли срок заключения или признаны невиновными. Нет. Их отпустили временно — до вынесения приговора. Зачем кормить за казенный счет? Пусть работают и ждут своего часа. Когда следствие совершенно закончится, их заберут снова и по объявлении приговора дадут «всем сестрам по серьгам».

Завершая следствие, подполковник Бабчинский в обвинительном заключении счел необходимым отметить следующее:

«Личный состав «Союза» обращает на себя внимание тем, что большинство установленных дознанием его членов принадлежит к привилегированным сословиям, и в числе их всего 8 крестьян. Затем, более половины участников получили высшее образование и многие из них служили в земских учреждениях. Наконец, за исключением 4, все 47 обвиняемых находятся в зрелом возрасте.

Деятельность «Союза» конспирирована весьма тщательно, при дознании же почти все обвиняемые от всяких объяснений по делу отказались».

В конце апреля минул год, как Варенцова и ее товарищи сидели в тюрьме. Следствие давно закончилось, но суда не было, не было и приговора. Укоренилась порочная практика, когда по суду проходило едва ли два-три процента обвиняемых в политических преступле-

ниях. Боясь гласности, большинство «политических» отправляли в ссылку без суда. Требовалось лишь постановление Особого совещания, которое впоследствии механически утверждалось министром внутренних дел.

12 июня 1903 года такое постановление состоялось по делу «Северного союза». Варенцовой надлежало следовать в Астрахань, где и находиться в течение трех лет на положении политической ссыльной.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В Астрахань Варенцова ехала по проходному свидетельству, полученному в полиции. Сначала поездом она добралась до Самары, откуда ей предстояло плыть к месту своего назначения пароходом.

В Самаре Ольга Афанасьевна сделала остановку и отправилась по старому адресу — улица Почтовая, дом Васильева, квартира 98; туда, где была пятнадцать лет назад, когда поднадзорной уезжала из Иванова в Хвалынск. Лето выдалось ветреным и жарким. Тучи мелкого песка висели над городом, окутывая дома, деревья легкой дымкой. Казалось, солнце выжгло землю, и только ветер, закручивая песчаные бури, разгуливал по прямым улицам города.

В Самаре Варенцовой посоветовали познакомиться с высланной из Казани фельдшерицей Струниной, а она, заверили друзья, знает многих нужных людей...

...Елена Демьяновна Струнина только в рабочие часы занималась медицинской практикой. Все остальное время поглощали совсем другие дела — она была секретарем подпольного транспортно-технического бюро Самарского комитета РСДРП. На долю работников бюро выпала самая опасная, беспокойная и трудоемкая работа. Они встречали и отправляли транспорты с литературой,

занимались оборудованием типографий, доставали паспорта, организовывали нелегальные квартиры и потайные склады.

Струнина встретила Варенцову настороженно. Ольга Афанасьевна, почувствовав понятное в этом случае недоверие, ни о чем не расспрашивала, а, напротив, предоставила Елене Демьяновне возможность выяснять все, что та захотела бы. Положение осложнялось тем обстоятельством, что пароля, который бы открывал ей возможность войти в организацию, раздобыть не удалось.

Струнина предложила тему, которая, не затрагивая никого персонально, позволила бы выяснить, с кем она имеет дело. Подумав, спросила, как доставала Варенцова в своей организации паспорта для нелегалов.

— Прежде всего,— ответила Варенцова, испытывая давно забытое чувство волнения, сродни тому, что охватывало на экзаменах,— просила кого-нибудь, кто не значился в полиции в списках неблагонадежных и поднадзорных, потерять паспорт.

— Потом потерявший паспорт,— заулыбавшись, подхватила Струнина,— платил в «Губернские ведомости» за объявление об утрате документа три рубля и одну копейку и получал новый паспорт... А по старому жил нелегал... Паспорт был из числа железных, на случай проверки полицией.

Варенцова добавила:

— Ну еще, прости господи за прегрешения наши, получали из больниц паспорта умерших.

Теперь кивнула Струнина: знаем, мол, и это.

Варенцова продолжала отвечать:

— И еще... Мы доставали полицейские протоколы на безбилетных «зайцев» — в участках к этим бумагам халатно относятся — какие-де могут быть секреты? — и из этих протоколов списывали данные на чистые паспортные бланки.

О, как интересно,— проговорила Струнина оживленно, и глаза ее подобрели,— этого мы не проделывали. Ну, вижу, какого вы поля ягода... К сожалению, адресом в Астрахани помочь не могу. Не обессудьте, Ольга Афанасьевна, но нет у меня в Астрахани знакомых.

И, странное дело, Варенцовой бы обидеться на Струнину · ан нет. «Умница какая — знает дело, побольше бы таких». И, по-дружески ей улыбнувшись, на прощание крепко пожала руку.

* * *

В Астрахань Варенцова приехала в июле. Натруженно гудел пароход, валом валили по сходням пассажиры. Собирая немудреные пожитки, Ольга Афанасьевна вдруг почувствовала — заболела: ломило суставы и мышцы, раскалывалась голова, все тело горело, как в лихорадке.

Добрые люди довели Ольгу Афанасьевну до больницы, и старичок доктор, быстро ее осмотрев, поставил диагноз: малярия. Свободных мест в больнице не оказалось, и Варенцову взяла к себе на дом сердечная женщина, фельдшерица Маргарита Осиповна. Перевезла больную на извозчике домой, постелила чистое белье, взбила подушки и так трогательно отнеслась к ней, что у Ольги Афанасьевны екнуло сердце — неспроста все это... Страшно, коли благостная да жалостливая Маргарита Осиповна — шпик...

Но, наблюдая за своей благодетельницей, слушая ее приглядываясь к заходившим в квартиру людям, вскоре поняла: ей здорово повезло — Маргарита Осиповна была партийным человеком.

Когда, убедившись в этом, Варенцова завела с Маргаритой Осиповной доверительный разговор, та улыбнулась и сказала:

— Везенье-то везеньем, да ведь я, Ольга Афанасьевна, не всякого больного в дом беру. Вы ко мне присматривались, а я — к вам. То, что имею дело с поли-

тической ссыльной, с самого начала было ясно... Да и проходное свидетельство доктор увидел в ваших бумагах. Везенье в главном: и вы и я являемся революционерами «искровского» толка.

Выздоровев, Ольга Афанасьевна вышла за порог гостеприимной квартирки и двинулась по волжскому городу — пыльному, сухому и жаркому.

Варенцова решила сначала покончить со всеми формальностями и отправилась в полицию — вставать на учет. Все формальности удалось закончить быстро, и к обеду она зашла в больницу.

Маргарита Осиповна, дежурившая всю ночь, обрадовалась ей. Они пошли по Астрахани вместе.

— Знаете, Ольга Афанасьевна, здесь жить вам будет нелегко. Малярия не отвяжется. Будет отступать на время, и то ненадолго,— говорила Маргарита Осиповна озабоченно.— Нужно вам климат менять...

— Будет невмоготу — попрошу полицию перевести в другое место. Благо велика Россия, а Сибирь еще больше. Мест для ссылки для всего мира хватит. Да что об этом говорить! Лучше о партийных делах расскажите: что здесь у вас, чем люди занимаются?

Женщины шли по широкой улице с аллеей тополей посередине и мудреным названием Эспланадная.

— Вот здесь, Ольга Афанасьевна, в конце позапрошлого года и начались наши партийные дела,— проговорила Маргарита Осиповна и указала Варенцовой на небольшой домик.— Здесь собрались мы впервые все вместе и создали Астраханскую организацию РСДРП.

— Нынче кто у вас секретарь? — спросила Ольга Афанасьевна, не опасаясь того, что подруга отмолчится или отговорится неведением.

— Анна Михайловна Рунина,— ответила Маргарита Осиповна и предложила:

— Хотите, я вас познакомлю?

* * *

Рунина, невысокая молодая женщина, показалась Ольге Афанасьевне усталой, болезненной.

— Секретарем я работаю совсем недавно,— призналась Рунина.— До меня организацию возглавлял товарищ Иннокентий, вот это был руководитель!

— Иосиф Федорович? — обрадовалась Варенцова.

— Он самый,— ответила Рунина.— Вы знали его?

— Знала по Москве. Встречались, правда, всего дватри раза.

— От нас товарищ Иннокентий уехал. Куда — не могу точно сказать, но, кажется, в Самару.

«Да,— с сожалением подумала Варенцова,— с Иосифом Федоровичем наверняка дела бы шли получше» И вздохнула. Рунина почему-то не очень ей понравилась.

— Как обстоят в Астрахани партийные дела?

— Организации есть практически на всех предприятиях: в судоремонтных мастерских у братьев Нобель, в пароходном обществе «Надежда», в бондарных мастерских... Имеем типографию, печатаем листовки, маевки празднуем. А главное, Ольга Афанасьевна, пересылаем «Искру» по матушке-Волге.

«Зря я о ней плохо подумала,— смутилась Варенцова,— работает не хуже других. Может быть, Рунина и на самом деле больна?»

И спросила участливо:

— Трудно, наверное, этакую прорву дел тянуть?

— Трудно,— по-детски простодушно призналась Рунина,— с одной «Искрой» столько забот — голова идет кругом

— Зато часто читаете,— улыбнулась Ольга Афанасьевна, и лицо ее словно помолодело.

— Все номера до единого имеем в организации,— с нескрываемой гордостью подтвердила Анна Михайловна и вышла в соседнюю комнату.

Вскоре она возвратилась, неся кипу газет, и торжественно положила их на стол перед Варенцовой. Ольга Афанасьевна нежно провела рукой по гладкой тонкой бумаге. Сердце ее учащенно билось. Только сейчас поняла, как долго не держала в руках «Искру», как много номеров пропустила.

Рунина поняла ее состояние и сказала с простотой и добросердечием:

— Читайте, читайте, я займусь делами. Часика через два вернусь, тогда и чаю попьем, и потолкуем поосновательней.

Накинула на голову кружевную шаль и ушла. Варенцова принялась номер за номером читать газету — с того самого злополучного апреля 1902 года. Последний номер был за нынешний июнь 1903-го. За июль номера, очевидно, еще не поступали.

История партии и история революционной борьбы России лежала перед нею. И это не просто свод фактов, перечень событий и дат, нет — это концепция истории на ее пути к победе социализма. И как же было радостно Ольге Афанасьевне, когда в разделах «Хроника революционной борьбы» и «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов» она встретила и собственное имя, и имена своих товарищей.

1 июня 1902 года «Искра» в № 21 оповестила всех, что в Ярославле арестована домашняя учительница Ольга Варенцова. И еще раз — в № 23 от 1 августа; в № 29 от 1 декабря сообщила, где сидят арестованные по делу «Северного союза». И опять «учительница Ольга Варенцова» возглавляла список. В этом номере была опубликована статья Владимира Ильича «Новые события и старые вопросы» и прогремевшие на всю Россию речи на суде нижегородских рабочих. Твердость Заломова произвела на нее огромное впечатление.

И наконец, в № 30 от 15 декабря Варенцова увидела

большую корреспонденцию, целиком посвященную событиям в Ярославле. Отыскала она в конце подборки «Открытое письмо «Северного союза». 15 февраля 1903 года в № 34 «Северный союз» заявил о полной солидарности с принципиальной и тактической частью программы «Искры», «Зари», с книгой «Что делать?» и признал «Искру» и «Зарю» руководящими органами РСДРП.

«Не зря живем, не зря боремся»,— подумала Варенцова. Перевернув последнюю страницу последнего номера «Искры», ласково и бережно погладила ее.

* * *

Осенью Варенцова поехала в Самару. Среди социал-демократов только и разговоров было, что о недавно закончившемся в Лондоне Втором съезде РСДРП. И во всех спорах — главный вопрос: кто прав? Ленин или Мартов? «Большинство» или «меньшинство»?

В партийной организации одним из первых по авторитету был давно ей знакомый «товарищ Иннокентий» — Иосиф Федорович Дубровинский. Он сразу занял вполне определенную позицию — за Ленина, за «большинство».

Для Варенцовой и вопроса такого не существовало — всей жизнью была подготовлена, чтобы без малейшей тени сомнений встать на ту же сторону, где были Бауман, Плеханов, Стопани, которые, как удалось узнать, на съезде поддержали Ленина.

Делегат «Северного рабочего союза» Александр Митрофанович Стопани тоже был в числе «большинства». Значит, «искровская» закваска продолжала бурлить в «Союзе». И это ее радовало больше, чем что-либо другое. Ей было приятно услышать, что Александр Митрофанович при обсуждении роли и места районных организаций партии доложил съезду о возникновении и деятельности «Северного рабочего союза», создание которого,

как он сказал, было вызвано самой жизнью. Стопани сказал далее, что первоначальными инициаторами централизации в Иванове и соседних с ним районах явились местные революционеры, хорошо знакомые с условиями местной работы. Однако, создав «Союз», они не побоялись изменять его структуру, если того требовала жизнь И потому, заявил далее Александр Митрофанович, нежелательно все районные организации строить однотипно. И, проявив себя истинным диалектиком, в новых условиях он выступил против соединения партийных комитетов в союзы, допустив в некоторых случаях их существование: во-первых, в случае слабого функционирования ЦК и, во-вторых, в случае невозможности без такого объединения правильно организовать работу.

Возвратившись в Астрахань, Варенцова на основании информации, полученной в Самаре, споров и раздумий о последних событиях подготовила доклад о съезде партии. Доклад решила прочитать в виде реферата на расширенном партийном собрании социал-демократов Астрахани.

* * *

Мочаловская гостиница в Приволжском затоне славилась недорогой, но обильной и вкусной рыбной кухней. К тому же гостиница слыла тихой и добропорядочной.

Купцы и офицеры гуляли в центре города — у Губернаторского сада, на Стрелке неподалеку от Биржи Здесь же собирались добропорядочные семейные люди — врачи, банковские служащие, конторщики, учителя — граждане почтенные, чтущие закон и власти. К тому же у гостиницы, как правило, и городовой не ходил, а чтоб внутрь войти — такого никто не мог и припомнить

В самом начале осени, когда утренние заморозки едва позолотили листву лип, к украшенной китайскими фо-

нариками Мочаловской гостинице подъехали в изящной лакированной коляске жених и невеста. За коляской следовал большой, но нешумный свадебный поезд — пролеток на двадцать.

Невеста — явно не из богатых. В скромной фате и с букетом белых роз в руках. Милая, приветливая. Одно удивляло: особ женского пола в этой свадебной компании совсем немного...

Шампанского заказали мало, вин и водки не заказывали совсем. После того как официанты обнесли гостей холодными закусками, жених от дальнейших их услуг отказался, велел затворить двери и никого более в зал не пускать.

И когда кто-либо из официантов случайно заглядывал в зал, удивлялся тому, сколь скучной была свадьба. Сначала долго о чем-то говорила женщина лет сорока — видно, мать невесты,— потом вставали гости, один за другим, и все говорили явно невеселые тосты. Во всяком случае, смеялись редко, но было, что и смеялись.

Тем не менее свадьба закончилась, как и обычно, около полуночи. Гости разошлись пешком, и пьяных среди них не наблюдалось...

* * *

На этом собрании Ольга Афанасьевна прочитала реферат о прошедшем съезде РСДРП. Реферат проявил широту кругозора, отточенность марксистских формулировок, убежденность в правоте «большинства». На «свадьбе» Ольгу Афанасьевну Варенцову избрали секретарем Астраханского комитета РСДРП.

* * *

— Одна из самых важных задач нашей партийной организации,— говорила Варенцова на первом же засе-

дании партийного комитета,— всемерное содействие тому, чтобы «Искра» беспрепятственно проходила через Астрахань. Но, друзья мои, к сожалению, дела в этом отношении обстоят далеко не блестяще.

Вы знаете, что «Искра» попадает в Россию разными путями. Оставим в покое те, которые не проходят через Астрахань. Поговорим о путях, за которые партийную ответственность несем мы, здесь собравшиеся.

Мы получили «Искру» с севера — из Самары и с юга — из Баку. Как она попадает в Самару и Баку, будет известно еще нескоро. И может быть, об этом напишут романы. Сегодня же нужно делать ежедневную черновую работу, и делать хорошо. На днях приходит транспорт из Самары, а у нас — ни одной надежной квартиры для хранения. Правда, и самарские товарищи тоже хороши. Спрашиваю: «Почему заранее не предупредили?» Связной оправдывается: «Получили из Баку сразу две накладных на кавказские чувяки. По одной груз надо получать в Саратове, по другой — в Астрахани. Вот и помчались сломя голову».

Пришлось все бросить и помогать товарищу искать получателя: накладные были выписаны на чужие фамилии. Нашла. В тот же день с помощью Маэстро — самарского товарища, к счастью оказавшегося в Астрахани, отправила груз в Томск.

— Это «Минералогические коллекции?» — спросил один из присутствующих.

— Почему так думаете? — удивилась Варенцова.

— Я на железной дороге работаю. Самые тяжелые ящики, почти бесплатные по тарифу, идут под такой маркировкой.

— Да, вам бы в полиции цены не было,— засмеялась Варенцова и, чтобы не обидеть товарища подобной шуткой, добавила: — Могли бы выступать в цирке ясновидцем. А, в общем-то, угадали правильно.

* * *

Больше года пробыла Варенцова в Астрахани. Астраханская организация РСДРП выросла и по всем вопросам твердо занимала большевистскую позицию.

Однако в жизни Ольги Афанасьевны произошли перемены, и, к сожалению, печальные. Вновь приходилось покидать насиженное место. И самое обидное, по собственному желанию: к Ольге Афанасьевне возвратилась малярия и на этот раз не отпускала ни на неделю. Приступ сменялся приступом, больная сильно ослабела, и местный врач порекомендовал просить начальство о перемене места ссылки.

Маргарита Осиповна помогла и здесь. Врачебное заключение было категорическим: ссыльная Варенцова нуждается в перемене климата. Высшие полицейские власти нехотя согласились с прошением, предписали отправляться в Вологду.

Поздней осенью 1904 года Ольга Афанасьевна выехала на север. Так и осталась в памяти пристань с редкими провожающими и Маргарита Осиповна с заплаканным лицом.

* * *

Сильно переменилась за последний год Россия. Добрая треть железнодорожного парка работала на войну, обеспечивала миллионную армию, сосредоточенную на Дальнем Востоке, за десять тысяч километров от центра России, и требующую сотни тысяч тонн грузов: боеприпасов, оружия, снаряжения, продовольствия, медикаментов — всего, что каждодневно в колоссальных, доселе невиданных количествах пожирал ненасытный молох русско-японской войны.

В набитом до отказа вагоне, где ехала Варенцова, говорили только о войне. И не было никого, кто повто-

рял бы бредни «ура-патриотов», которые заполонили официозные правительственные и правые газеты. Не было никого, кто верил бы, что «Маньчжурия — наша земля» и к тому же «крайне нам необходимая», о чем неустанно твердили газетчики, купленные за недорогую плату и оптом и в розницу «безобразовской кликой». Клика, хотя и носила имя статс-секретаря Безобразова, на самом деле возглавлялась дядей царя — великим князем Александром Михайловичем.

На смену Безобразову пришли другие «герои» — генералы Стессель и Фок, Куропаткин и Смирнов, проигравшие одно за другим сражения и оставлявшие позиции в Маньчжурии и под Порт-Артуром. Война оборачивалась не богатыми трофеями, не захваченными территориями, не триумфальными арками и громом военных оркестров, а тысячами убитых, санитарными поездами, сотнями слепых и безруких калек, побиравшихся по вагонам, оборачивалась потопленными кораблями и плачем вдов и сирот. И по вагону, где ехала Варенцова, проходили увечные воины, ехали здесь изнуренные работой бабы, чьих мужиков угнали в Маньчжурию за тридевять земель, а собственная земля перестала рожать, и надо было ехать в города на фабрики, где, говорят, можно было устроиться на работу — из-за того, что и рабочих тоже угнали на войну.

И так было и в Москве, куда Ольга Афанасьевна заехала совсем ненадолго, и в Иванове, где ей удалось пожить несколько дней...

* * *

Отец стал совсем старым, мать часто болела. В доме поселились печаль и тишина. Ольга, ложась спать в девичьей своей светелке, вспомнила о многом, что случалось с нею в родительском доме.

Утром после завтрака она пошла в город. Ветер шевелил редкие уцелевшие листья, на верхушках тополей сидели неряшливые, с растопыренными перьями вороны и натруженно кричали. Дома казались серыми. И на душе было тоскливо и сумрачно.

Первым делом Варенцова зашла к Иовлевым. Увидев ее, Екатерина Васильевна заплакала.

— Что, трудно узнать меня? — с грустью спросила Варенцова.— Так постарела? Да не плачь ты, Баба Мокра! Кстати, партийную кличку свою сохранила?

И Екатерина Васильевна, сдерживая слезы и вытирая глаза рукавом кофты, чистосердечно призналась:

— Да, постарела ты, Оленька. Вот и плачу. Прошел твой бабий век. Кличку-то сохранила...— И решила переменить разговор: — Сколько тебе?

— Два года, как прошел мой бабий век,— ответила Варенцова жестко.— Да только из-за этого я никогда не плакала и не буду.

— Железная ты какая-то,— виновато и смущенно пробормотала Иовлева, понимая, что коснулась запретного и больного.— Тебя охранка уничтожает, а ты возрождаешься вновь, как птица Феникс.

— Не буду,— настойчиво повторила Варенцова,— есть тысячи причин более серьезных, из-за которых действительно можно плакать, да слез нет — выплаканы по тюрьмам и по ссылкам.

Чего только не произошло в Иваново-Вознесенске за эти два с половиной года! По дороге в ссылку умерла Володина. Жизнь разбросала старых бойцов: кто в Сибири, кто в северных краях Европейской России — поближе к Ледовитому океану, кто в заграничном изгнании. Вспомнили Панина и Багаева, пошедших в ссылку, погоревали, конечно. Екатерина Васильевна рассказывала:

— Из «стариков» на первом месте у нас Федор Афа-

насьевич — Отец. В начале этого года снова поселился здесь. Нелегально, конечно.

— Повезло нам,— обрадовалась Варенцова.— Федор Афанасьевич — организатор опытнейший и в прошлом рабочий, с которым любой ткач сразу же станет держаться как с родным, и настоящий интеллигент, что особенно ценят в своих собратьях по классу передовые потомственные пролетарии.

— Душевный он,— добавила Екатерина Васильевна,— а люди это особенно любят. И очень уж в правоте своей убежденный. А люди и это понимают и ценят, пожалуй, не меньше, чем душевность. И потому тянутся к нему товарищи, особенно молодежь.

— А молодых в организации много? - спросила Варенцова.

— Есть и молодые. О Киселеве ты и сама знаешь... В последнее время радуют меня Николай Подвойский — студент из Демидовского лицея и Постышев Павлик, совсем мальчик. В этом году в партию вступил и заявил себя серьезным партийцем.

— Петра Постышева сын? — спросила Варенцова. И, получив в ответ утвердительный кивок Бабы Мокры, добавила: — Неудивительно, что серьезный. Жизнь его повзрослеть рано заставила.— И, немного помолчав, сказала: — Знаешь, Катя, один человек не может быть птицей Феникс, а сообщество единомышленников, передающих выбранное ими великое дело друг другу, может. И, наверное, птица Феникс — это наша партия: вечно горит в революционном огне, и возрождается, и снова вспыхивает, и снова горит. И не будет этому конца...

* * *

Из Иванова она уехала к месту ссылки в Вологду. 10 января 1905 года, в понедельник, в предрассвет-

ных сумерках, когда Ольга Афанасьевна собиралась вставать, пришел товарищ по ссылке — Вячеслав Рудольфович Менжинский, секретарь Вологодской партийной организации. То, что он, человек интеллигентный и деликатный, заявился в столь неурочный час, удивило. Менжинский, не поздоровавшись и не сняв шапки, вошел в комнату. Варенцова испугалась.

— Что случилось, Вячеслав Рудольфович? — спросила она в недоумении, натягивая вязаный жакет.

Менжинский молчал, тяжело привалившись к двери, и, присмотревшись, Варенцова поняла — произошло несчастье. Сердце тревожно забилось, непривычная слабость разлилась по телу.

— Что случилось, Вячеслав Рудольфович? — почти крикнула Варенцова.

И он, очнувшись, выдохнул:

— Извините меня! — И, стянув с головы шапку, вышел в прихожую.

Ольга Афанасьевна быстро привела себя в порядок, накрыла постель клетчатым пледом, неизменно сопровождавшим ее по ссылкам и тюрьмам, и распахнула дверь, приглашая нежданного гостя пройти в комнату.

Менжинский сидел в прихожей на табурете возле вешалки, в пальто, в шарфе, сцепив пальцы рук и положив локти на колени. Голова его была опущена, и длинные черные волосы падали, закрывая лицо.

— Источники абсолютно надежные,— проговорил Менжинский глухо, повернув голову в ее сторону,— в Петербурге расстреляли мирную демонстрацию.

— Что? — не поняла Варенцова.— Как такое может статься? Господь с вами, Вячеслав Рудольфович!

— Я и сам не могу до конца осознать этого и поверить в случившееся, но, повторяю, источник совершенно надежный.

Он поднялся с табурета и стоял, опустив руки.

— По приказу царя казаки и солдаты встретили огнем демонстрантов, шедших к Зимнему дворцу с мирной петицией. События невероятные: на Невском — столкновения с войсками, в рабочих районах — баррикады.

— Значит, революция?

— Да, кажется, началось.

Вологда — «Подмосковная Сибирь», переполненная политическими ссыльными, закипела. «Долой царя-убийцу!» — призывала первая же листовка, выпущенная вскоре после Кровавого воскресенья.

Всколыхнулся дотоле относительно тихий рабочий класс Вологды. Забастовали ремонтники из железнодорожных мастерских, мебельщики, металлисты. Служащие, врачи, учителя, приказчики, гимназисты вышли на демонстрацию. Их поддержали солдаты. Кадровые в конце прошлого года отправились на русско-японскую войну. Город заполнили запасные полки, не привыкшие к дисциплине. Полуштатскому состоянию полков способствовало и то обстоятельство, что казарм не хватало и более двух тысяч домовладельцев из патриотических чувств разместили запасных у себя по квартирам. Какая уж тут дисциплина...

За семейными самоварами на кухнях чего только не слушали запасные! Да и ход событий в стране способствовал тому, что люди, раньше не признававшие политики, к ней потянулись. Захотели понять, что происходит в стране и кто во всем случившемся виноват.

Спящие проснулись, слепые стали прозревать. Этот процесс происходил и в общественной жизни Вологды. Многие события стали восприниматься как долгожданные перемены к лучшему, как отступление реакции и приближение новых, либеральных времен. Даже приезд в Вологду весной 1905 года вернувшегося из эмиграции либерального профессора Павла Николаевича Милюкова был воспринят жителями как явление революционное.

Доклад Милюкова имел у беспартийной вологодской интеллигенции необычайный успех. Это объяснялось не только его обширными знаниями и ораторским мастерством. Милюков — внешне невзрачный, большеносый, с маленьким подбородком и низким лбом — был любимцем прекраснодушных говорунов. Молодым магистром, доцентом исторического факультета Московского университета, оставил кафедру и за участие в студенческом движении был уволен из университета. Ожесточившись против гонителей, он уехал из России и стал читать лекции по русской истории то в Европе, то в Америке, не оставляя и публицистической деятельности.

Доклад Милюкова, посвященный войне с Японией, был оценен высоко, чему способствовало и то обстоятельство, что профессор недавно возвратился из-за границы, был начинен сведениями из европейских газет и журналов и умело связывал внешнеполитические проблемы с положением внутри страны.

Завершая доклад, профессор сделал вывод, что для продолжения войны правительство вынуждено будет мобилизовать все силы страны, понадобится строгий порядок в армии, в производстве, в снабжении. И это, возможно, вызовет со стороны самодержавия волну репрессий, на которые следует отвечать спокойствием, достоинством и организованностью. Это заявление вызвало в зале аплодисменты. Павел Николаевич, покраснев от удовольствия, поднял руку, призывая зал к спокойствию.

— Господа,— проговорил Милюков хорошо поставленным профессорским голосом.— Смысл моей поездки по России состоит не только в том, чтобы читать доклады. Я объезжаю Россию для того, чтобы создать новую политическую партию. Мы провозглашаем своею целью замену самодержавия конституционной монархией, установление всеобщего избирательного права, защиту интересов народных масс, признание права на политические

свободы народностей, проживающих на территории Российской империи, считаем необходимым сплотить интеллигенцию. Прежде всего в профессиональных союзах.

Аудитория вновь разразилась аплодисментами. И Милюков снова поднял руку, призывая к спокойствию.

— Именно для этого,— сказал Павел Николаевич,— я и объезжаю Россию. Профессиональные союзы интеллигентов — врачей, учителей, инженеров, адвокатов,— объединившись, могут серьезно противостоять как самодержавию, так и революционной анархии. Интеллигенция — душа и мозг народа — укажет России выход из тупика, не отвечая на насилие насилием.

Милюков сделал паузу, ожидая аплодисментов. Но аплодисменты не раздались. И вдруг из зала кто-то выкрикнул оглушительно:

— Стыдитесь, профессор! На картечь и виселицы отвечать непротивлением злу? Вы создаете не политическую партию, а сообщество вегетарианцев в империи людоедов! Что, кроме вреда, принесет ваша партия? Ничего!

В зале зааплодировали, засвистели, закричали.

Милюков смешался — он не мог взять в толк, кому аплодируют: ему или безвестному крикуну? Кого освистывают? Что кричат?

Укоризненно покачав головой, он собрал листки и сошел с кафедры.

* * *

Эпизод, случившийся на докладе Милюкова, как нельзя лучше иллюстрировал две тенденции в русском общественном движении. Либералы трусливо прятали голову под крыло, большевики призывали к революционной борьбе.

Программу борьбы выработал Третий съезд РСДРП, собравшийся в Лондоне в апреле 1905 года.

Большевики стояли за то, чтобы рабочие в союзе с крестьянами, без участия либералов, повели дело к подготовке вооруженного восстания для свержения царизма и установления революционно-демократической диктатуры. Большевики не считали либералов союзниками, и это вызвало яростные споры на съезде.

Владимиру Ильичу Ленину, руководившему работой съезда, за две недели заседаний пришлось выступать с обоснованием позиции, с разъяснениями и уточнениями сто сорок раз.

Делегаты съезда обязали Центральный Комитет разъяснить стратегию и тактику партии рядовым членам в условиях необычных, резко и быстро меняющихся.

Путанице и неразберихе немало способствовало и то, что с конца 1903 года «Искра» стала выходить без участия Владимира Ильича, оставившего редакцию из-за принципиального несогласия с той позицией, которую заняли в редакции Плеханов и его сторонники — меньшевики.

Ленин начал борьбу с редакторами-меньшевиками, превратившими «Искру» в рупор российского оппортунизма.

Продолжая эту линию, съезд дезавуировал меньшевистскую «Искру» и объявил ее газетой, лишенной права именоваться органом Центрального Комитета РСДРП. Съезд наделил такими полномочиями новый центральный орган — газету «Пролетарий». Ее редактором стал Ленин, в редколлегию вошли испытанные его соратники — Воровский, Ольминский и Луначарский.

Однако ограничиться изданием одной газеты, выходившей в Женеве, а не в России, было нельзя. Следовало наладить выпуск новых газет в Москве, Петербурге и других пролетарских центрах.

Для реализации решений съезда делегаты-большевики, принимавшие в нем участие, вернувшись в Рос-

сию, приступили к организации территориальных конференций.

На севере России такая конференция собралась в конце июня в близкой от Вологды Костроме.

* * *

Варенцова, делегированная на конференцию, встретила здесь многих своих товарищей по Иванову, Ярославлю, Костроме.

Конференция была скорой — время не терпело долгих словопрений, революция звала на заводы и баррикады.

Для оперативного руководства были созданы три самостоятельных партийных центра — в Ярославле, Костроме и Иваново-Вознесенске.

Повсюду следовало начинать подготовку боевых дружин. Вопрос о всеобщем вооруженном восстании встал на повестку дня.

Варенцова возвратилась в Вологду.

Вологодская подпольная типография, созданная по ее инициативе, засыпала городские фабрики и заводы сотнями листовок: «К оружию, граждане! К оружию, рабочие и крестьяне! Устраивайте тайные сходки, составляйте дружины, запасайтесь каким только можете оружием. Долой царское правительство!»

В лесах вокруг Вологды рабочие дружины готовились к вооруженному восстанию. Они учились стрелять из револьверов и маузеров, создавали тайные склады оружия. И верили — восстание не за горами.

* * *

Вологодский губернатор Рогович, читая доставленные ему листовки, выслушивая доклады жандармских и полицейских чинов о подготовке боевых дружин, о смутах

на заводах, о повсеместном брожении умов, требовал решительной борьбы с крамолой. Временами он впадал в отчаяние, понимая, что крамола — везде. «Настанет час, и полетят головы,— расхаживая по кабинету, раздумывал он. Рогович был из семинаристов, и рассуждения его не лишены были торжественности,— и запылают дворцы и особняки, и брат восстанет на брата, и сын пойдет на отца, и страшные пророчества Апокалипсиса станут реальностью».

Все лето 1905 года, столь страшно начавшегося, Роговича не покидало чувство неотвратимости беды.

Утром 27 августа 1905 года вологодский полицмейстер вошел к нему на доклад не столь хмурый, как обычно.

Рогович почувствовал: случилось что-то хорошее.

— Ваше высокопревосходительство,— проговорил полицмейстер со сдержанной радостью,— прошедшей ночью во время обыска у ссыльной Варенцовой изъято семьдесят девять нелегальных изданий и множество листовок, трактующих как дела общеполитические, так и местные, вологодские.

«Так вот кто, оказывается, «трактовал» местные дела, и мои в том числе,— с раздражением подумал губернатор.— Значит, Варенцова. Варенцова... Ловко укрывалась, шельма».

— И давно эта особа проживает в Вологде? — поинтересовался Рогович.

— С ноября прошлого года,— ответил полицмейстер он хорошо знал своих подопечных.

— А с кем связана?

— Со многими, ваше высокопревосходительство, но более прочих со ссыльными поселенцами Николаем Брюхановым и Исаком Лалаянцем.

— Что за люди эти Брюханов и Лалаянц? Почему именно с ними Варенцова поддерживала отношения?

— Типичные революционеры. Оба решительные сторонники Ульянова-Ленина. Брюханов родом из Симбирска, откуда и Ульянов. Биография его характерна для людей подобного толка: учился в Московском университете, с первого курса бунтовал, был исключен. Переехал в Казань, бесчинствовал и там. Входил в местный социал-демократический комитет. Арестован и выслан к нам. Здесь, по имеющимся данным, входит в местный комитет социал-демократов. Кстати, вместе с Варенцовой.

Исак Лалаянц с юных лет дружен с Ульяновым. С восемнадцати лет начал организацию марксистских кружков в Казани. Посещал кружок известного пропагандиста, одного из первых нелегалов — Николая Федосеева, с которым был связан и Ульянов. Впоследствии дороги Лалаянца и Ульянова-Ленина пересеклись совершенно: в 93-м году Лалаянц, находясь в Самаре, вошел в кружок Ульянова, где и завершилось его образование. И с тех пор Лалаянц — один из самых активных профессионалов. Выполняет разнообразные поручения, а в промежутках — иногда довольно длительных — учиняет побеги из тюрем. Да, да... Учиняет побеги, чтобы вновь заниматься преступными деяниями.

— Полковник, как удалось изловить столь опытных подпольщиков? Полагаю, что и Варенцова — того же поля ягода и, как бы выразиться поточнее, персона высокого партийного ранга?

— По смыслу, который вы вкладываете в сказанное, Варенцова — заядлая социал-демократка, как и ее друзья Брюханов и Лалаянц. Однако смею заметить, что у эсдеков в партии нет рангов. Они все равны между собою, и оттого обращение, принятое в партии, одно: товарищ.

Роговичу последняя сентенция пришлась не по вкусу, и потому губернатор проговорил раздраженно:

– Я, разумеется, осведомлен об этом... и все же расскажите: как вашим людям удалось напасть на след конспираторов? Доложите, при каких обстоятельствах все это удалось обнаружить.

Полицмейстер воодушевился.

— Ваше высокопревосходительство, по агентурным данным узнали, что у Варенцовой на дому состоится совещание... Вот и нагрянули ближе к полуночи. Гостей — полон дом. Закуски. Даже вино. Прием, конечно, старый. «Что, спрашиваю, за собрание?» Хозяйка тут же отвечает: именины. Предъявляю ордер на обыск, и она говорит мне: «Я не против обыска... к тому же и документ заготовлен, но скажите, пожалуйста, при чем здесь мои гости?» Я пожал плечами и говорю: «Ваша правда, гости здесь ни при чем. Обыскивать мы их не станем».

— И что же, они встали и ушли? — спросил Рогович, потрясенный глупостью полковника.

— Встали и ушли,— эхом откликнулся полицмейстер.

— Ну-с, продолжайте ваш авантюрный сюжет,— позволил губернатор.

— Да я их всех как облупленных знаю, кто где живет и кто с кем водится. Никуда не денутся. Обыск произвели тщательный, двинулись по дому и взяли все, о чем имел честь доложить.

— А наша героиня? Она арестована?

— Пока нет, ваше высокопревосходительство. Оставил ее дома и приказал своим людям внимательно следить за каждым, кто появится. Если же сама выйдет из дому — непременно за нею следовать и замечать, по какому адресу обратится.

— Не провороните? — спросил Рогович с опаской.— Больно уж хороша птица — семьдесят девять изданий, листовки. Наверное, если потрясти как следует, то и типографию укажет.

— Не думаю...— теперь уже полковник подивился наивности губернатора.— Не думаю...

Губернатор, без интереса выслушав об иных происшествиях, разрешил полицмейстеру удалиться.

* * *

У парадной двери губернаторского дворца, не зная, куда девать глаза, стоял филер Федька Корытов — старший из тех, кого оставили следить за Варенцовой.

— Ну чего здесь торчишь? — спросил полицмейстер грозно.— Марш на место. Ишь, заявился в губернаторский дворец! Ты бы еще вместе со мной к его высокопревосходительству пожаловал.

Филер стоял, красный от возбуждения. Картуз, который он держал двумя руками, мелко подрагивал.

— Ваше благородие! Ушла Варенцова невесть куда. Нет ее в доме.

- Ну, скотина! — взревел полковник и совершенно непристойно выругался. Потом, стремительно бросившись в коляску, закричал: — Гони!

* * *

На следующее утро в Москве, на Ярославском вокзале, из вагона третьего класса прибывшего из Вологды пассажирского поезда вышла артель плотников. Вологжане издавна сделали плотницкую специальность отхожим промыслом. Никто не обратил внимания на вылезших из вагона парней и мужиков с топорами, пилами, мешками да ящиками с плотницким инструментом.

Попрощался с мужиками, отдав инструмент, один из них — маленький, щуплый, с подвязанной, видать от зубной боли, щекой, в войлочной шляпе с обвислыми краями, низко надвинутой на глаза...

Плотник подождал конку и вскоре оказался в одном из подъездов большого доходного дома на Арбате. На звонок дверь открыла женщина средних лет.

— Невзоровы здесь живут? — спросил плотник и снял шляпу.

Женщина ахнула:

— Ольга Афанасьевна, что за маскарад?! — И отступила в раскрытую дверь, пропуская Варенцову в квартиру...

* * *

В Москве Варенцова пробыла недолго. Московский комитет партии направил ее в Егорьевск. Ехала с опаской, знала, что полиция вела розыск... Ехала под видом монашенки в святые монастыри.

Варенцова пробыла в Егорьевске меньше двух месяцев. Сделала немало: выпустила несколько листовок, провела совещание в связи с подготовкой ко всеобщей политической стачке и созданием боевых дружин...

Во всех правительственных и проправительственных газетах появился пресловутый царский манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанный 17 октября. Чего только ни обещал государь-император, напуганный всеобщей политической стачкой! Обещал даровать народу незыблемые основы гражданской свободы — неприкосновенность личности, свободу совести, свободу слова, собраний и союзов и, наконец, признать за Государственной думой право принимать или отвергать законы.

Черносотенцы, сплотившиеся во всероссийской погромной организации «Союз русского народа», вышли на улицы и площади с портретами царя-батюшки, с иконами и хоругвями.

Но через несколько дней во многих городах Российской империи, там, где происходили «патриотические

манифестации», иконы и портреты отставлялись в сторону и в руках у «патриотов» появлялись ножи, кастеты и железные прутья.

Полиция, свято выполняя волю монаршего манифеста и твердо помня, что в империи существует свобода собраний, союзов и слова — манифест не ограничивал подданных и в выборе средств,— тихонечко отходила в сторону. «Патриоты», пьяные, орущие, становились хозяевами города. Громили, грабили, убивали.

24 октября погромы начались и в Егорьевске. Боевые дружины не смогли противостоять пьяным бандитам, тем более что к дружинникам положение о свободе союзов не относилось. Равно как и положение о неприкосновенности личности. Их били кастетами, резали ножами, пробивали черепа железными палками. В них стреляли полицейские и иногда забирали в участки, но чаще всего оставляли на расправу бородатым, длинноруким, с налитыми кровью глазами убийцам...

Вечером того же 24 октября Ольга Афанасьевна бежала из Егорьевска: оставаться здесь означало обрекать себя на смерть — жестокую, унизительную и бессмысленную.

* * *

И опять пришла она в дом сестер Невзоровых. Однако на сей раз Ольгу Афанасьевну ожидало и нечто приятное: в гостиной за самоваром она увидела красивого молодого мужчину, франтовато одетого, с безукоризненным пробором и точеными чертами лица, похожего на актера, выступающего в амплуа героя-любовника.

— Маэстро! — воскликнула Варенцова, обрадованная неожиданной встречей.

— Теперь еще и Черт,— галантно поклонившись, представился гость Невзоровых.

— Вы знакомы? — не удержалась от вопроса Софья Павловна.

— Разумеется,— рассмеялась Варенцова,— не на лбу же написано, что сей франт — Маэстро!

— И хотя я и Черт, но рогов во лбу тоже нет.— И, желая удовлетворить любопытство хозяек квартиры, сказал:

— Я с Ольгой Афанасьевной знаком еще по Астрахани. Приезжал туда из Самары за «Искрой». Мы переправили большой транспорт в Томск, замаркировав груз как «Минералогические коллекции». Там я был по заданию нашего транспортно-технического бюро.

— А здесь как оказались? — спросила Ольга Афанасьевна, пытаясь вспомнить настоящие имя и фамилию Маэстро. Вспомнила: Богомолов Валериан.

— Сосватал меня сюда Красин. Послал в Орел из Петербурга телеграмму для Соколова, которого все знали по партийной кличке Мирон. Телеграмма любопытная: «Дело Миронова слушается на днях, необходим выезд в Москву». Ну, Соколов и сообразил: Миронов — это он сам, Соколов. Он заведует транспортно-техническим бюро ЦК. Его дело — техника: шрифты, бумага, гектографы, типографии. «Дело Миронова» — значит, его дело; он и выехал в Москву. В Москве встретился с Маратом, выяснил ситуацию и поехал к Зимину, он же Красин, в Питер. В Питере рассудили, что и я нужен для работы. Дали знать в Киев. Я — сразу же в Москву. Пошел по полученному адресу на Долгоруковскую улицу.

Нашел указанный кабинет дантиста. Дождался очереди, сел в кресло и попросил вставить мне фарфоровый зуб. Как знаете, фарфоровые зубы пока не в ходу, и в ответ на такую просьбу любой дантист имел право переадресовать меня к психиатру.

Но доктор не стал уверять меня в несостоятельности затеи, а просто посоветовал обратиться к доктору Шан-

церу. Он-де вставляет любые зубы. И, разумеется, дал адрес.

Все засмеялись. Варенцова сказала:

— Марат наконец-то уподобился своему знаменитому французскому прототипу. Извините, Маэстро, продолжайте, пожалуйста.

— Я получил «липу» на имя смоленского дворянина, который якобы был владельцем транспортной конторы на комиссионных началах. Снял амбар в Кокоревском подворье на Софийской набережной и буквально на следующий день завез вагон риса. Потом доставил и изрядное количество бумаги. Так началась подготовка к подпольной типографии.

А тем временем присмотрели на Лесной улице подходящее помещение — решили открыть магазин, а в подвале оборудовать склад и рядом — типографию. Повесили вывеску: «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе».

— Господи! — ахнула Варенцова.— Да я мимо магазина несколько раз проходила. Ну, ловкачи! — И добавила в изумлении: — Там же через дом — полицейский участок!

— Второй, Сущевской части,— подтвердил Богомолов.— Рядом — Бутырская тюрьма, а через дорогу, у винокуренного завода,— полицейский пост.— И добавил торжествующе: — Поэтому никто и не догадается! Типографию оборудовали под землей. Я, правда, в этом не участвовал... Позднее, когда пришел туда, то хотя и знал, что типография здесь, сколько ни искал, так и не нашел.

— Так здорово спрятали? — с восхищением спросила Варенцова. Ее всегда радовали успехи друзей. Оборудовать типографию под носом у охранки, «для безопасности», как говорил Маэстро,— безусловный успех.

— Вот послушайте: подвал под магазином и квартирой занимает большое помещение. В подвале на полу,

к счастью оказался сточный канализационный колодец. Товарищи выкопали его на глубину в сажень, стены колодца обшили досками. На высоте одной трети сажени от дна прокопали лаз, который ведет в подземную типографию — тесную яму без доступа света и воздуха. Как ее строили, как вытаскивали землю и вывозили тайно со двора — товарищи не хотят вспоминать.

В типографии поставили ножную печатную машину — «американку», наборные кассы, шрифты и начали работать. Работают согнувшись, задыхаясь от спертого воздуха, от паров цинка и копоти свечей. И все же дают по пятьсот оттисков в час, и разовый тираж доходит до восьми тысяч. Сегодня как раз выпустили очередной, четвертый номер «Рабочего». Будет ли вскоре пятый — не знаю. Наверное, придется сворачивать дело на время. Охранка всполошилась, да и шпики завертелись на складах Лесной, и товарищей сохранить для дела надо — сработались, привыкли друг к другу, хотя и очень разные по характеру.

Богомолов замолчал, чему-то улыбаясь, затем проговорил, сдерживая смех:

— Появилась в типографии Маруся Наговицына из Иваново-Вознесенска... Знаете ее?

— Труба, что ли? — воскликнула Ольга Афанасьевна, удивляясь, как тесен мир российского подполья.

— Труба,— спокойно подтвердил Богомолов.— И голос — соответствующий. Так вот, Маруся должна была при посторонних «хозяина» магазина Каландадзе именовать барином и спрашивать, как полагается прислуге: «Что угодно?» Ну и так далее. А она твердит упорно: «товарищ» да «товарищ». Пришлось ей уехать. На место Маруси взяли Странницу. Эта поосторожнее. Маруся, бывало, и сама выходила в мир, и мир к ней а подпольщику, сами понимаете, так нельзя.

— Да,— раздумчиво проговорила Варенцова,— из Иваново-Вознесенска здесь целая колония.

— Я не всех ивановцев назвал — здесь и Кудряшов, и Баба Мокра по технике работают, но не на Лесной. Где-то в другом месте...

— Чудеса! — произнесла Ольга Афанасьевна.

— Чудес на свете не бывает,— возразил Богомолов,— это я вам авторитетно заявляю. И вы мне должны верить: я все-таки Черт.

Варенцова засмеялась и крепко пожала Черту руку. Черт поклонился и исчез внезапно, как и полагается нечистому.

* * *

Богомолов дал Варенцовой адрес конспиративной квартиры, и там она встретилась и с Кудряшовым, и с Бабой Мокрой. Печальной была встреча. Варенцова узнала о многом, что случилось в Иванове за минувший год. Революция спрессовала время так сильно, что за год произошло больше событий, чем за предшествующее десятилетие. И насколько был 1905 год величественным, настолько был он и трагичным. Так, наверное, и всегда происходит в истории: легкое, бездумное время не бывает великим Звездные часы человечества бьют только в моменты гигантского напряжения сил, а значит, и в моменты великих свершений. Ибо подлинные свершения требуют силы, самоотверженности, доходящей до самоотречения, и высочайшего взлета мысли и духа.

— Чего только не пережили мы за этот год! — говорила Баба Мокра.— Чего не натерпелись! После 9 января — до самой весны — организация делала большие дела. У нас появился Трифоныч. Это, я вам скажу, такой парень! Огонь! Все у него есть — и ум, и об-

разование, сам из студентов; отец, говорил он мне,— военный врач. За участие в беспорядках его выслали из Петербурга. Но главное — рабочего человека понимает, как никто. И хватка — железная. Впервые его увидела 9 мая — на городской конференции. Там он предложил рабочим-большевикам перейти на фабрики, где ячейки маленькие и слабые. Усилить таким образом партийное влияние на рабочих. На городской конференции приняли обращение к рабочим и работницам. Важнейшее... Призвали их бросать работу, присоединяться к забастовщикам. Слова-то какие славные, и сегодня забыть их невозможно...— Баба Мокра с чувством проговорила:

— «Не хватает сил больше терпеть! Оглянитесь на нашу жизнь, до чего довели нас наши хозяева! Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни! Довольно! Час пробил! Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь! Бросайте работу, присоединяйтесь к нашим забастовавшим товарищам. Выставляйте 26 требований, изданных нашей группой. Присоединяйте к ним, кроме того, свои местные, частные требования. Собирайтесь для обсуждения ваших нужд в городе и за городом».

— И действительно, 12 мая все фабрики остановились,— прибавил Кудряшов, ранее не принимавший участия в разговоре. Воспоминания были дороги и ему.— Тысячи вышли на улицы!— с гордостью произнес он и, вздохнув, добавил с печальным недоумением: — Ума не приложу, как это после Талки, всего лишь через полгода, нечистая черносотенная сила установила в Иванове свою власть?!

— Что дальше, Екатерина Васильевна? — приступила к расспросам Варенцова, желавшая из уст очевидцев услышать о том, как ивановцы создали первый в России общегородской Совет рабочих депутатов.

— Ну а дальше дело было так: избрали мы полторы сотни своих товарищей в Совет уполномоченных, чтобы и порядок в городе был, и рабочие почувствовали себя хозяевами положения. Думаю, что около трети было наших — большевиков. Собирались на берегу Талки, слушали ораторов, уполномоченных с отчетами и обсуждали все свои дела. Держались стойко, бастовали, на уступки хозяевам не шли. На Талку приходили семьями, как на праздник. Женщины — принаряженные, в белых косынках. Мужики соседних деревень приезжали на телегах, хотели правду узнать о земле. Море людей! Море! Тут и шпики, и полицейские, только без привычной наглости. Знамо, народ — сила! И силу эту разбередить — страшенное дело. Поди попробуй! И все-таки власти применили любимое средство — нагайки и сабли. 3 июня разогнали нас с митинга. Я оказалась рядом с Павликом Постышевым, он всего год в партии, молодой совсем, а серьезный.

Так вот, стою я на Талке с Постышевым, а на нас — два «желтяка».— Баба Мокра, поймав вопросительный взгляд Варенцовой, пояснила: — Ну, значит, астраханские казаки. У них околыш на фуражке желтый, потому и «желтяки». И стали они нас нагайками полосовать. Павлику кожу на голове рассекли. Какая-то работница рубахи подол оторвала, голову ему перевязывает, а сама шепчет: «Псы кровавые! Придет и наш час, убийцы!»

На том дело не кончилось. Держались мы еще долго. Забастовку кончили только на семьдесят второй день.

— Сама считала? — спросила Варенцова глухо.

— Сама. Когда бастуешь, не только каждый день считаешь — каждый час.

— Ирония судьбы,— вздохнула Ольга Афанасьевна,— Парижская коммуна продержалась столько же.

— А что? Наш Совет можно сравнить с Парижской коммуной? — удивилась Баба Мокра.

— Почему нет? Может быть, такие советы будут нашими коммунами и такое сравнение вполне допустимо. Но жизнь, конечно, покажет, есть ли за ними будущее. Однако, судя по тому что советы возникают по всей стране, это так.

Разговор прервал условный стук в дверь.

— Труба! — ахнул Кудряшов, встретив нежданную гостью.

— Она самая,— весело отозвалась Маруся.

— Неужели Наговицына, вот радость! — воскликнула и Ольга Афанасьевна.— Летят бабочки на огонек! Почуяла, что и я здесь?

Смеясь, они крепко обнялись и расцеловались.

И снова услышали условный стук в дверь. Теперь уже Баба Мокра, предостерегающе подняв руку, пошла открывать. В комнату вбежал Багаев. Он был взволнован чрезвычайно. Не обращая внимания на Варенцову — они не виделись больше года,— выпалил с порога:

— Черная сотня Отца убила — Федора Афанасьевича!

Варенцова пошатнулась, услышала, как громко закричала Баба Мокра. Она плакала, закрыв лицо руками. Маруся Наговицына сокрушенно качала головой. Кудряшов тяжело облокотился на стол, лицо его побледнело.

Федора Афанасьевича Афанасьева Варенцова знала хорошо. Невысокого роста, сутулый, с большой окладистой бородой... Он казался намного старше своих лет, поэтому и кличку получил — Отец. Был он спокоен и нетороплив, сердце имел благородное и людей любил преданно. Куда только ни бросала его жизнь профессионального революционера: и в Питер, и в Тулу, и в Одессу, и в Ригу, и в Иваново-Вознесенск. Сколько

тюрем прошел, в ссылках побывал. Но все эти испытания не ожесточили его, а сделали добрее и мягче. Так всегда бывает у сильных людей. Рабочие его любили безмерно. Оратор был блестящий и верный путь к сердцу рабочего человека всегда находил быстро и точно. Правда, на Талке ему выступать в Комитете не разрешили — Отец жил на нелегальном положении, по чужому паспорту, был секретарем партийной организации. И в Совет его не ввели, опасаясь нового ареста. И вот Отца не стало...

Ольга Афанасьевна слышала, как Багаев рассказывал, глотая от волнения слова. После октябрьского «Манифеста» рабочие в Иванове вместе с Отцом пошли освобождать политических заключенных из тюрьмы, находящейся в Ямах. Этот район Варенцова хорошо знала. Низенькие дома, почерневшие от времени, и тюрьма красного кирпича с железными прутьями — словно окована панцирем. Освободить политических не удалось; по дороге сталкивались и с черносотенцами, и с полицией.

Октябрьский день выдался хмурый, неприветливый, дул с реки холодный ветер, моросил дождь. Рабочие решили уйти на Талку, там в лесной сторожке заседал Совет рабочих депутатов. Едва подошли к сторожке, как опять натолкнулись на черносотенцев и казаков. Отец понимал, что вот-вот начнется расправа. Нужно было выиграть время, чтобы рабочие могли укрыться в лесу. Время... Время... Рабочих от черносотенцев отделила узкая речушка с жидким мостиком. Черносотенцы закричали, засвистели... Отец смотрел с болью — силы такие неравные. Это понимали и пьяные лавочники. И тут они предложили рабочим выслать посланцев для переговоров. Вот они, драгоценные минуты, которые спасут рабочих от смерти! Отец вместе с нелегальным товарищем, имени которого никто уже не узнает, не раздумывая, шагнул на мостик. Конечно, он понимал, что

идет на смерть. Мученическую, страшную. Навстречу пьяному самосуду.

Они перешли мостик, и сразу же иа них накинулись черносотенцы...

Вареицова сжала руки — каких товарищей уносит смерть!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Противиики взялись за оружие. С одиой стороны — погромщики, поддержаниые армией и всем карательным аппаратом империи — казаками, жандармами, полицейскими; с другой — почти безоружные массы, задавленные нуждой, разобщенные клеветой и ложью ловких, хитрых лакеев самодержавия. Вопрос о том, куда перетянется чаша весов, решала армия. Успех революции без поддержки армии был иевозможен.

Нужно было готовить вооруженное восстание, иужно было склоиить на свою стороиу армию.

Партия направила в полки, на батареи, на корабли, к казакам лучших агитаторов.

Среди них была и Варенцова. Московский городской комитет партии послал ее в Ярославль в распоряжение Емельяна Ярославского. Он предложил установить контакты с солдатами Фанагорийского полка и начинать революциоиную работу.

Варенцовой предстояло новое дело. Тем охотнее она взялась за него.

5 декабря вечером в заснеженной Москве проходила в Лобковском переулке, в училище Фидлера, общегородская большевистская конференция. В Ярославль пришло известие, что конференция решила провести всеобщую политическую стачку и добиться, чтобы стачка переросла в вооруженное восстаиие.

10 декабря в Ярославле стало известно — в Москве восстание началось.

В середине декабря в Москву прибыли дополнительные полки карателей. 17 декабря царские войска при поддержке артиллерии пошли на штурм Пресни. В последний день боев штаб пресненских боевых дружин опубликовал последний приказ: «Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу. Вся она покрыта вами баррикадами и минирована фугасами. Это единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс, где свободно и звонко рождаются под красными знаменами песни труда и свободы...

Враг боится Пресни. Но он нас ненавидит, окружает, поджигает и хочет раздавить... Мы начали. Мы кончаем. В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко. Враг нам не простит его позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству... Да здравствует борьба и победа рабочих!»

Рабочие выполнили приказ.

Московский генерал-губернатор Дубасов с изрядной долей горечи доносил царю: «Мятеж кончается волей мятежников, а к истреблению последних упущен случай».

Один за другим рушились бастионы революции. Вслед за уничтожением баррикад каратели вылавливали их защитников, выхватывали из укрытий руководителей.

Аресты распространились и на близлежащие к Москве города, где восстаний не происходило. В их числе оказался и Ярославль.

Варенцова дожидаться ареста не стала. Получив от Емельяна Ярославского пароли и явки, она выехала в Петербург.

* * *

В Петербурге дали явку к Лалаянцу, знакомому Ольги Афанасьевны по вологодской ссылке. Переговорив с нею, Лалаянц послал Варенцову к Плюсниной, секретарю военной организации Петербургского комитета большевиков. Расспросив о ее партийной работе, Плюснина выказала удовлетворение и между делом заметила: 15 февраля вышел первый номер нелегальной социал-демократической газеты для солдат «Казарма».

— В редколлегию входит и Ярославский, пославший вас в Петербург,— сказала Плюснина,— и Менжинский, знакомый вам, как я поняла, и, наконец, Бонч-Бруевич Вы с ним должны быть знакомы по ссылке.

— Да, да... Знакома...— подтвердила Варенцова.

— Вот и свяжитесь с кем-нибудь из них,— посоветовала Плюснина, пожимая руку на прощание.

Варенцова думала, что ее ждет литературная работа в солдатской газете, однако член петербургской «Военки» Розалия Землячка поручила ей создать в Московско-Нарвском районе коллегию для проведения агитации среди солдат.

Землячка казалась усталой. Она щурила серые большие глаза и протирала платком стекла пенсне.

Варенцова выполнила и это поручение. И не только создала агитколлегию, но и сама не раз выступала перед солдатами.

В жандармских архивах сохранилось донесение осведомителя об одном из выступлений Варенцовой:

«Неизвестная женщина выступила на солдатском собрании в Малиновском лесу на Охте 24 апреля. Она говорила: требуйте амнистии для всех, в том числе и для осужденных солдат и матросов. Боритесь против того, чтобы всех заставляли исполнять полицейскую и охранную службу. Требуйте отмены смертной казни».

* * *

После подавления Декабрьского вооруженного восстания революция пошла на убыль.

В июле 1906 года секретарь Петербургского комитета РСДРП Елена Дмитриевна Стасова направила Варенцову в Иваново-Вознесенск — нужно было возглавить городскую партийную организацию, ослабленную репрессиями последних месяцев.

— Явка у товарища Луки,— сказала Стасова.— Пароль: «Нет краше белого снега».

* * *

Увидев Фрунзе, Варенцова удивилась — слишком молод для руководителя такого масштаба. Хотя прекрасно знала — революцию делали молодые.

— Арсений,— представился Фрунзе.

— Екатерина Николаевна,— отрекомендовалась Варенцова и усмехнулась: переменили клички, ибо старые — Трифоныч и Мария Ивановна — были раскрыты.

Свел их на конспиративной квартире Лука, он же Константин Гандурин. Лука работал слесарем на фабрике Фокина. К нему и дала явку Стасова.

Гандурин хорошо знал Варенцову — помнил по совместным делам в Иванове. Опыт и авторитет Варенцовой в партии были несравненно выше его собственных. «Вот и славно,— подумал он,— быть ей секретарем». Они договорились, что Екатерина Николаевна примет Первый район в Иваново-Вознесенске — самый крупный и ответственный.

Прошло совсем немного времени, и Варенцова стала секретарем городского комитета партии.

Она шла узенькими кривыми улочками, заваленными сугробами, к домику за высоким забором на конспиративную квартиру. Деревья, пушистые от снега, слегка потрескивали от мороза. Временами резкий ветер обжигал лицо да сбрасывал снег с ветвей. Варенцова радовалась солнцу, морозу, ветру.

Она шла на встречу с Арсением, ответственным партийным организатором в Шуе, о храбрости которого, смекалке и необычайном умении располагать к себе людей была наслышана.

К тому же Арсений минувшей весной вместе с ивановцем Андреем Сергеевичем Бубновым был делегатом Четвертого съезда РСДРП, проходившего в Стокгольме, и там встречался с Владимиром Ильичем.

— Ну и как вам Ленин? — спросила Варенцова с интересом и нетерпением, когда Фрунзе начал рассказывать о работе съезда.

Фрунзе задумался. Всякий раз, вспоминая первую и пока единственную встречу с Ильичем, становился и серьезнее и как будто старше.

— Мы вдвоем подошли к товарищу Ленину — я и еще один товарищ из Луганска. Удивительно: Владимир Ильич и о делах в Донбассе, и о наших ивановских знает много. Страшно много. И даже о том, что я в Москве с отрядом на Пресне в декабрьские дни был. Но все же расспрашивал у нас подробности.

— А вам, Арсений, он что-нибудь сказал? Вам лично? Дал совет или напутствие? — спросила Ольга Афанасьевна.

— Да, конечно. Он говорил о том, что без знания революционной теории нельзя двигаться вперед, что необходимо вооружить основную массу рабочих пониманием задач революции. Вот теперь занимаюсь теорией, и товарищей призываю: «Учитесь... Учитесь, други мои».

— Как в наших условиях это удается? — заинтересовалась Варенцова.

— В Шуе есть магазин «Наука». Хозяин магазина сильно мне помогает. Я и товарищи покупаем у него литературу. Да и в Иваново-Вознесенске через хозяина магазина «Знание» можно приобрести много хороших книг.

Поговорили еще немного, и Фрунзе встал, прощаясь. Ольга Афанасьевна заметила, как Арсений пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за край стола.

— Сядьте, Миша,— проговорила она тревожно.— Вы были контужены на Пресне?

— Пресня здесь ни при чем. Это старая история Меня схватили казаки в Иванове в октябре прошлого года. Мы шли втроем — я, Петр Волков и Андрей Бубнов — ночью с собрания из деревни Котельницы. С нелегального, конечно. Нас окружили «желтяки». накинули нам на шеи арканы и погнали лошадей. Мы бежали, падали, вскакивали, задыхались... Казаки легкой рысцой гнали лошадей, и мне казалось, что не выдержу и сердце выскочит из горла...— Фрунзе замолк и тяжело перевел дыхание, словно смертельная гонка только что закончилась.— Когда я не мог больше бежать и упал на дорогу, схватившись за петлю на шее, казак остановил лошадь. Поигрывая нагайкой, он велел мне залезть на палисадник. Я плохо соображал — думал, что он посадит меня на коня,— и еле-еле взобрался на забор. Едва я успел распрямиться, как «желтяк» ударил коня. Ноги застряли в штакетнике, я рухнул вместе с забором на землю и меня, едва живого, беспамятного, приволокли в участок.

Там у меня нашли листовки и маузер. И всех троих стали бить ногами, прикладами, поленьями, всем, что попадало под руку.

Фрунзе разволновался, будто все это случилось вчера.

Лицо побледнело до синевы, в глазах — страдание, губы вытянулись в тонкую ниточку. Желая отвлечь его от горьких воспоминаний, Ольга Афанасьевна спросила:

— Скажите, Арсений, сколько вам лет?

— Я родился в восемьдесят пятом... Значит, идет двадцать первый год...

— В восемьдесят седьмом, когда вам было всего два года, я уже сидела в тюрьме.

— Зачем вы говорите мне это? — спросил Фрунзе.— Я пошел в революцию на двадцать лет позже вас, и более всего меня потрясло Кровавое воскресенье. Расстрел рабочих... Бессмысленный... Жестокий... Я шел по заданию Петербургского комитета во главе одной из колонн. После Кровавого воскресенья я на многое стал по-иному смотреть. Бросил Политехнический институт. Понял, что в жизни есть один путь — в революцию.

Я тогда написал маме сумбурное письмо... Писал о том, что у нее кроме меня есть сын Костя, есть и дочери. Надеюсь, что они ее не оставят в трудную минуту, а на мне, пожалуй, она должна была поставить крест. «Потоки крови, пролитые 9 января,— писал я ей,— требуют расплаты. Жребий брошен, Рубикон перейден, дорога определилась. Отдаю всего себя революции».

— Да... Знаете, Арсений, самодержавие готово убить каждого из нас. Я — женщина, но и надо мной в охранке издевались.

Однажды в тюрьме молодая работница, желая меня подбодрить, сказала: «И, милая, меня они не раз и не два били чем попало. Разве что только печкой не били, а об печку — случалось».

Фрунзе все понял. Шагнув к Ольге Афанасьевне, благодарно взглянул в глаза, крепко пожал руку.

* * *

Ольга Афанасьевна, приехав в Иваново-Вознесенск летом 1906 года восстанавливать партийную сеть, не думала, что ей удастся избежать ареста и долго продержаться на воле. Времена-то такие тяжелые... Но дороги судьбы неисповедимы, и Варенцова работала день за днем и месяц за месяцем, порою удивляясь тому, что все еще остается на свободе.

Спасаясь от ареста, ушли в подполье и уехали за границу товарищи.

Боевую работу по сколачиванию дружин, охране собраний, покупке и изготовлению оружия вел Фрунзе. Варенцова занималась делом тихим, незаметным, но не менее важным: отлаживала партийную систему, отдавая время и силы тому, чтобы партийный механизм работал без перебоев и поломок.

Тысячи активных членов партии объединялись в ячейки, ячейки — в районные комитеты, районные — в городской. Партийная сеть охватила все маленькие города, прилегающие к Иванову, и даже села.

Организация росла, и жизнь потребовала создать такую структуру, которая соответствовала бы изменившимся условиям.

В конце осени 1906 года Фрунзе предложил созвать партийную конференцию, пригласив представителей всех организаций.

Конференция состоялась. Решили создать Иваново-Вознесенский союз РСДРП, для его руководства учредить союзный Совет, в котором были бы представлены все города и районы нового союза.

В союзный Совет, собиравшийся один раз в месяц, входило более двадцати человек; постоянно всей работой руководило исполнительное бюро из пяти профессионалов — Фрунзе, Варенцовой и еще трех других, которые время от времени менялись.

В момент создания Иваново-Вознесенского союза РСДРП в его рядах было пять тысяч человек. Это была одна из самых крупных большевистских организаций России. Все ячейки строго сохраняли конспирацию, платили взносы в партию, ибо не было в Иваново-Вознесенске других средств на технику, литературу и оплату труда партийцев-профессионалов.

И получая подпольщик-профессионал свои 18 рублей в месяц на все про все: должен был на эти деньги и питаться, и одеваться, и семью содержать, и ездить по городам и весям, и помогать товарищам, оказавшимся в тюрьме... Бесплатно получал только оружие, за которое ждал его в лучшем случае суд, а в худшем — расправа толпы или каторга.

И чтоб не попасть в раскинутые полицией тенета, собирались в заброшенных, одиноко стоящих ригах или в лесных чащобах. Как-то рассказывали Ольге Афанасьевне, что одно из собраний товарищи провели ночью в хижине из снега в глухом и далеком Ботеевском лесу.

Вопреки всем трудностям партия жила и боролась.

В непрерывных трудах и опасностях прошел 1906 год.

Новый, 1907-й начался довольно бурно. Героями первого экстраординарного происшествия стали Михаил Фрунзе и его закадычный друг Павел Гусев.

21 февраля 1907 года Фрунзе и Гусев проводили в квартире врача земской больницы нелегальное совещание пропагандистов.

Фрунзе сидел за столом, Павел Гусев стоял у окна и время от времени поглядывал на улицу. Вдруг он побежал к двери. Еще не зная, что случилось, Фрунзе бросился за ним.

— Смотри, вот он! — закричал Гусев и показал рукой в сторону железнодорожного переезда.

Фрунзе увидел лошадь, запряженную в сани, и черную смушковую папаху, торчащую над задком саней.

— Кто он?

— Никита Перлов! Он брата моего, Кольку, на каторгу закатал! — ответил Гусев и, выхватив из кармана револьвер, стал стрелять вслед Перлову.

Фрунзе вытащил свой маузер, и они открыли быструю пальбу по полицейскому. Тот, услышав первый выстрел, упал на дно саней, рванул вожжи, и лошадь наметом пошла к мостику через железную дорогу.

Гусев стрелял стоя в рост, Фрунзе — с колена: оба были неплохими стрелками, но Перлов оставался неуязвимым.

Наконец, насчитав шестнадцать выстрелов и сообразив, что по обойме они уже расстреляли, Перлов выскочил из саней и бросился злоумышленникам навстречу. Бежал, стреляя на ходу, но и его пули не достигали цели.

Фрунзе и Гусев кинулись к деревне Панфиловке и затерялись меж домами. Перлов, расстреляв все патроны, остановился и пошел обратно к переезду.

Одного из них, одетого во все черное от папахи до ботинок, Перлов запомнил: стреляя, он стоял на бугорке и на фоне светлого неба был виден преотлично. «Ничего — пути-дорожки наши сойдутся», — решил Перлов.

И через месяц, 24 марта, прибыв на обыск в один из домов, он увидел парня, одетого в черный костюм. На гвозде висели черная папаха и пальто с черным барашковым воротником.

Это был он — Павел Дмитриевич Гусев, брат политкаторжанина Николая Гусева, которого Перлов не так давно отправил в Нарым.

К тому же в столике письмецо нашли: «Паня! Вы писали, что Перлов не дает житья. Меня страшно возмущает. Неужели не осталось, кто бы мог пожать руки ему, неужели нет у вас дружинников, что вам до ПСР, я думаю, что и ПСД вправе это исполнить».

— На-ка выкуси, - со злорадством сказал Перлов Гусеву, прочитав письмо,— ни партия социалистов-революционеров, ни партия социал-демократов — эти ПСР да ПСД — ничего со мной сделать не сумели, а тебе одна судьба — виселица. Даже о каторге мечтать станешь, сволочь, она тебе раем покажется, ан нет... Не спасешься и на каторге.

В скором времени арестовали и Фрунзе. Их обоих ожидал военно-полевой суд, а следовательно, смертная казнь. Арест Фрунзе и Гусева очень огорчил Ольгу Афанасьевну. Она досадовала на то, что Арсений сглупил и повел себя как мальчишка, что он забыл одну из заповедей революционера-марксиста, отрицающую индивидуальный террор. Это был совершенно непростительный проступок. И, ругая вслух, в душе жалела и скорбела и не знала, что бы отдала, только бы увидеть Мишу Фрунзе и Паню Гусева вновь на свободе...

Жизнь шла вперед, и каждый день выдвигал новые задачи, требовал незамедлительных ответов на вопросы. Весной 1907 года из-за репрессий и террора революционное движение пошло на убыль. Особенно беспокоило положение в деревне. Нищее, обездоленное крестьянство все еще ждало милостей от царя. В народе шли разговоры о каком-то манифесте, который вот-вот должен был появиться на свет.

Варенцова получила от товарищей листовку и сама печатала ее в ивановской типографии:

«К крестьянам.

Удельные и кабинетские земли царя и его семьи добыты деньгами и кровью народа. Миллионы, которые получает царь с этих земель,— это проценты на народную кровь.

Царь — один из богатейших людей во всем мире. Еще его отец, усиленно выбивая подати из крестьянства, накопил 500 миллионов рублей и поместил их для безо-

МАНИФЕСТЪ

пасности в Английский банк. Одни проценты на этот капитал дают царю больше миллиона в месяц. Но царь их не тратит. Из средств, выколачиваемых из страны, он берет себе по 12 миллионов в год. Значит, он назначил себе жалованье в 1 миллион в месяц, или 30 тысяч рублей в день, 1250 рублей в час, или по 20 целковых в минуту».

Мужик, считавший пятак за немалые деньги, а гривенник — за богатство, сначала впадал в сомнение, но, подумав, начинал верить. И в самом деле — корона, скипетр, трон, усыпанные алмазами, сверкающая золотом и камнями свита... Откуда все это? Не на труды же праведные нажиты дворцы Петербурга, Москвы и Крыма...

Если оказывался рядом грамотей, любитель ежедневного газетного чтения, то он подтверждал: «Точно. 12 миллионов каждый год на содержание царя и его семьи отпускается в государственном бюджете. О том и «Правительственный вестник» в открытую пишет».

Случалось, начинали пересчитывать: «Правда ли, что 20 целковых в минуту-то?» Оказывалось, правда. Читали дальше: «Жаден же он, если не хочет даром, подобру-поздорову расстаться со своими землями»,— соглашались: жаден. Зачем земля, если и так от денег сундуки ломятся? А нам бы хоть по полдесятины на хозяйство прибавить... И к зависти начинала буйно примешиваться злоба: разве так можно? Все под себя сгреб — и золото, и землю, а мы — хоть сдохни.

«За главным помещиком — царем идут другие помещики. Земли достались их предкам так же легко, как царям. Цари и царицы раздавали своим придворным, любовницам и любовникам тысячи десятин земли с тысячами крестьян. Например, огромные поместья, которые принадлежат всевозможным Бобринским, Орловым и Васильчиковым и закабаляют десятки тысяч крестьян, произошли из подарков, которые Екатерина Вторая делала в спальне своим многочисленным любовникам».

И об этом многим доводилось слышать. Да и земли Бобринских и Орловых были неподалеку. И опять обида залезала в сердце — всю жизнь гнешься в три погибели и обливаешься потом, чтобы на клочок земли приработать и до лета с голоду не опухнуть, а тут — тысячи десятин! За что? Почему?

И читали дальше. А там шли советы, как жить, что делать, как добиваться справедливости.

«Мы должны устраивать крестьянские комитеты, смещать всех должностных лиц, которые служат государству помещиков, и заменять их выборными людьми, которые исполняли бы крестьянскую волю. Мы не будем давать рекрутов правительству, которое в казарме выколотит из них ум, совесть и честь и заставит их убивать своих отцов и братьев...

Дружной борьбой мы завоюем себе всю землю, дружной борьбой справимся с угнетателями и завоюем свободу».

И в конце извещалось, кто писал листок, кто его переписывал: «Перепечатана с листка Московского комитета. Иваново-Вознесенский союзный Совет РСДРП. Март 1907 года».

Читали, обсуждали, собирались вместе.

Задумывались мужики, как к новому, неслыханному делу приступить... И шли в город, в этот самый союзный Совет, отыскивая его через земляков и родственников, что ушли на завод или фабрику. И если находили, то делали так, как им говорили знающие люди...

* * *

Весной 1907 года Варенцова возглавила кампанию по выбору делегатов на Пятый съезд партии.

За неделю до пасхи решили собраться в Боголюбовской слободе, на краю оврага, в домишке Странника — Балашова.

Выбрали на съезд девять делегатов-большевиков. К этому времени большевики и меньшевики хотя формально и объединялись в одну партию, все же на деле составляли две отдельные организации. В Центральном Комитете преобладали меньшевики, и потому ЦК притуплял революционную борьбу, суживал лозунги, одобрял блок кадетов с либералами, надеялся на сформирование либерального «думского» министерства. Это приводило к росту реформизма, к увлечению легальными формами борьбы в ущерб нелегальным.

Партийные организации на местах — особенно на заводах и фабриках — стали все чаще выражать неодобрение такой линии ЦК, осуждать его деятельность и требовать созыва нового съезда партии для правильной оценки текущего момента и выработки единой общепартийной линии.

Вскоре после выборов наступило 1 мая. Поутру ударил морозец, вода в ведрах покрылась ледяной коркой. Но праздничное ощущение не покидало. Майский праздник... Около семи тысяч человек должны были собраться в Болинском лесу, в пяти верстах от Иванова. Все, казалось, было организовано четко: определили пароли, пути движения, расставили вдоль опушки леса боевиков.

Варенцова пришла в лес одной из первых. Проходя вдоль канавы, у опушки леса заметила знакомых боевиков. Улыбнулись ей как старой знакомой. По пути к месту сбора — большой лесной поляне — встретила еще троих. Фамилий не знала, но романтические клички их помнила. Бравая троица прозывалась Винчестер, Ретвизан и Черногорец.

На поляне уже стояли Кудрин, ответственный за организацию праздника, и Андрей Бубнов, намеченный первым оратором.

Народ прибывал. На поляну со всех сторон тонкими ручейками стекались люди. Колыхались в высоком небе ажурные ветви берез, синели стволы.

Бубнов взобрался на высокий пень и поднял руку. Многоголосый говор постепенно стих, все молча смотрели на оратора.

— Товарищи! — громко и призывно начал Бубнов.— Сегодня мы собрались...

Оратор не успел закончить первую фразу — раздался истошный крик: «Казаки!» Тысячи людей бросились в разные стороны, спешили укрыться в гущу леса. К Варенцовой, стоявшей в середине поляны, мчались казаки.

Казаки били демонстрантов нагайками, давили лошадьми... Раздавались крики, стоны.

Варенцова вместе со всеми побежала в лес.

Трещали сучья деревьев, вздрагивали макушки тонких осин, оглушительно кричали потревоженные птицы.

К вечеру тысячи людей выходили на железную дорогу. Осторожно, опасаясь засады, двигались к городу. Вместе с ними пришла и она.

Дождавшись темноты, направилась к тюрьме — узнать: кого взяли? Но узнать ничего не удалось.

На следующий день в местной газете полицмейстер поместил объявление о том, что в Болинском лесу найдено множество шапок, тростей, зонтов, кошельков и сумочек. Потерявшие могут получить свои вещи в полиции... Ни один человек в полицию, конечно, не пошел; через сутки выпустили и всех задержанных.

Однако то обстоятельство, что тысячи людей пришли на маевку, заставило местные власти призадуматься над происходящим в городе.

Для начала произвели обыск в Профсоюзном доме, но ничего особо предосудительного не нашли. Полицмейстер приказал усилить слежку за подозрительными. И лишь поздней осенью начались аресты.

8 января 1908 года в Иванове было арестовано собрание партийного комитета Четвертого городского района. Захватили нелегальную литературу, прокламации, чеко-

вые книжки по приему взносов и неоконченный протокол заседания.

Через день арестовали и Варенцову.

Иваново-вознесенский полицмейстер сообщал по инстанции:

«...Получил агентурные сведения, что проживающая в городе Иваново-Вознесенске Ольга Афанасьевна Варенцова, по профессии домашняя учительница, принимает очень деятельное участие в агитации среди рабочих, состоит кассиром Иваново-Вознесенско-Шуйского района социал-демократической фракции, носит кличку Екатерина Николаевна, была выслана при министре фон Плеве в административном порядке в Вологодскую губернию, откуда скрылась, проживала в городе Астрахани и около года тому назад прибыла в город Иваново-Вознесенск.

Имея эти данные, я в ночь с 9 на 10 января совместно с приставом в ее квартире в порядке 21 статьи Положения о государственной охране произвел обыск, которым обнаружил в разных хранилищах до 500 экземпляров разных брошюр нелегального содержания, что свидетельствует о ее политической неблагонадежности. Кроме того, обнаружил много фотографических карточек...»

И снова тюрьма. На этот раз — Владимирская. И снова допросы. И на этот раз, как и прежде, для полиции совершенно бесполезные. В апреле следствие по ее делу закончилось и Ольгу Афанасьевну выслали в Вологду.

Вологда широко разбросала деревянные дома, сверкала куполами соборов, белыми оградами монастырей. Гулко отдавались шаги по дощатым тротуарам. Она сняла комнатку с видом на реку Юг, протекающую среди зеленой равнины. Красотища-то какая! Но беда настигла ее и здесь.

Крупный провал произошел в Иваново-Вознесенске: в доме Сергеева полиция захватила подпольную типографию с только что напечатанной прокламацией «К крестьянам», набор первомайской листовки и около шести

пудов типографского шрифта. По этому новому делу в организации арестовали около пятидесяти человек.

Вскоре некоторые из них оказались рядом — в Сольвычегодске, Котласе, Великом Устюге. Постановлением министра внутренних дел от 15 мая 1908 годаВаренцовой объявлялось, что она выслана в Вологодскую губернию на два года.

...Новые люди появились и в древней Вологде.

Варенцова сблизилась с Цецилией Бобровской, а потом и с соседом Цецилии, так же как и она, отбывавшим ссылку в Великом Устюге рижским рабочим Стриевским. Бобровская и Стриевский навещали Ольгу Афанасьевну, привозили книги, у нее брали новинки. Пили чай, подолгу спорили. Время было тоскливое, многим казалось — безнадежное время. Революция кончилась. Вместе с нею рухнули и надежды. Реакция давила, уничтожая все светлое, благородное. Как жить дальше? Что делать?

Казалось, вопросы, на которые каждый ответил в юности, вновь требуют решения. Засидевшись допоздна, расходились с одним и тем же — бороться, бороться, не поддаваясь унынию, верить в победу, помогать друг другу.

* * *

В конце 1908 года Варенцова получила телеграмму: «Из столицы приезжает больной Иннокентий. Найдите доктора».

Поезд из Петербурга приходил утром. Ольга Афанасьевна на вокзале увидела, как из вагона вышла группа мужчин и женщин, в которых нетрудно было признать политических ссыльных.

Среди них Варенцова заметила высокого худого человека, зябко кутавшегося в шерстяной шарф.

— Иосиф Федорович! — окликнула она Дубровинского и, подойдя, взяла под руку.

Прикоснувшись к его ладони, Ольга Афанасьевна ощутила сухой болезненный жар, увидела воспаленные прожилки глаз, обметанные лихорадкой губы, услышала трудное, прерывистое дыхание.

Варенцова повела «новеньких» в губернское жандармское управление.

Наступали святки, близился вечер сочельника, и начальству было не до прибывших.

Дежурный офицер, как и все спешивший на праздник, рукой махнул:

— Устраивайтесь, господа, по частным квартирам, после праздников я доложу его превосходительству и мы решим, куда кого из вас следует направить.

Варенцова взяла Дубровинского, устроила его у себя и позвала врача.

Доктор расспросил больного, когда он почувствовал себя плохо, чем лечился и куда намерен ехать из Вологды.

Дубровинский рассказал о своих недугах, потом добавил, что по решению суда ему надлежит следовать в Усть-Сысольск.

— Это же еще полтыщи верст на северо-восток! — воскликнул доктор.— Да и нет там никого — одни зыряне. Дам-ка я, батенька мой, справку, что не можете из-за болезни далее Вологды следовать. Оставайтесь здесь. Тут вам, пожалуй, получше будет.

И, прописав лекарства, ушел.

— Мне нужно как можно скорее выздороветь,— сказал Варенцовой Иннокентий.— Я должен бежать отсюда, меня ждут за границей. Я нужен Ленину.

— Обмозгуем это дело,— пообещала Варенцова.— Главное, для побега необходимы деньги.

— Деньги скоро придут,— пообещал Дубровинский,— а пока посплю — очень устал с дороги.

Он и заснуть не успел, как заявились полицейские.

— Мы должны взять ссыльного в тюрьму,— объявил старший чин Варенцовой.

— Основания? — спросил Иннокентий, с трудом поднимая голову.

Чин молча протянул ему ордер па арест.

— Бумага — не основание, это произвол,— возмутилась Варенцова.— Вы не смеете забирать больного человека!

— Больного, который бежать собрался?! — не утерпел полицейский.— Мы все знаем, господа хорошие, и на этот раз номер не пройдет!

— Чушь! Какой побег? Он только сегодня прибыл в Вологду! — горячилась Варенцова.

Иннокентий молча с печальной безнадежностью собирал вещи.

Когда его увели, старший из полицейских, выходя последним, проговорил укоризненно:

— Вот вы, дамочка, кипятитесь, а вашему постояльцу дружки выслали триста целковых. Известно зачем — бежать. Да из тюрьмы не убежишь.

«Врет или вправду сумели «фараоны» перехватить деньги?» — думала Варенцова, не зная, как поступить и что делать дальше.

Промаявшись до утра, дала телеграмму в Петербург Людмиле Рудольфовне Менжинской, сестре Вячеслава Рудольфовича и невесте Иннокентия, чтобы та приехала в Вологду.

Людмила Рудольфовна ждать себя не заставила, приехала очень скоро. К этому времени у Варенцовой был готов план действий.

— Надежные товарищи сказали мне, что в Котласе находится под гласным надзором Сергей Кудрявый. Очень ловкий парень и многим помог бежать. Завтра к нему поеду, вы оставайтесь здесь и добивайтесь освобождения Дубровинского из тюрьмы.

Варенцова договорилась с Кудрявым, Менжинская сумела убедить жандармов, и Дубровинского из тюрьмы выпустили.

А еще через неделю он исчез.

...Два месяца спустя на Вологодский почтамт пришла из Парижа красивая цветная открытка: на зеленом газоне стояла, упираясь шпилем в облака, кружевная Эйфелева башня.

«Прекрасно все обошлось,— вздохнула Варенцова, отложив открытку.— Плохо только, что о здоровье не пишет...»

* * *

Весной 1910 года срок ссылки закончился. Ольга Афанасьевна долго не раздумывала — ее место в Иваново-Вознесенске. Всякий раз, когда ссылка кончалась, а указаний из ЦК не поступало, уезжала на родину.

В родном Иванове снова встретили ее утонувшие в грязи кособокие избушки, оттаявшие и вылезшие из-под осевшего снега мусорные свалки...

Над городом — между крышами домов и низким серым небом — увидела все ту же копоть и смрад и дым десятков фабричных труб. И две-три улицы с особняками, где жили богачи,— подобно оазису в пустыне, радующие глаз белизной фасадов и свежестью пробивающейся зелени...

Прежде она останавливалась у родителей, но прошло три года, как не стало матери, а отец умер еще раньше. Ольга Афанасьевна решила искать пристанища у сестры Анны. Сестры любили друг друга и всегда старались помогать одна другой. И Ольга Афанасьевна и Анна Афанасьевна были рады, что судьба им улыбнулась и они хотя бы недолго могут побыть вместе.

Сестра жила в рабочей слободке Ямы. Дела ее мужа шли неважно, они не имели собственного дома и снимали

две небольшие комнатки в квартире сестер Черепановых, которые в свою очередь снимали ее у мадам Зайцевой, домовладелицы, имевшей несколько домов по Афанасовской улице.

Таким образом, по приезде из ссылки Ольга Афанасьевна оказалась среди людей не только родных ей по крови, но и близких по духу.

Рядом с ними жили фабричные рабочие, мелкие конторщики, работающие по найму приказчики, конюхи, прачки, ремесленники.

Ольга Афанасьевна несколько дней пробыла у сестры, не показываясь без нужды соседям, потом с превеликою осторожностью начала искать путеводные ниточки к нужным людям.

Последней зимой в Вологде к ней заехал из Сольвычегодска старый знакомец — Аристарх Макаров, у которого закончился срок ссылки. Он хотел возвратиться в Кинешму, откуда был родом.

Когда Варенцова приехала на родину, узнала, что Макаров поселился в Кинешме. Правда, иногда он появлялся в Иванове и встречался с Ольгой Афанасьевной. Они решили воссоздать иваново-вознесенскую организацию, разгромленную арестами, происшедшими два года назад.

Для начала зацепились за рабочий кооператив «Единение — сила», в правлении которого состоял авторитетный партиец Гнедин. Оказалось, он держал в руках некоторые нити, связывающие его со старыми товарищами по партии. Гнедин созвал тех, кого знал: партийцев-рабочих Маслова, Чеснокова, Кузнецова. Они в свою очередь воссоздали на тех фабриках, где работали, социал-демократические ячейки.

16 мая 1910 года представители ячеек учредили Объединительный комитет и приняли решение созвать учредительное собрание для восстановления Иваново-Вознесенского городского комитета партии.

Варенцова тоже вошла в Объединительный комитет.

На следующий день отправилась в рабочую слободку Сахалин, чтобы переговорить с представителями ячейки фабрики Полунина.

Засиделись до темноты, и, когда шла домой на Афанасовскую улицу, в местечко Ямы, навстречу ей попалась молодая женщина. Плотная, крепко сбитая.

Было сумеречно, но Варенцовой показалось, что женщина ей знакома. Остановившись, Ольга Афанасьевна огляделась и окликнула негромко:

— Маруся?

Женщина оглянулась и медленно пошла обратно, пристально вглядываясь в лицо Варенцовой.

«Ну да, она — Маруся Наговицына»,— убедилась Ольга Афанасьевна и сказала уверенно:

— Ну здравствуй, Маруся Наговицына!

— Ольга Афанасьевна! — радостно изумилась Маруся.— Откуда вы здесь?

— Вот приехала погостить,— улыбнулась Варенцова.— А ты-то давно в Иванове?

— Да, почитай, пятый год пошел. Вскоре после нашей встречи в Москве я сюда перебралась. Рассчитал меня хозяин — товарищ Каландадзе.

Варенцова вспомнила, как жаловался ей Богомолов, что Маруся не признает конспирации. Спросила:

– А теперь ты как? Что поделываешь?

Смутившись и опустив глаза, Маруся сказала:

– Замуж я вышла, Ольга Афанасьевна, и я теперь не Наговицына, а Икрянистова,— и поиграла чуть-чуть золотым колечком на правой руке.

— Поздравляю! — искренне обрадовалась Варенцова.— Не из нашей ли дружины муж, Маруся?

— Да,— с достоинством подтвердила Маруся.

— И в городской комитет его выбирали,— добавила Ольга Афанасьевна.

— Выбирали! — улыбаясь, произнесла Маруся, и было видно, что она и любит своего мужа, и гордится им.

— Ну что ж, совет да любовь. Да скажи мужу, что неплохо было бы мне с ним повидаться.

Маруся пообещала, и Ольга Афанасьевна порадовалась, что буквально в первые же дни случайно увидела нужного человека.

Если бы знала она, как сильно на сей раз ошибается...

Маруся рассказала мужу о встрече с Ольгой Афанасьевной и передала ее просьбу. Икрянистов через несколько дней сказал жене, что повидался с Варенцовой и встрече этой был рад — она ввела его в курс дела и кое о чем рассказала.

А вскоре на столе у жандармского ротмистра Орловского появилось донесение, подписанное знакомой ротмистру кличкой Владимирец.

Способный и полезный агент сообщал: «Сюда 9 мая для объезда Кинешмы, Костромы и Ярославля с конференции социал-демократов приехал А. С. Бубнов... Он виделся с Пантелеем Соловьевым, учителем Мороховцом, столяром Чесноковым (Ионыч), К. Д. Гандуриным (Лука) и О. А. Варенцовой (Екатерина Николаевна), домашней учительницей, возвратившейся из двухлетней ссылки». Еще через несколько дней тот же Владимирец продолжал:

«...Сообщаю о собрании 16 мая на Елюнинской дороге, неподалеку от Афанасова. Бубнов недоволен Варенцовой, что она, имея за собой такое серьезное прошлое и только что возвратившись из ссылки, так горячо берется за работу, рекомендует ей быть осторожной и постараться иметь две квартиры, если не хочет временно прекратить подпольную работу».

Владимирец сообщил и адрес Варенцовой.

Во второй половине мая Ольга Афанасьевна уехала из города. Сказав домашним, что отправляется на лечение в Геленджик, начала объезд Шуйского и Ковровского уездов.

Варенцова находила старых партийцев, и они восстанавливали разгромленные социал-демократические ячейки.

В это же время Аристарх Макаров из Кинешмы направился в Тейково, небольшое фабричное местечко, и там обнаружил чудом уцелевшие партийную организацию и профсоюз.

В первое воскресенье июня в лесочке за деревней Соснево после долгого перерыва собрались делегаты фабричных и заводских партийных ячеек Иваново-Вознесенска.

Делегаты рассказали о своих заводах и фабриках, о созданных ячейках. Решили создать партийные организации и там, где их не было: на фабриках Бурылина, Грязнова, в железнодорожных мастерских, на механическом заводе. Определили ячейки создавать небольшие — по восемь — двенадцать человек. На заводе могло быть по нескольку ячеек. Для конспирации следовало связь с другими ячейками поддерживать через одного человека — секретаря ячейки. Он же связывался и с городским комитетом партии, который решили назвать Исполнительным центром Иваново-Вознесенской группы РСДРП.

Теперь следовало сделать следующий шаг — связать иваново-вознесенскую организацию с центром и периферией.

Варенцова выехала в Москву и там встретилась с Химиком — Андреем Бубновым, молодым энергичным подпольщиком-партийцем, знакомым ей по Иванову.

Бубнов снабдил ее свежими номерами «Рабочей газеты» и «Социал-демократа», листовками и брошюрами и посоветовал созвать областную конференцию трех губерний — Владимирской, Ярославской и Костромской.

Местом созыва такой конференции определили Кинешму, днем созыва — 25 сентября.

* * *

Варенцова приехала в Кинешму засветло и, направляясь к пристани, вспоминала то первое, давнее-давнее совещание, на котором собирались они в 1901 году. В те времена город и окрестности казались тихим богоспасаемым краем — без жандармов, без шпиков, с двумя сонными городовыми, которые и слыхом не слыхали мудреного нерусского слова «социал-демократ». Теперь все другое. Революция изменила Кинешму, и по части сыска и наблюдения было здесь то же, что и в других городах: и жандармское отделение, и ротмистр — его благородие господин Орчинский, и соответствующий штат филеров, и потребное делу число осведомителей-провокаторов.

Конспирацию следовало соблюдать строго. Кинешму выбрали местом встречи не из-за былого тишайшего прошлого, нет. Расположена она удобнее прочих по отношению ко всем городам, откуда должны были приехать делегаты.

Ольга Афанасьевна, в черной кофте, темном платочке, с плетенкой и чайником в руках, вышла на берег Волги и встала в длинную очередь на паром. Среди людей с мешками, корзинами и сундуками, среди мычащих коров и блеющих овец, которых вели на продажу, маленькая щуплая Варенцова, похожая на богомолку, затерялась. К тому же она не увидела ни одного знакомого лица. «Славно получается,— вздохнула она с облегчением,— если я не могу отыскать своих в этой предъярмарочной суете, то вряд ли найдет их жандармское око».

На пароме, огляделись, заметила знакомого шуянина и стоявшего неподалеку от него тейковского парторганизатора Короткова, в картузе, в сапогах бутылками, в поддевке — ни дать ни взять ярмарочный прасол, да и только. И Коротков, и шуянин, зная друг друга, смотрели в разные стороны.

«Молодцы», — мысленно похвалила их Варенцова и принялась разглядывать противоположный берег Волги, к которому медленно подходил паром. Издали заметила длинного парня в рыжем старом пиджаке, торчавшего неподалеку от сходен. Парень продавал будильник, товаром его мало кто интересовался.

Варенцова подошла к парню и тихо спросила:

— Скажите, пожалуйста, где живет полковник Брандт?

Парень, согнав с лица сонную одурь, оказался необыкновенно любезным и проговорил с готовностью:

— Если позволите, с удовольствием вас провожу.

Шагов через пятьдесят таким же любезным оказался и другой парень, продававший балалайку с оборванными струнами. Он тоже согласился проводить Ольгу Афанасьевну к дому полковника, но через пятьдесят шагов передал ее третьему, не менее приветливому парню.

Этот парень пошел с нею дальше своих предшественников. Миновали Кинешму и направились по дороге к большому селу Владычному, которое по имени находящегося в нем храма называли и Богоявленьем.

К вечеру в дом Федора Дмитриевича Смирнова, известного в подполье, поодиночке сошлись две дюжины гостей: мужчины и среди них одна женщина — тихая, пожилая, скромная. Позже всех пришел Цветков — кинешемский рабочий, худой, поджарый. Он и без провожатых знал, как найти дом Федора Дмитриевича, но, однако, сильно опоздал. Ольга Афанасьевна, сидевшая во главе стола в красном углу под иконами, попеняла Цветкову, что вот-де местный, а пришел позже других. На что тот ответил:

— Пришел бы и пораньше, да версты четыре крюк дал.

— Что так? — спросила Варенцова, насторожившись.

— Мнится, что «хвост» за мной шел, вот я и дал кругаля. И не лучше ли нам, товарищи, отсюда в лес перебраться? — не то спросил, не то посоветовал Цветков.

Только с ним никто не согласился, многие и посмеялись — у страха, мол, глаза велики.

Даже Варенцова улыбнулась. Начали обсуждать дела, тут явился и парень, который на пристани продавал будильник.

Смирнов представил его собравшимся:

— Нашенский, кличка — Дюк. Отвечает за охрану.

Дюк наспех пожевал колбасы, запил двумя глотками кваса — и за порог, проверить патрули оцепления.

Наступили сумерки, а конференция все продолжала работу. Варенцову избрали председателем, Андроникова, учителя земской школы,— секретарем.

Варенцова же предварила свой доклад следующими словами:

— Мы собрались здесь, чтобы прослушать сообщение товарища Суркова, депутата III Государственной думы, о состоянии дел в области страхования рабочих. Депутат Сурков хотел официально познакомиться с этими вопросами в Кинешме и обращался с такой просьбой к полицейскому исправнику, но тот отказал ему в отборе материалов. Вот мы и решили явочным порядком выслушать нашего рабочего-депутата, который все же разыскал эти материалы.

* * *

Минувшей весной помощник начальника Костромского губернского жандармского управления по Кинешемскому уезду ротмистр Орчинский принял на службу осведомителя Михаила Смирнова. Смирнов недавно приехал в Кинешму и записался в социал-демократическую ячейку.

В провокаторы попадали либо люди, поставленные жандармами в безвыходное положение, либо трусы, боявшиеся тюрьмы и ссылки. Реже — авантюристы, жаждавшие легких денег и острых ощущений. Смирнов отно-

сился к последней категории и, приехав в Кинешму, намеренно вступил в партию, чтобы потом извлечь свою маленькую выгоду, свой мелкий, как и его душа, профит.

Он получил от Орчинского кличку Ветров и сим псевдонимом стал подписывать доносы, адресованные благодетелю.

Такой донос Орчинский получил и во второй половине сентября. Ветров сообщал ему, что 25 числа сего месяца в окрестностях Кинешмы состоится важная социал-демократическая конференция, на которую прибудут представители трех губерний.

Где она состоится, пока неизвестно, но делегаты будут прибывать на левый берег Волги паромом, и отсюда по цепочке их станут передавать к месту сбора.

Когда делегаты утром 25 сентября стали сходить на берег, их внимательно выслеживали люди Орчинского. Филеры следовали не только за Цветковым, который распознал их, обнаружив слежку, они тайно сопровождали и других делегатов. Но, к несчастью, те их не заметили.

Цветков пришел в дом Федора Дмитриевича последним.

И только тогда Орчинский, убедившись, что конференция собралась, послал конный отряд кружным путем к селу Решма, чуть не за двадцать верст от Кинешмы, чтобы, не дай бог, не спугнуть заговорщиков.

Оттуда в полной темноте стражники выехали на северный Красносельский тракт и плотно окружили дом Федора Дмитриевича.

Было три часа ночи. Когда Орчинский соскочил с коня и, придерживая шашку, побежал к крыльцу, Дюк стукнул камнем по подоконнику, парни из патруля пронзительно засвистели.

Варенцова тут же почти все бумаги бросила в огонь. Некоторые рассовал по карманам Сурков.

Мгновение спустя в дверях появился улыбающийся Орчинский.

— Очень рад видеть такую публику. А, старый знакомый,— обратился он к Цветкову,— очень приятно... Господин Макаров, вы где изволили гастролировать?

И, обведя цепким взглядом всех прочих, узнал и «своих» — кинешемских.

— Ба, знакомые все лица,— продолжал балагурить Орчинский.— И вы здесь, госпожа Варенцова, и вы, господин Сурков... Но, признаюсь, среди собравшихся есть и неизвестные мне лица. Что ж, в ближайшее время познакомимся.

Сурков, подойдя к Орчинскому, предъявил жандарму удостоверение депутата Государственной думы и объяснил, что они собрались здесь для того, чтобы он рассказал о петербургских и думских новостях.

Орчинский притворно вздохнул и с наигранной любезностью взял под козырек.

— Вы, господин депутат,— лицо неприкосновенное, а всех прочих я обязан арестовать.

Сурков заявил протест, сказал, что непременно станет жаловаться министру внутренних дел, но ротмистр, слащаво улыбаясь, скомандовал жандармам, стоявшим в избе, всех забрать и отконвоировать в Кинешму, в тюрьму.

По дороге в тюрьму, благо путь был неблизким, шли арестованные намеренно неспешно — они обо всем договорились и решили отрицать, что их арестовали на партийном собрании. Доклад депутата Государственной думы Суркова — единственное дело, ради которого они собрались в доме Федора Дмитриевича. И точка.

И на том стояли от начала и до конца следствия.

* * *

Из Кинешмы их всех отправили в губернскую Костромскую тюрьму. За то время, когда арестованные находились в Кинешемской тюрьме, они, во-первых, до

конца обсудили повестку дня сорванной жандармами конференции и, во-вторых, в деталях разработали общую линию поведения на допросах.

Жандармы провели обыск в домах у задержанных, но и здесь ждала неудача. Только у одного из делегатов конференции, тейковского рабочего, нашли нелегальную литературу. У остальных, сколько ни искали,— ничего предосудительного.

Доказать, что собрание являлось партийной конференцией, жандармам не удалось.

17 декабря 1910 года судебный следователь скрепя сердце вынес постановление, в котором признавалось, что обвинение по части 1 статьи 102 Уголовного уложения об учинении противозаконных сборищ отменяется за недоказанностью, и в связи с этим дело должно быть прекращено.

21 декабря всех арестованных из тюрьмы выпустили. До позднего вечера бродили они по Костроме, собирая у знакомых деньги на дорогу домой.

Наконец в полной темноте добрались до вокзала

29 декабря в том же селе Богоявленье, где захватили их жандармы Орчинского, делегаты собрались снова, по справедливости решив, что жандармы даже предположить не посмеют, что они соберутся сразу же после освобождения из тюрьмы.

И оказались правы — все окончилось благополучно На сей раз были приняты окончательные решения о дальнейшей работе, которые не дали им принять три месяца назад.

Когда Ольга Афанасьевна добралась до села Богоявленье, чтобы принять участие в работе конференции, то узнала: на квартире сестры был учинен обыск и обнаружены компрометирующие бумаги.

Возвращаться в Иваново было опасно. В ночь под новый, 1911 год Ольга Афанасьевна добралась до станции и первым же поездом уехала в Москву.

— Плохо идут нынче наши дела,— вздохнув, проговорила Цецилия Самойловна Бобровская, маленькая женщина с грустными глазами и ранней сединой в черных вьющихся волосах.

Варенцова сидела понурившись.

— Я тебя еле отыскала, и это наводит на горькие размышления. Куда ни приду — везде провал... А если кто и отыщется, то никого и ничего не знает. И что совсем плохо — при разговоре глаза прячет.

— Осенью я из ссылки вернулась — ни московского, ни областного партийного центра найти не смогла,— отозвалась Бобровская.— Наконец с большим трудом вышла на Фрумкина. Тот жил нелегалом и работал в Центральном бюро профсоюзов, по чужому паспорту, разумеется. У него-то и сходились московские ниточки, только на поверку девять из десяти оказывались оборванными.

— Разве никто и не пытался восстановить организацию? — не скрывая удивления, спросила Варенцова.

— Пытались, конечно,— с грустью отвечала Цецилия Самойловна,— но инициативные группы проваливались... На данном этапе в Москве нет ни городского комитета, ни районных.— И, уловив на лице Варенцовой решительное несогласие с происходившим, Бобровская сказала: — Ольга Афанасьевна, вам следует оглядеться хорошенько, найти работу, а потом и за дело браться.

— Не хочется мне домашними уроками заниматься... Конечно, без заработка не прожить... Я, Цецилия, аудиторию люблю. И больше всего — рабочую. Если бы за занятия с рабочими деньги платили — не было бы для меня большей радости.

— Воскресные школы! — оживилась Бобровская, поправляя непослушные волосы.

— На худой конец пойдут и воскресные. Хорошо бы оказаться поближе к грамотным рабочим... Можно было бы сознательных вовлекать в партию, агитаторов готовить. Но, увы, это только мечта...

— Почему мечта,— улыбнулась Бобровская.— Ты же знаешь, есть в Москве такое заведение — Пречистенские рабочие курсы, или «Рабочий университет», как их называют в подполье. Там много наших преподает — Шестаков, Землячка, и ты будешь вместе с ними...

* * *

Пречистенские общеобразовательные рабочие курсы существовали четырнадцатый год. Их история воистину являлась зеркалом настроений рабочих и передовой интеллигенции, летописью хождения по мукам многих лучших людей, поэмой мечтаний, надежд и взлетов, скорбной повестью разочарований, падений и отчаяния. Все было в истории Пречистенских курсов. Не было одного — равнодушия и застоя.

И в 1911 году, в разгар глухой и беспросветной реакции, в пору глубокого общественного пессимизма, курсы жили напряженно, собирая под свою крышу до полутора тысяч слушателей. Кто были эти слушатели? Зачем ехали в Нижний Лесной переулок в дом Пречистенских классов?

Ехали за десятки верст после утомительного рабочего дня, тратя на конку последние копейки.

На курсах собирались преимущественно молодые люди более чем сорока профессий и специальностей. Среди слушателей были металлисты и садовники, портные и почтальоны, сапожники и певчие, фармацевты и мясники, ювелиры и чернорабочие, массажисты и часовщики.

Наиболее распространенным был тип рабочего или служащего, стремившегося «выйти в люди» — получить ат-

гестат об окончании курсов и с его помощью делать служебную карьеру. Второй тип — «студент коридорного факультета», посещавший курсы до десяти лет, знавший всех и вся. «Вечный студент» интересовался не учебой, а прогулками, самодеятельностью и товарищескими беседами о чем угодно, в любом углу курсов. И наконец, самый ценный, но не самый распространенный тип — рабочий-общественник, для которого курсы становились и средством получения революционных знаний, и местом общения с единомышленниками.

К тому же структура курсов и дух демократизма позволяли в равной мере свободно процветать любому из этих трех типов.

Во главе Пречистенских курсов долгие годы стоял инспектор Сергей Александрович Левицкий — известный присяжный поверенный, друг знаменитого Плевако. У него была пышная седая шевелюра, бородка «а-ля кардинал Ришелье».

Власти косились на Левицкого и в 1910 году устранили его от руководства курсами «за вредное направление».

Однако и после его ухода в стенах «Пречистенки» продолжал оставаться все тот же демократический дух, лишенный казенщины.

Курсы делились на три отделения — низшее, среднее и высшее. Было нечто символическое в том, что низшее отделение располагалось на первом этаже, среднее — на втором, а высшее — на третьем. На первом этаже учились те, кто до прихода сюда не умел ни читать, ни писать. За год они проходили программу двух классов начальной школы, но без «Закона божьего» и прочих церковных премудростей. По субботам и воскресеньям читались лекции по сельскому хозяйству и политической экономии на таком уровне, который был доступен малограмотному рабочему, недавно прибывшему в Москву из деревни.

В среднее отделение принимали слушателей, окончивших три класса начальной школы, и обучали их не один год, а три. Наконец, в высшем отделении занятия шли по циклам: сельскохозяйственному, правовому, философскому, историческому и другим, коли находились желающие заниматься искусством или литературой, химией или физикой, иностранными языками или географией.

Гордостью Пречистенских курсов для рабочих, как они официально именовались, была библиотека. Сначала это была обычная ученическая библиотека, мало чем отличающаяся от гимназической. Впоследствии книгоиздатель Сергей Аполлонович Скирмунт пожертвовал курсам библиотеку издательства «Образование». Воодушевленные примером, пречистенцам начали передавать свои собрания другие интеллигенты — адвокаты, ученые, публицисты Книжные фонды курсов стали столь значительны, что потребовался печатный каталог.

Такой каталог бесплатно издал Иван Дмитриевич Сытин. И читатель мог свободно ориентироваться в восьмитысячном собрании библиотеки.

В Большой аудитории третьего этажа можно было встретить представителей любой из оппозиционных правительству партий, объединенных одним стремлением — «Самодержавный российский Карфаген должен быть разрушен, революция необходима». Расхождения были в том, как разрушать Карфаген, какими силами, под чьим руководством. Наиболее серьезным успехом и поддержкой пользовались стратегия и тактика большевиков — революция должна совершаться народными массами под руководством рабочего класса и его партии.

С 1905 года под видом занятий географией или русским языком проходили собрания заводских партячеек, читались лекции, проводились беседы, инструктажи и юридические консультации. И во время перемен между уро-

ками или лекциями слушатели разговаривали об опыте борьбы, обменивались открытками с портретами казненных революционеров, получали напечатанные на папиросной бумаге правила постройки баррикад и способы обращения с оружием.

«Пречистенка» предоставляла слушателям широкие возможности выбора занятий. Здесь можно было изучать стенографию, бухгалтерский учет, историю литературы или латинский язык, можно было и погрузиться в изучение марксистской политической экономии. Политика играла важную роль. Художественная жизнь курсов также была насыщена не менее политической. Всякий интеллигент, приходивший, чтобы дать рабочим то лучшее, что у него было, и сам уходил с курсов обогащенным.

Сюда-то и зачастила Варенцова, предложив свои услуги в качестве учительницы русского языка.

* * *

С утра в здании было пусто и тихо. Ольга Афанасьевна вошла в длинный и гулкий коридор низшего отделения. Стены коридора заклеены десятками объявлений, красочных афиш. Художественный театр Станиславского, театр Корша, театр Незлобина вывесили здесь афиши спектаклей. К тому же сообщалось: на каждый спектакль ежедневно предоставляется по десять десятикопеечных билетов. Она медленно пошла вдоль стены, останавливаясь перед некоторыми объявлениями и афишами. Театр Корша приглашал на «Горе от ума», театр Незлобина — на «Мещанина во дворянстве». Художественная студия извещала, что через неделю на Мясницкой улице открывается выставка картин художников-студийцев. Комиссия по экскурсиям приглашала отправиться в поездки по Волге, на Кавказ и в Крым. Запись в Делегатском совете.

Одно из объявлений особенно понравилось Ольге Афанасьевне. «31 марта на Пречистенских курсах будут продаваться эмблемы, сбор которых поступит на «Усиление воздушного флота России». Товарищи! Воздержитесь от поддержки этой милитаристической цели, не дайте права говорить, что пролетариат России не солидарен со своими западными товарищами, товарищами, которые всеми усилиями борются с «бронированным кулаком». Не забудьте, что те, кому вы дадите свои трудовые гроши, будут воинственно брящать оружием, устрашая врага — соседа (да и внутреннего). Отказом от поддержки «бронированного кулака» вы, товарищи, протягиваете руку пролетариату всех стран».

«Ну что ж,— подумала Варенцова, прочитав последние слова объявления,— если такие призывы здесь не сдирают со стен — работать на курсах вполне можно».

* * *

Три вечера в неделю работала Варенцова на курсах, потихонечку знакомясь со слушателями. Выделив из слушателей троих, она вскоре убедилась, что не ошиблась в них

Откровенный же разговор повела с одним, показавшимся ей самым серьезным из этих троих. Это был Василий Модестов — рабочий с мануфактурной фабрики Гюбнера, активный член профсоюза, входивший в совет фабричной «больничной кассы».

Ольга Афанасьевна попросила Модестова связаться с большевиками на фабрике и через проверенных товарищей — слушателей Пречистенских курсов — разведать обстановку на других заводах и фабриках.

К тому же она получала информацию о положении дел в Москве, в это время не имевшей ни городского, ни районных комитетов партии, разгромленных жандармами, от большевиков-интеллигентов, группировавшихся

вокруг редакции легального большевистского журнала «Мысль», печатавшегося в Москве.

Журнал имел связь со многими большевиками — подписчиками, читателями, авторами.

Используя их всех, Варенцова решила начать большое дело — воссоздать Московский городской и районный комитеты, восстановить наконец в полном объеме сеть первичных партийных организаций.

Бобровская писала потом об этом времени: «На протяжении всех этих лет над Москвою висело какое-то проклятие, все товарищи, бравшие на себя инициативу восстановить МК, неизменно запутывались в трех основных, чисто московских провокаторах, как в трех соснах,— Романов, Поскребухин, Маракушев».

Варенцова начала новое дело медленно, осторожно.

Летом 1911 года ее познакомили с Борисом Бреславом — человеком легендарной судьбы, за которым значилось не менее десятка арестов и ровно столько же побегов. Бреслав был в разное время и членом Петербургского и Московского комитетов РСДРП, и ответственным парторганизатором в других городах. Бреслав рассказал Ольге Афанасьевне, что в Петербурге воссоздан городской комитет партии и начала выходить большевистская газета «Звезда». Варенцова обрадовалась: пример петербуржцев подтверждал — безнадежных ситуаций не бывает, и если под боком у царя сумели восстановить партийную организацию, то и в Москве надобно сделать то же самое.

Однако Бреслава в очередной раз арестовали, и вместе с ним оказалась в тюрьме и ценнейшая информация, которой он располагал.

Варенцова была в отчаянии.

Пражская конференция, проходившая в январе 1912 года, многое прояснила в организационно-партийной работе. В марте в Москву из Праги приехал Гри-

горий Константинович Орджоникидзе и на собраниях рассказал, как работала конференция.

«Главные требования партии,— говорил Орджоникидзе,— остаются прежними, это — демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли. Важнейшим внутрипартийным вопросом был вопрос очищения партии от оппортунистов, прежде всего — ликвидаторов. Люди, продолжающие настаивать на ликвидации партии, не имеют права считать себя членами РСДРП».

Летом в Москве действовало несколько районных комитетов, основу которых, как и в Петербурге, составляли фабрично-заводские ячейки. В июле прошли собрания представителей ячеек, возникла «Инициативная группа» по воссозданию городской партийной организации.

5 августа 1912 года в лесу, неподалеку от станции Люблино, «Инициативная группа» провела конференцию и утвердила городской комитет и исполнительную комиссию. Однако через непродолжительное время почти весь городской комитет был арестован. Из руководителей уцелел Василий Шумкин — рабочий-металлист, с которым Варенцова была в добрых отношениях.

Он и всегда был везучим — чудом уцелел в декабре 1905 года, командуя дружиной завода «Гужон», чудом избежал каторги и на сей раз уцелел благодаря чистой случайности.

Варенцова оказалась на высоте положения. Не теряя ни дня, она взяла на себя руководство Московской городской партийной организацией, встав во главе новой «Инициативной группы по восстановлению Московского комитета». 10 октября 1912 года собрались на совещание. В задуманном самым мощным средством могла бы быть газета. Но не общероссийская, какой была «Правда», выходящая в Петербурге, а своя, московская газета.

Прикинули: сколько это может стоить, кто будет редактировать, на какие литературные силы можно рассчитывать? И решили для начала написать письмо в «Правду», а там посмотреть, как пойдет дело.

И уполномочили на это Ольгу Афанасьевну.

* * *

24 ноября 1912 года «Правда» опубликовала письмо группы московских рабочих, озаглавив его «Рабочая газета в Москве».

Из соображений конспиративных — авторы писем и статей «Правды» чаще, чем корреспонденты другой газеты, подвергались арестам, допросам — редакция и подписала его: «Группа московских рабочих».

Оказалось, одного письма недостаточно. Дни шли, денежных взносов на московскую газету почти не поступало. И тогда в дело вступил Стриевский. Он собрал у себя на электростанции двадцать один рубль и послал деньги в «Правду», сопроводив перевод статьей, которая была помещена в номере за 11 декабря 1912 года.

И вслед за этим лед тронулся. В редакцию «Правды» пошли денежные переводы и письма со всех концов России.

29 декабря «Правда» опубликовала письмо рабочих Брянского завода из Екатеринослава:

«Прочитавши в газете «Правда» о положенном начале создания московскими товарищами местной рабочей газеты, мы, брянские рабочие, вполне присоединяемся к их благому начинанию и на фонд будущей рабочей газеты посылаем через газету «Правда» 21 р. 6 к.».

Анонимная группа, назвавшаяся «Московские марксисты», прислала в фонд московской рабочей газеты собранные 48 рублей.

Были переводы в два-три рубля и даже меньше.

Кроме газеты у Ольги Афанасьевны оказалось немало и всяческих иных забот. Осенью приехал из Иваново-Вознесенска ее «партийный внук» Федор Никитич Самойлов. В свое время Варенцова стала «крестной матерью» Смирнова-Малкова, а тот вовлек в партию Самойлова. Таким образом, Ольга Афанасьевна стала для Самойлова «партийной бабушкой».

В 1912 году «внук» шагал широко и уверенно. За его плечами осталось и руководство стачкой, и работа в Совете уполномоченных, и деятельность в профсоюзе ситцепечатников.

При подготовке к выборам в IV Государственную думу большевики выдвинули его депутатом от рабочей курии Владимирской губернии. Он приехал к Варенцовой, чтобы познакомить ее с «Наказом депутату» — списком предвыборных требований рабочих, иными словами, программой деятельности рабочего депутата в Думе. Вскоре Самойлов стал одним из шести депутатов-большевиков в IV Государственной думе.

Кончался 1912 год — трудный, переломный, кризисный. Хотелось верить, что дальше будет легче.

* * *

1913 год начался звоном колоколов и ревом труб: 21 февраля исполнялось триста лет царствующему дому Романовых. Юбилейные торжества должны были затмить все предыдущие когда-либо проводившиеся государственные празднества. Центром празднеств была объявлена Москва. Московские большевики решили сорвать монархическую вакханалию, испортить августейшей фамилии семейный романовский праздник.

Въезд Николая II в Москву должен был состояться летом, но уже зимой, с самого рождества, заработали полицейские метлы — расчищали государю дорожку.

В январе кривая арестов в Москве резко поползла вверх. Следовало во что бы то ни стало ускорить созыв общегородской конференции для выборов городского комитета партии вместо арестованного охранкой. И здесь на помощь Варенцовой пришли товарищи — бывший секретарь Московского городского комитета Шумкин, возвратившийся от Ленина с мандатом агента ЦК, и двадцатидвухлетний журналист Александр Аросев.

Ольга Афанасьевна передала полномочия руководителя «Инициативной группы» Шумкину, с Аросевым продолжила работу по созданию газеты и дезорганизации предстоящего царского юбилея.

* * *

Александр Яковлевич Аросев прибыл в Москву из Петербурга. Дорога из одной столицы в другую была для него приятной, наполненной комфортом, но, к сожалению, короткой. Аросев почти всю ночь пролежал в вагоне с открытыми глазами, испытывая удовольствие от мягкого покачивания, и вспоминал...

Почти за год до появления в Москве, 12 января 1912 года, был Александр Яковлевич в очередной раз арестован и выслан в Архангельскую губернию. До Архангельска добирался поездом, в губернское жандармское управление явился франтом — сказывалось недавнее пребывание за границей.

Получив предписание проживать в Мезенском уезде, он проехал до города Мезени 250 верст санным путем и водворен был в деревню Долгая Щель.

Александр Яковлевич дождался начала распутицы. Дороги стали непролазными, болота — топкими, и, раздобыв компас, он ушел из Долгой Щели на юго-запад. Зная, что погоня будет непременно, он шел петляя, переодеваясь — то просто мужиком, то странником, добавляя

к мужицкой одежде посох и церковную кружку или кнут ездока, потерявшего лошадь. Так отмахал он три сотни верст, вышел на «железку» и белыми ночами заявился в Петербург.

И вот теперь, в начале 1913 года, Аросев приехал в Москву, получив задание войти в «Инициативную группу» и заняться организацией московской газеты и работой по срыву предстоящего празднования 300-летия дома Романовых.

В Москве у Аросева было немало знакомых социал-демократов, пароль был к Виктору Тихомирнову — члену «Инициативной группы», старому другу, с которым довелось расстаться год назад при обстоятельствах запоминающихся...

* * *

Аросев пришел к Тихомирнову, когда у него в гостях был незнакомый мужчина средних лет с цепким и быстрым взглядом глубоко посаженных глаз. После первых радостных восклицаний Виктор представил друга, и Аросев узнал, что зовут нового знакомца Алексей Иванович Лобов, по профессии он — партийный журналист.

Рекомендуясь, Лобов крепко пожал руку Аросеву и еще раз пристально, с прищуром, поглядел ему прямо в глаза.

— Давно знаете друг друга? — спросил Лобов, непонятно к кому из них двоих адресуясь.

— С младых ногтей,- ответил с улыбкой Тихомирнов, и по всему было видно, что рассказ об Александре Аросеве доставит ему удовольствие,— со школьной скамьи.

— Интересно было бы послушать,— оживился Лобов,— по журналистской привычке очень люблю слушать всякие истории. Иной раз такая жизненная мозаика выступает: сколько ни фантазируй, и половины не придумаешь.

— Сначала никакой интересной мозаики не было,— проговорил Аросев.— Жили в Казани, учились в Первом реальном. Дружили вчетвером: я, Виктор и еще двое наших товарищей-однокашников.

— Нас даже прозвали «Четыре мушкетера» — вставил Тихомирнов.— И вчетвером посадили — за создание социал-демократической организации учащихся.

— И чем же все это кончилось? — с живейшим интересом откликнулся Лобов.

— Сослали всех в Вологодскую губернию. Родители наши, конечно, всполошились: дети, училище не закончили, ах, что будет? — иронизировал Тихомирнов.

— Мои не всполошились,— с заметной гордостью проговорил Аросев.

— Отчего же не всполошились? — снова поинтересовался Лобов.

— У меня дед со стороны мамы, Август Гольдшмидт, был сослан в Пермь по делу «Народной воли». А оттуда перебрался в Казань. В семье политическая ссылка была не в новинку, да и родители мои, пожалуй, были готовы к такому повороту событий.

— А у всех прочих, выходит, не готовы? — спросил Лобов.

— Выходит, не готовы,— подтвердил Аросев.— Были столь наивны, что послали письмо председателю Совета министров Столыпину со слезной просьбой заменить ссылку изгнанием за границу для окончания образования. Их высокопревосходительство ответил примерно так: «Если бы они были рабочие, я бы отпустил их за границу, ибо рабочих не исправишь. От негодных рабочих нужно просто избавляться. А так как они учащиеся, интеллигенты, то ссылка, спокойный Север их могут исправить, и они еще пригодятся государству».

— Мои родители добились,— проговорил Тихомирнов,— и мне разрешили уехать за границу, а Саша,—

Пролетарін всѣх стран
Соєдиняйтес!
Даздравсівует
Интернаціонал!

он указал на Аросева,— из Тотьмы бежал сначала в Петербург, потом за границу.

— И где же вы жили? В Женеве? — вежливо полюбопытствовал Лобов — приятный собеседник, которому все интересно и который к тому же не утомляет собственными воспоминаниями, но слушает с живейшим интересом.

— Нет,— ответил Аросев.— Я приехал в Бельгию и поступил в Льежский университет на филологический факультет. И проучился бы бог весть сколько, но Виктору пришла идея бросить все и побродяжить по Европе. Впрочем, не бездумно, но с пользой для дела: поглядеть на знаменитые кунсткамеры Франции и Италии и повидаться с соотечественниками в эмиграции.

— Преинтереснейшая затея,— одобрительно буркнул Лобов.— И кого же довелось повидать?

— Да, пожалуй, более других запомнился Горький,— ответил Аросев. Помолчал, вспоминая события двухлетней давности, и продолжил: — Добрались до Капри. Спросил буквально первого встречного: «Где живет синьор Горький?»

Вошли мы с Виктором в дом, где жил Горький. Встретила нас его жена, Мария Федоровна, провела нас в небольшую приемную, оттуда в столовую. Подала чаю и сказала, что Алексей Максимович скоро выйдет, что занимается он физикой и пока не кончит урока, не появится. Через час вошел высокий человек в ярко-желтой куртке, несколько согбенный.— Аросев помолчал, старательно взвешивая каждое слово о Горьком.— Глаза его глубоко запали и смотрели на мир испытующе. Голова была наголо выбрита, как у татарина.

— Здорово! — искренне восхитился Лобов.— Вам надо всерьез заняться писаниной. Я журналист-профессионал, я понимаю. У вас это получится.

— Придется, хочешь или не хочешь,— сказал Аросев.— Мне поручено вместе с Варенцовой заняться московской газетой и листовками к трехсотлетию.

— Прекрасное и нужное дело! — столь же восторженно отозвался Лобов.— Если не возражаете, у меня есть соображения по этому вопросу.

— Конечно, Алексей Иванович,— согласился Тихомирнов.— Разве наш опыт сравнить с вашим?

И Лобов, весьма сим польщенный, начал выкладывать целый ворох осенивших его соображений.

* * *

Лобов не бескорыстно интересовался всякими житейскими историями. Он извлекал из них не только полезные сведения, которые могли пригодиться ему как журналисту, но прежде всего в «жизненных мозаиках» схватывал узор, более всего интересующий не читающую публику, а надзирающую. И более корреспонденций в газеты и журналы любил Лобов конфиденциальные письма в жандармскую преисподнюю, над коей в газетах измывался как только мог.

Аросева арестовали 20 февраля 1913 года, в ночь на 24 февраля была арестована Ольга Афанасьевна и все члены группы. Чтобы замести следы, 19 марта арестовали и самого доносчика.

31 марта «Правда» опубликовала заметку из Москвы, продиктованную редакции по телефону — на почтовую связь из-за жандармского любопытства надеяться было нельзя.

«Аресты в связи с организацией московской рабочей газеты» — так называлась эта заметка. И в ней сообщалось:

«19 марта арестованы журналист Алексей Иванович Лобов, электротехник Иван Михайлович Голубев, выбор-

щики в IV Государственную думу М. Ф. Федорков, Н. Л. Алексеев и др. Причиной ареста, как это выяснилось при допросе, послужило участие этих лиц в организации рабочей газеты в Москве.

При обыске было взято заявление социал-демократического депутата Государственной думы Р. Малиновского о разрешении газеты. Все арестованные сидят в Арбатском арестном доме (Столовый пер., близ Никитских ворот)».

Потом их всех — числом 23— раскассировали по разным московским тюрьмам и через четыре месяца разослали по гиблым местам, предназначенным для граждан такой категории.

Ольга Афанасьевна, Стриевский и Тихомирнов высылались на север Олонецкой губернии на три года. Аросев — в Чердынский уезд Пермской губернии на четыре.

У Варенцовой это был шестой арест — к счастью, последний.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В мае 1913 года Варенцову перевели в карельскую деревню Нигижму Пудожского уезда Олонецкой губернии. Расселяли ссыльных по деревням, жители которых не понимали русского языка, и от этого чувство одиночества нерасторжимо переплеталось с ощущением безысходности.

Деревня лежала среди непроходимых болот, за дальними буераками, в глубине Восточного Заонежья. Из-за вечной сырости у Ольги Афанасьевны разыгрался острый ревматизм. Болея и томясь от вынужденной праздности, Варенцова находила отраду в переписке с друзьями.

Стриевский был неподалеку — всего в трехстах верстах, в такой же дыре, как и Нигижма, — деревне

Куганволоке. Осенью в двух карельских деревнях, Ругозеро и Поросозеро, появилась колония ивановцев — Гнедин с шестью товарищами-большевиками.

Варенцова переписывалась со Стриевским, Гнединым, Тихомирновым, старыми подругами Софьей Шестерниной и Екатериной Новицкой. «Единственное развлечение — писать письма,— сообщала она Новицкой.— Такой глухомани я еще не встречала. Кругом болота, вечерние испарения не дают дышать».

Зато как же она радовалась, когда получала сообщения друзей!

В сентябре от Шестерниной пришло письмо:

«Не пропал твой труд. Пламя разгорелось. Газета «Наш путь» дошла до сердец десяти тысяч читателей. Произошло сие событие 25 августа».

«Славно... Как славно! Значит, московская газета вышла! Значит, не пропали даром труды и жертвы, и, стало быть, не напрасно мучаюсь я в этом царстве гнуса и комаров!» — думала Ольга Афанасьевна.

Перечитала письмо еще раз и написала ответ Софье Павловне: «Я еще раз убедилась, что каждое деяние небесплодно. Твое сообщение о «Нашем пути» доказало правильность моей житейской философии».

Прозябать в этом медвежьем углу Варенцова не могла. Нужно было во что бы то ни стало вырваться из этой глухомани.

И опять нашелся добрый доктор, который вытребовал ее на лечение в уездный городок Пудож. И хоть было в городке всего две тысячи жителей, но по сравнению с Нигижмой Пудож показался Ольге Афанасьевне столицей. Да и места здесь куда попригляднее — лежал он на правом берегу тихой реки Водлы, и дороги вели к местам обжитым и населенным — в Архангельск, в Петрозаводск, в Вологду.

Два пудожских врача дали Ольге Афанасьевне медицинское заключение, позволившее ей просить перевода на поселение в Вологду.

И это заключение «сработало». В конце декабря 1913 года Варенцова через Петрозаводск и Волхов проехала в Вологду и в начале января остановилась там у политической ссыльной Марии Ильиничны Ульяновой. Жила она в центре города в деревянном доме, в маленькой квартирке на втором этаже, в окна которой глядела сирень. Махровая. Белая. С каплями дождя на гроздьях. Правда, чудо это случалось летними днями. А пока сугробы да белая вьюга слепили глаза...

* * *

Мария Ильинична доживала в Вологде последний год. Осенью кончался срок ее ссылки, и потому она продумывала планы своей будущей деятельности. Делилась ими с Варенцовой. И Ольга Афанасьевна была рада этому несказанно — долгие месяцы вынужденного безделья в Нигижме казались страшным сном. А теперь жизнь продолжается, и она в этой жизни может коечто сделать.

Мария Ильинична сказала, что в Вологде работает культурно-просветительное общество «Просвещение», что вскоре станут приезжать известные ученые и литераторы и под легальным прикрытием общества можно организовывать разнообразные мероприятия — от публичных платных лекций большевиков, сбора средств на партийные нужды, до партийных собраний.

Так оно и получилось: Мария Ильинична за два года ссылки изучила местные условия, и прогноз ее основывался не на умозрительных предположениях, а на знании жизни.

Летом четырнадцатого года началась мировая война.

Обстановка осложнилась. В августе Мария Ильинична Ульянова была на месяц посажена в тюрьму. Ольга Афанасьевна административным порядком, без суда и следствия, сослана в богоспасаемый град Кадников, к счастью, расположенный неподалеку от Вологды.

* * *

В Кадникове ее и застало начало империалистической войны. Отслужили в местных храмах молебны на «одоление иноверных»; через неделю на убогих улочках появились первые мобилизованные.

Варенцова стояла у окна, опустив бессильно руки. По улице, пошатываясь от выпитого «казенного» вина, шел, терзая тальянку, новобранец. Широко разевая рот, он не столько пел, сколько кричал:

«Вы прощайте-ко, дефки, бабы:
Нам топерецки, девушки, не до вас,
Нам топерецки, девушки, не до вас,
В совдатушки нынеци ладят нас.»

«Вот он, христолюбивый воин, защита Отечества,— подумала Варенцова с жалостью к солдату.— Оболванили, напоили водкой и гонят на убой».

Она отошла от окна и села за стол. На столе лежала раскрытая тетрадь — записи ее нового знакомого, милейшего и добрейшего человека Андрея Алексеевича Шустикова, краеведа-энтузиаста, влюбленного в Кадников и его историю.

По мостовой, поднимая клубы пыли, тащилась подвода, нагруженная тюками хлопка. Колеса проваливались в разбитые и размытые прошедшими дождями колеи, и мужик, спрыгнув с возка, плечом подпирал тюки.

Кадников — городок небольшой — славился ткацкими мануфактурами, кроме которых были лишь покосив-

шиеся домишки из почерневших бревен, где ютился согнутый нуждой рабочий люд. Домишки врастали по окна в грязь разбитых дорог с редкими дощечками, уложенными по краям для пешеходов. Грязь не просыхала и в погожие дни.

И все же городок был близок сердцу Ольги Афанасьевны - она знала, что здесь, в Кадникове, не одна она переносит тяготы ссылки. В «подмосковную Сибирь» издавна ссылалось не одно поколение «государственных супостатов» — бунтарей и просветителей, чьими именами уже теперь начинала гордиться Россия. И это делало и ее, Ольгу Варенцову, причастной к великому сонму героев и мучеников — крестьян, разночинцев, дворян, рабочих, которых объединяло одно имя: революционеры. Отсюда, из Кадникова, бежал в заграничное изгнание Петр Лавров — властитель дум всех честных людей России. И именно его слова, запомнившиеся еще со студенческих лет, она твердила в минуты испытаний: «Надо действовать и бороться... Надо вооружаться для действия и борьбы».

Ольга Афанасьевна положила локти на скатерть и продолжила чтение, от которого отвлек ее крик пьяного новобранца.

«Первое письменное о городе упоминание относится к 1791 году, когда Кадников посетил друг опального Радищева Петр Иванович Челищев. «Въехавши в город Кадников,— писал он,— остановился в доме кадниковского господина исправника Петра Александровича, князя Юхтинского. Сколько в нем какого звания жителей и чем купечество и мещанство торгуют и промышляют, о том за краткостью времени узнать не могли, а известно, что превращенного из крестьянства и мещанства до ста душ и у всех у них только три лавки с мелочными, нужными для крестьянства товарами». Далее Шустиков по примеру своих ученых собратий

сделал ссылку на книгу Челищева «Путешествие по Северу России в 1791 году».

«Челищева,— продолжал Шустиков,— удивило и то что в Кадникове не было ни одной церкви. Бывший здесь деревянный храм за семь лет до его приезда сгорел, а новый кадниковцы никак построить не могли и только еще через десять лет еле осилили построение «холодного» собора, а «теплый» возвели аж через двадцать четыре года. Кадников почти не рос. Только через пять — десять лет после того, как его объявили городом, в нем был построен единственный каменный дом, а через сто лет появилась пригородная слобода с весьма красноречивым названием — Выползуха.

Улицы города были столь грязны, что осенью проехать по ним можно было только верхом — телеги тонули в жидком глиняном месиве, домишки сплошь были ветхи и убоги, в тесных лавчонках убогая рухлядь свалена была как попало — в одной и той же лавке продавали и красный товар, и бакалею, и кожевенные, и шорные, и железные, и москательные товары. Все они — смешаны, перебиты и навалены на полках, на полу, на прилавке и окнах — в пыли и грязи измызганные, истрепанные, затасканные».

Ольга Афанасьевна, оторвавшись от чтения, вздохнула: «А нынче-то намного ли лучше? Только и отличия от прошедших времен — появилась больница на сорок коек, два приходских училища — мужское и женское, и, сверх того, такое множество питейных заведений, что позавидует и губернский город...»

И еще припомнился ей разговор с Шустиковым, быстрым, юрким, вечно куда-то спешившим.

— Поверьте мне, Ольга Афанасьевна,— возмущался Шустиков,— кадниковцы деятельны и трудолюбивы, и скудная северная природа не помеха для них, но насупротив тому — подспорье. Только не каждому...

Прежде всего тем, кто не покладая рук круглый год работает неусыпно, неустанно. Посудите, любезная Ольга Афанасьевна, едва закончится жатва и хлеб свезут на гумно, а солому и сено соберут в стога, как нужно молотить и молоть муку, вслед за тем ремонтировать постройки — избу, баню, хлева, сараи. Управился со строительными делами — тут же надобно идти в лес. И живут мужики целую зиму в лесу, на заимках: рубят дрова, курят деготь и смолу, возят в Вологду обозами дрова и доски, а домой — воду и сено. А наступает весна — идет мужик на лесосплав или уходит в бурлаки и, возвратившись по весне домой, опять берется за соху и топор.

Ольга Афанасьевна вспомнила все это и улыбнулась — можно найти пути и к их сердцам, и к их разуму. Но, конечно, сделать это нелегко. И на память ей пришел разговор с местным доктором-земцем, интеллигентным и добродушным человеком.

Варенцова, познакомившись с доктором, рассказала о смешном случае, которому оказалась свидетельницей сразу же по приезде в Кадников.

Когда стала она искать для себя квартиру, то зашла в избу, показавшуюся ей почище и попросторнее иных.

На полу стояла сковорода, и в ней горели какие-то ветки. Бабы, приподняв юбки, перешагивали через сковороду.

— Что это вы делаете? — спросила Ольга Афанасьевна.

— Поди не знаешь? — удивилась одна из них.— Нонче храмовый праздник, кто в этот день вереском окурится, тому все грехи прощаются и цельный год болезнь не тронет.

— А еще что нужно делать, чтоб не болеть?

— Подкову надобно на порог избы прибить,— ответила старуха в черном платке, повязанном по самые глаза.— Только подкова должна быть найденной.

— И всех-то делов? — лукаво усмехнулась Варенцова.— Просто-то как! Прибил подкову — и ни врачи, ни фельдшеры не понадобятся.

— А ты не смейся,— обиделась баба.— Я вот сколь лет головой маялась, а на храмовый праздник не причесалась — и всякую боль как рукой сняло.

Доктор, выслушав Ольгу Афанасьевну, согласно кивнул.

— Когда я сюда приехал, то что бы вы думали застал? Большинство жителей верили, что от болезни довольно носить на шее веревочку с мешочком, а в нем — дольку чеснока, гвоздь от подковы да пучок сушеной травы. Траву называют здесь «Петров крест». Коли человек заболевал тифом, то под голову ему клали топор, а в ноги — грязную женскую сорочку. Если больной после этого метался — значит, действительно болел тифом. И меры применялись действенные - знахарка бормотала заговор, а поп обносил огонь вокруг деревни

— Огонь-то зачем? — спросила Варенцова.

— Считается: если обнести огонь или пропахать сохой вокруг деревни борозду, эпидемия не распространится,— вздохнул доктор.— И вообще, почтеннейшая Ольга Афанасьевна, мы живем в одном мире, а народ совершенно в другом. Мы живем в мире объективных законов, а вокруг них творятся дивные дела: в овинах и в подполах живут домовые, которые по ночам часто стонут. Если кто-нибудь тонет, или рвется невод, или ломается острога, то и этому есть причина: в бочагах и реках прячутся водяные.

А что касается леших, то в их существовании никто не сомневается: в одной деревне леший полюбил женщину, и она прижила от него сына — Мирона. Все Миронова потомство стало прозываться Лешаками. Так и ныне живут Лешаки. И даже в церковь по праздникам ходят.— И, помолчав недолго, доктор в сердцах

добавил: — Более всего люди верят в заговоры. От змеиного укуса нужно налить в чашку воды и над чашкой проговорить: «Сарпра, шуфа, доманиха, путиха, боротва, марта, кванна, дунай». После троекратного повторения этой белиберды знахарь выливает воду на укушенное змеей место и добавляет: «Говори, ты, змей, идем в море по воду, а у меня море в роте». И, завершая лечение, плюет на рану.

От зубной боли берут веточку березы, прикусывают ее зубами и тоже трижды бормочут: «Прутик, я тебя избавлю хоть от ветру, хоть от визорю, а ты меня избавь от зубной боли». И затем веточку бросают в сторону.

И дивно, Ольга Афанасьевна, что делают это и верят люди столь же разумные, как вы и как я. Так позвольте спросить, милейшая: неужели эти люди будут слушать беседы о Марксе и Энгельсе и вникать в суть разногласий между Ульяновым и Плехановым?

И хотя нынче в уезде открыто чуть ли не сто начальных училищ и девяносто церковноприходских школ, шестьдесят детей из ста грамоте не учатся... Одна школа приходится на много верст.

Пока невежество не будет искоренено, ни о какой социальной революции не может быть и речи.

— Сколько же лет уйдет на то, чтобы искоренить невежество? — спросила Варенцова, испытывая раздражение против философствующего земца.

— Не знаю,— печально откликнулся доктор.— Может быть, сто, а может, и двести.

— Ну и что, будем ждать? — зло выговорила Варенцова.

— Не знаю,— повторил доктор.

— А я знаю,— отрубила Ольга Афанасьевна.— Мы ждать не станем. Сначала совершим революцию, потом

за десять лет вытащим народ из нищеты и невежества. За десять, а не за двести.

— О чем задумались, Ольга Афанасьевна? — услышала Варенцова тихий голос неслышно вошедшего в избу Шустикова.— Не угодно ли по городу пройтись? Я хочу вам показать один прелюбопытный домик.

Ольга Афанасьевна взглянула в окно. Погода стояла чудесная, и даже на листве сирени, в которой утопал городок, казалось, было меньше пыли.

«Почему бы и нет? — подумала она.— Старик такое знает, о чем и в книге не прочтешь». И, встав из-за стола, сказала приветливо:

— С удовольствием, Андрей Алексеевич, прогуляюсь с вами.

* * *

Через десять минут оказались они на главной городской магистрали — Дворянской улице.

— Вот здесь-то я и покажу вам одну из главнейших кадниковских достопримечательностей. Город наш, Ольга Афанасьевна, давно облюбован правительством как наипригоднейшее к ссылке место. Осенью 1868 года прислан был сюда известный Петр Лаврович Лавров. Приехал со старушкой матерью и двумя жандармами и поселился в этом самом доме, в ту пору принадлежавшем господину Снеткову.— Шустиков показал Ольге Афанасьевне ничем не примечательный домик, окнами выходивший на почтовый тракт.— Вот здесь и жил Петр Лаврович. Жандармам не было велено докучать частыми визитами, и они ограничивались тем, что вечером, когда Лавров зажигал лампу, проходили мимо и заглядывали в окна. Если свет горел, на белых шторах металась его тень, то, стало быть, поднадзорный на месте. Этим-то и воспољ-

зовался небезызвестный Герман Александрович Лопатин, который организовал побег Лаврова из Кадникова. Он договорился с самым лихим ямщиком по имени Кузьма, и тот поздним вечером 15 февраля 1870 года умчал Лаврова и Лопатина из города.

Мамаша его, спустив шторы, зажгла лампу. А потом размеренно ходила по комнате, чем ввела жандармов в совершеннейшее заблуждение: они, увидев мелькавшую на шторах тень, решили, что все в порядке, и мирно отправились почивать. Лавров и Лопатин, одетый, кстати сказать, в офицерскую форму, добрались до Вологды, затем до Ярославля — и были таковы. Ну а потом Лавров оказался в Париже.

Ольга Афанасьевна улыбнулась.

— И откуда вы все, Андрей Алексеевич, знаете?

Шустиков с некоторым смущением, но и не без гордости ответил:

— Сколько себя помню, Ольга Афанасьевна, всегда увлекала меня история города и нашего уезда. И, надо сказать, немало довелось узнать о сих предметах прелюбопытнейших сведений. Петр Лаврович на особом счету. Умнейший, должен я доложить, человек. И честнейший.

Варенцова тихо вздохнула: Лаврова любила и она. Конечно, всей сложности Лаврова Шустиков не понимал, да и она разъяснять старику не захотела — не примет ее резонов да к тому же обидится. И миролюбиво спросила:

— Почему, Андрей Алексеевич, вы считаете Лаврова умнейшим?

— Бог с вами... Почитайте его «Исторические письма». Есть у меня эта книжка. С удовольствием дам ее вам на сон грядущий.

«И то,— подумала Варенцова,— возьму, перечитаю».

* * *

Почтовый тракт, проходящий через Кадников и связывающий Вологду с Архангельском, еще год назад часто бывал пуст из-за весенних распутиц, из-за снежных заносов зимой. И хотя от Кадникова до Вологды всего сорок две версты, казалось, что лежит город на краю света, у полуночных морей. Ощущение это становилось совершеннейшей явью, когда в середине зимы загорались сполохи северных сияний.

С началом войны многое переменилось. Узкоколейная железная дорога между Архангельском и Вологдой захлебывалась от потоков грузов. Тысячи солдат и рабочих круглыми сутками перешивали железнодорожное полотно, расширяя его. Движение проходило с перебоями, и тракт Архангельск — Вологда стал одной из оживленнейших дорог севера России.

Правда, иногда погода брала свое — движение затихало, и вместе с этим покой и довоенная сонная одурь приходила в Кадников.

Ольга Афанасьевна много читала — пожалуй, никогда в жизни не было у нее столько свободного времени. Конечно, в ссылке в Нигижме его было еще больше, но только потому, что там не было книг. А здесь, в Кадникове, книги водились: и у Шустикова была неплохая библиотечка, и у преподавателей местных училищ, и у доктора тоже имелись книги.

Да и до Вологды по бездорожью часа за четыре можно было добраться с попутной оказией. А там книг хватало. И в Москву время от времени можно было наведаться на неделю-другую: у жандармов из-за войны хлопот прибавилось, и слежка за ссыльными ослабела.

Так и прошло почти два года.

К осени 1916 года срок ссылки истек, и Ольга Афанасьевна вернулась в Москву.

* * *

И снова Москва. Шумная. Златоглавая. Заваленная сугробами. Багровая от флагов. И заполненная людьми с красными бантами на груди.

Утром 28 февраля 1917 года Варенцова пришла в городской комитет партии, занявший несколько комнат в Капцовском училище. В одной из них нашла секретаря МК Землячку в черном строгом платье с белым воротничком. Землячка почти не изменилась. Только на большом открытом лбу появились морщины, да больше обычного бил сухой кашель. Розалия Самойловна сильно встряхнула руку Варенцовой, сказала, сдерживая радость:

— Дожили до революции... Поздравлять пока особенно не с чем, но все же — праздник. В празднике не потерять бы нам голову. Не упустить бы победу, как случилось в 1905-м. И потому сразу же перейду к делу. Вам, Ольга Афанасьевна, целесообразнее всего взяться за работу в Военном бюро. Оно хотя и значится при Московском городском комитете партии, но глава его — Соколов. Сложная личность. И проводит не нашу, а собственную линию.

— Какой Соколов? — спросила Варенцова.— Я знаю нескольких.

— Товарищ Станислав,— ответила Землячка.— В пятом году был неплохим агитатором. Но в последнее время увлекся так называемой защитой Отечества. Партийная линия превращения войны империалистической в войну гражданскую его не устраивает. Позицию он занял социал-шовинистическую. Нужно «Военку» у него забрать.

— На кого же можно опереться? Есть там настоящие большевики?

— Опираться следует на городской комитет. В «Военку» нужно ввести двух крепких товарищей. Советую

привлечь для работы Крюкова и Лапшова. Правда, они — офицеры, но среди солдат гарнизона пользуются авторитетом.

Варенцова вышла из городского комитета и по Леонтьевскому переулку пошла к Скобелевской площади, на углу которой в гостинице «Дрезден» располагалось Военное бюро при МК РСДРП.

В пустой комнате за единственным столом двое мужчин вяло передвигали шашки. Один из них, когда она вошла, приподнял голову.

— Здравствуй, Станислав,— холодно произнесла Варенцова,— ты-то как раз мне и нужен.

— Здравствуй, Ольга Афанасьевна,— отозвался тот.— Теперь можно обходиться без кличек — свобода. Я нынче — гражданин Соколов, как и ты — гражданка Варенцова.

— Я шла не к гражданину Соколову, а к товарищу Станиславу, да, видать, ты и впрямь больше гражданин, чем товарищ,— сказала, словно отрезала, Варенцова.

— Чего ты так, Ольга Афанасьевна?

— А то, гражданин Соколов, что надобно все дела «Военки» мне передать.

Соколов опешил.

— У тебя мандат или решение? — разозлился он.

— Соберем товарищей и решим,— подчеркнуто спокойно ответила Варенцова,— тогда и в шашки сможешь круглые сутки играть.

При этих словах второй игрок встал и шмыгнул за дверь, не желая привлекать внимания к своей персоне.

Соколов, оставшись с Варенцовой наедине, обмяк и обиженно произнес:

— Бери власть, товарищ Варенцова, свергай старого революционера. Посмотрим, как ты без Соколова обойдешься.

Варенцова промолчала. Соколов быстро встал и ушел, не попрощавшись.

«Видать, и сам рад, что избавился от хомута, вон как прытко сбежал»,— подумала Ольга Афанасьевна

* * *

К середине марта «Военка» была перестроена. Крюков и Лапшов оказались хорошими помощниками. В скором времени появился Александр Аросев. Он приехал из Петрограда — по мобилизации был направлен во 2-ю школу прапорщиков — и по прибытии в Москву разыскал городской комитет и оттуда попал в «Военку».

Секретарем Военного бюро единогласно избрали Ольгу Афанасьевну. И снова, в который раз, стала она секретарем партийной организации — душой и руководителем большевиков, рассыпанных по казармам, мастерским, штабам, складам, узлам и коммуникациям Московского гарнизона.

Нужно было поднять большевиков в полках, бригадах, батареях, сотнях, эскадронах и командах Москвы, сплотить в партийные ячейки, собрать ячейки в единую городскую военную организацию и противопоставить волю партии бурлящей и мятущейся солдатской стихии. Но такая работа требовала времени. По всем частям Московского гарнизона прошли выборы в Совет солдатских депутатов.

Из-за организационной разобщенности среди шестисот избранных в Совет депутатов оказалось всего семь большевиков.

Когда Ольга Афанасьевна узнала о результатах выборов в Совет, то была ошеломлена. Семеро из шестисот! Как невелик авторитет партийцев в армии!..

Эту ночь она провела без сна. Под утро, успокоившись, спросила себя: «Какая польза может быть извле-

чена из создавшегося положения?» Что ж, прояснилась расстановка сил. Выборы выявили опорные точки большевиков в гарнизоне, своеобразные острова в море эсеровского и беспартийного разгула. И этими островами, кроме 2-й школы прапорщиков и Земского союза, оказались 55, 56, 85-й пехотные полки, Мастерские тяжелой осадной артиллерии — «Мастяжарт» и автомобильная рота. Именно они и выдвинули в Совет депутатов-большевиков. А вот над тем, «что это означает», следовало задуматься. И не ей одной — всем большевикам, которых в стотысячном гарнизоне Москвы было всего две сотни, то есть два человека на каждую тысячу

* * *

Через неделю после выборов в Совет солдатских депутатов Ольга Афанасьевна получила письмо, отправленное 11 марта из Иваново-Вознесенска. Варенцова вскрыла конверт и обнаружила ивановскую газету. Одна из корреспонденций, жирно обведенная красным карандашом, бросилась в глаза.

«Марта 10 [23] в пятницу,— сообщала газета,— в городе проведен праздник Великой русской революции. Праздник состоял из парада войск перед зданием городской управы, церковной панихиды и благодарственного молебна. Духовенство явилось на площадь с крестным ходом. На площадь пришла и манифестация рабочих. Состоялся митинг, а затем совместное торжественное заседание Иваново-Вознесенского революционного комитета общественной безопасности и Совета рабочих депутатов.

Был послан ряд приветствий: А. Ф. Керенскому, В. Г. Короленко, А. М. Горькому, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозову, Е. К. Брешко-Брешковской, П. А. Кропоткину, Г. В. Плеханову, всем эмигрантам, сослан-

ным депутатам Государственной думы 2-го и 4-го созывов, солдатам на фронте, иваново-вознесенским революционерам — О. А. Варенцовой, А. А. Евдокимову и др.».

Ольга Афанасьевна улыбнулась: «Экая, милые мои, каша в головах у вас. Керенский, Горький, Кропоткин, солдаты, эмигранты, я, грешная,— все в одной куче. Оттого и в Москве в Совет солдатских депутатов без здравого размышления определили избиратели кого ни попадя. И в Иванове смешались воедино — молебен и митинг, рабочий Совет и буржуазный Комитет общественной безопасности, эсеры и большевики.— И подумала: «Наверное, немало пройдет времени, пока научатся люди отличать своих от чужих, друзей — от врагов».

* * *

В середине марта «Военка» начала планомерную организаторскую работу. В частях и военных учреждениях создавались партячейки с исполнительными тройками во главе. Они, в свою очередь, подчинялись последовательно районным и городскому комитетам партии.

Вскоре чаша весов хотя и не склонилась на сторону большевиков, но явно качнулась и стронулась. Подтверждением происходящих перемен было новое приветствие, пришедшее к Ольге Афанасьевне в начале апреля,— на этот раз от Совета рабочих и солдатских депутатов Иваново-Вознесенска.

Отмечая первый месяц со дня начала Февральской революции, ивановцы писали ей следующее:

«Совет рабочих и солдатских депутатов в городе Иваново-Вознесенске в своем собрании 23.III.1917 г. единогласно постановил в лице Вас, Ольга Афанасьевна, приветствовать как старого и нам всем близкого борца за свободу. Целые десятки лет Ваших тяжких испыта-

ний заставляют нас видеть в Вас и славного нашего старого учителя, у которого мы должны и сейчас учиться, как жить и страдать за то святое дело, которое называется свободой. Если и в те дни, когда пути к свободе были тернисты, Вы шли неуклонно к своей намеченной цели и были всегда незаменимым работником освобождения рабочего класса, то Вы сейчас должны быть хозяином нашего общего дела, и мы Вас на этом славном посту приветствуем».

Варенцова поняла, что, хотя между этими приветствиями прошло всего две недели, многое изменилось, да и глубина политического размежевания оказалась весьма значительной.

«Ветер истории дует в наши паруса!» - вспомнила вдруг Ольга Афанасьевна прочитанную где-то фразу и счастливо улыбнулась.

* * *

Русская армия после приказа № 1, изданного в первые дни Февральской революции, будто проснулась, как просыпается после долгой зимней спячки медведь. И, проснувшись, сначала зашевелилась, а потом и зарычала.

По приказу № 1 армия демократизировалась, и былому всевластию офицеров и генералов был положен конец — противовесом становились солдатские комитеты. Без их разрешения не выдавалось оружие, без их ведома не вступали в действие распоряжения командования.

Армия была совершенно другой, совсем не той, какой она представлялась русскому обывателю в августе 1914 года — миллионами удалых молодцов, готовых умереть за батюшку-царя.

«В 1915 и 1916 годах,— писал в начале 20-х годов находившийся в эмиграции ярый монархист помещик

Михаил Родзянко,— в плену у неприятеля было уже около двух миллионов солдат, а дезертиров с фронта насчитывалось к тому же времени около полутора миллионов. Пополнения приходили на фронт с утечкой в двадцать пять процентов в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны останавливались ввиду полного отсутствия личного состава, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров».

В марте 1917 года сотни солдат, избранные своими товарищами, поехали делегатами в Государственную думу и Петроградский Совет. Многие из них добрались и до Москвы и после долгих поисков приходили в Военное бюро, которое размещалось в одной комнате с секретариатом Московского комитета партии, Финансовым бюро и Бюро социал-демократии Польши и Литвы. В комнате, тесно заставленной столами, шли беспрерывные дискуссии о войне и мире, о земле, о наступлении и братании. Военное бюро нагружало солдат кипами газет, брошюр и журналов. В ответ приходили десятки писем:

«Просим вас высылать для наших стариков ратников газету «Социал-демократ». Дайте же свет для нашей жизни, а то мы сидим во тьме, не зная, что творится внутри дорогой нам родины».

«Хватаемся за слово «мир», как умирающий с голоду за крошку хлеба. Нам опротивело валяться в берлогах, нас едят вши, мы изнемогаем. Нам хочется жить».

«Мы просим, не дайте буржуазии надеть на нас кандалы, из которых мы только что вылезли».

«Нам приходится читать в газетах, что такой-то оратор говорит, что нам надо довести войну до конца, до полной победы, и что нам нужны Дарданеллы, поверьте нам, что его весь фронт считает безумцем или аристократом».

«Надо прекратить эту кровавую бойню и осушить слезы всему народу, мы все жаждем мира потому, что устали воевать».

В Военном бюро ясно понимали, что в недалеком будущем главной опорой партии в борьбе за власть будут рабочие и солдаты. Следовательно, нужно было крепить их союз.

Ольга Афанасьевна как-то записала к себе в книжечку: «Посоветоваться с Власом (Лихачевым), как превратить проводы маршевых рот в антивоенную демонстрацию. Поговорить с Соколом из 55-го полка, Богоявленским из 56-го пехотного, с Шелехесом из 193-го, Васильевским из 194-го полка, чтобы они со своей стороны организовали протест против отправки из Москвы революционных частей на фронт. А рабочим, которые соберутся на проводы маршевых рот, порекомендовать напутствовать солдат, чтобы они и на фронте продолжали борьбу против войны».

И эта коротенькая запись тотчас же — революция не терпела промедления — была реализована. Полковой комитет 194-го полка опубликовал в «Социал-демократе» обращение:

«Солдаты, уходящие на фронт, приглашают товарищей рабочих — свободных и желающих — на проводы, дабы тем самым подчеркнуть тесное единение солдат и рабочих, закрепленное с первых дней революции, желательно, чтобы товарищи принесли литературу, в которой сильно нуждается фронт».

Единение солдат с большевистски настроенными рабочими, посылка в действующую армию литературы начали приносить свои плоды.

Вот что писали в письмах с фронта читатели большевистских газет:

«Долго и долго мои товарищи думали, что большевики — это не борцы, а какие-то разбойники и негодяи,

но теперь многие казаки поняли и прямо говорят, что самые верные борцы и наши товарищи — только партия с.-д., фракция большевиков».

«Кого же мы будем убивать? Мы думаем так: своих же братьев — рабочих, у которых должны остаться горькими и несчастными сиротами дети и жены. И что же она дала нам всем — эта проклятая война?»

И опять на помощь солдатам приходили рабочие — только на заводе Михельсона собрали четыре тысячи рублей, закупили большевистскую литературу и увезли на фронт. Солдаты писали потом в газету «Социал-демократ»: «Комитет и все солдаты N-ского отдельного полевого полка, находящегося в действующей армии, глубоко благодарят революционный пролетариат завода Михельсона за пожертвованную литературу, которая многим тысячам солдат открыла глаза и принесла свет правды в освещении текущих событий, переживаемой революционной эпохи».

* * *

Рабочий-металлист с завода Михельсона Стрелков в конце марта был послан в районный комитет партии.

Стрелков часто бывал в Замоскворецком комитете, но в городском комитете предстояло побывать впервые. Он справился об адресе и поехал в Леонтьевский переулок, в Капцовское училище.

Когда Стрелков пришел в комитет, в комнате, где должно было состояться заседание, он застал человек двадцать. Осмотревшись, Стрелков заметил своих — замоскворецких. Один из них, пятидесятилетний бородатый брюнет в пенсне, был известен и всем другим: Павел Карлович Штернберг. Он был профессором астрономии в университете, старым партийцем, дружинником в де-

вятьсот пятом, членом Замоскворецкого комитета. Рядом с ним стоял также знакомый Стрелкову по Замоскворечью токарь с Телефонно-телеграфного завода Петр Добрынин — статный парень лет двадцати трех. Поглядев на него, нельзя было бы заподозрить в Добрынине отчаянного смельчака. Его можно было принять за приказчика модного магазина — тому виной были тонкие, аккуратно подбритые усики, модная прическа, нежный цвет лица. И только в глазах его были какая-то степная удаль и задор.

Возле Павла Карловича и Добрынина стояла незнакомая Стрелкову немолодая, скромно одетая женщина. Она что-то говорила Штернбергу — оживленно, громко.

Добрынин внимательно слушал. Не желая мешать разговору, Стрелков тихонечко подошел и молча встал рядом.

Добрынин, заметив Стрелкова, кивнул ему, здороваясь, и сделал знак рукой: «Послушай-де, Стрелков, она дело говорит».

Женщина быстро и внимательно взглянула на Стрелкова и продолжала говорить, но уже как бы адресуясь и к новому слушателю:

— Пятый год доказал, что боевые дружины необходимы. И новая ситуация, дорогие товарищи, не опровергает этого. Нам и сегодня нужны вооруженные формирования пролетариата. Нужны для того, чтобы быть надежной опорой партии. Мы не имеем права рассчитывать на то, что нас в любой обстановке поддержат беспартийные солдаты или матросы, даже если они сочувствуют нам, большевикам.

Крутизна дорог революции непредсказуема и часто неожиданна. Беспартийная масса может поддаться демагогии врагов, может, наконец, чистосердечно заблуждаться на наш счет. И что тогда? Остаться безоружными? Рассчитывать на милость случая? На перемену

симпатий и антипатий? Нет и еще раз нет. Революция в любом случае нуждается в вооруженной защите, ибо безоружных контрреволюций тоже, к сожалению, не бывает. И потому нам необходимы партийные большевистские военные формирования — вооруженные силы партии.

Женщина замолчала.

— Все, о чем вы говорили, бесспорно,— вступил в разговор Штернберг.— Но о каких формированиях должна идти речь: о боевых дружинах или же о народной милиции?

— Не о том и не о другом. Кажется, в новом деле нам следует учесть не только опыт девятьсот пятого, но и практику Парижской коммуны. Не вся Национальная гвардия была верна революции. Часть ее состояла из мелких буржуа и в решительную минуту предала Коммуну. Мы не имеем права повторять ошибки парижских коммунаров, и следует создавать классовые, пролетарские отряды. Это должна быть не национальная, а рабочая гвардия.

— Кто это? — тихо спросил Стрелков у Добрынина.

— Ольга Афанасьевна Варенцова, секретарь «Военки»,— ответил Добрынин, и глаза его потеплели.

Штернберг взглянул на часы, осмотрел заполнившуюся комнату и пошел к столу, накрытому по такому случаю красным сукном.

— Сейчас начнется,— проговорил Добрынин и, жестом пригласив Стрелкова, пошел в первый ряд — к стульям, которые никем не были заняты,— собравшиеся теснились в последних рядах, по углам и поближе к дверям.

Штернберг объявил заседание открытым и назвал повестку дня. Предлагалось обсудить вопрос о создании в Москве пролетарских вооруженных отрядов. Какими они будут, кто будет в них входить, какова их структура, на каких принципах предстоит действовать — все это и надлежало обсудить.

Штернберг предложил сформировать президиум совещания. Первым назвали его самого, затем предложили Варенцову и нескольких товарищей, незнакомых Стрелкову.

В главном выступающие были единодушны: пролетариату нужны вооруженные формирования, состоящие при каждой крупной партийной организации; большевики, в чьих ячейках нет самостоятельных боевых групп, будут входить в отряды соседних заводов и фабрик. Дискуссию вызвало другое: как называть эти формирования? «Боевые дружины», «рабочая милиция» или «Красная гвардия»?

Название «боевые дружины» — привычное: его помнили с пятого года, с Пресни. Однако в 1905-м боевые дружины были не только у большевиков, но и у меньшевиков, и у эсеров, и у беспартийных. Следовало создать такие отряды, которые нельзя было бы спутать с другими. Название «рабочая милиция» не подходило — была уже «рабочая милиция», но в марте решением Временного правительства ее слили с так называемой «народной милицией», которая у рабочих не пользовалась ни малейшей симпатией. Состояла она из студентов, служащих, торговцев, сплотившихся в февральские дни для защиты собственного имущества и сохранения порядка на улицах.

Первое название принадлежало истории, второе не было связано с движением пролетариата. Третье отвечало существу дела и определяло классовую направленность. Было решено впредь именовать вооруженные формирования пролетариата Красной гвардией.

Отныне в историю русских революций вписывалась еще одна страница — славная и героическая: на свет должно было появиться новое детище, которому с минуты своего рождения предстояло совершать подвиги не менее трудные, чем подвиги Геракла. Подобно тому как Геракл еще младенцем удушил двух змей, Красная гвардия была призвана душить гидру контрреволюции.

Через полмесяца, 14 (27) апреля, решение о создании Красной гвардии было принято в Московском городском комитете партии, а еще через три дня Красная гвардия начала формироваться и в Питере.

Принятию этих решений способствовало то, что накануне в Россию вернулся Ленин.

* * *

Возвращение Ленина в Россию и создание Красной гвардии были явлениями разномасштабными, но тесно взаимосвязанными. Провозгласив в «Апрельских тезисах» необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих и крестьянских депутатов и определив, что республика Советов будет государством «типа Парижской Коммуны», Ленин заставил вспомнить и о том, почему Парижская Коммуна погибла. А одной из причин ее поражения было то, что она не смогла защитить себя от натиска контрреволюции.

Русская революция не имела права повторить эту ошибку. И потому, идя навстречу республике Советов, она создала Красную гвардию.

В конце апреля на своей Седьмой Всероссийской конференции партия приняла решения по всем важнейшим вопросам: о войне и Временном правительстве, о Советах и о земле. Эти решения были еще одним шагом вперед.

Логическим продолжением линии партии на развитие революции было усиление влияния большевиков в армии. Следовало объединить работу в казармах с работой в организациях Красной гвардии.

В развитие этого в мае 1917 года секретарь Военного бюро при МК партии Ольга Афанасьевна Варенцова была кооптирована в Московский городской штаб Красной гвардии. Отныне действия большевистских органи-

заций в частях Московского гарнизона и отрядов Красной гвардии стали направляться из одного центра — Военного бюро.

* * *

К июню партийные ячейки существовали во всех частях Московского гарнизона и хотя все еще были малочисленнее эсеровских, зато неуклонно росли. Эсеровские — уменьшались.

В начале июня газета «Солдатская правда», выходящая в Петрограде, поместила объявление: «Военная организация ЦК партии большевиков 16 июня созывает в Петрограде Всероссийскую конференцию фронтовых и тыловых военных организаций партии».

15 июня Варенцова приехала в Петроград. Она быстро добралась до бывшего дворца балерины Кшесинской, где располагались Центральный Комитет партии, его Военная организация, редакция газеты «Солдатская правда» и другие большевистские организации.

Варенцову остановил ясноглазый, светловолосый солдат. Спросил: кто она? откуда? к кому?

Ольга Афанасьевна, прежде чем ответить, улыбнувшись, спросила:

— Вы кто такой? Почему меня расспрашиваете?

— Фамилия моя Васильев, звать — Василием. Солдат пулеметной команды Измайловского полка.

— Ну а я — Варенцова Ольга Афанасьевна, учительница. И что?

— А то, товарищ Варенцова, что здесь Ленин работает, и надобно внимательно за порядком смотреть. Я для этого здесь и поставлен.

Варенцова проговорила примирительно:

— Я, товарищ Васильев, не против контроля. Партия большевиков — партия сознательной дисциплины, анархия — не наша слабость.

Васильев, проверив мандат и партийный билет, вернул их Варенцовой.

— Да, товарищ Варенцова, мы не анархисты. Слыхали, что они творят? Сегодня заняли дачу Дурново и не выходят, плюют на требование Петросовета. День-два подождем, а там силой будем выбрасывать.

— Где регистрация? — спросила Варенцова словоохотливого часового.

— Пройдите на второй этаж в банкетный зал, там и зарегистрируетесь.

И когда Ольга Афанасьевна стала подниматься по мраморной лестнице на второй этаж, вдогонку Васильев крикнул:

— Спрашивайте «Солдатский клуб». Теперь про банкетный зал все забыли, там клуб наш — «Правды».

Ольга Афанасьевна вошла в большой мраморный зал с зеркалами от пола до потолка, с хрустальными люстрами и увидела публику, которой раньше здесь не могло быть. Больше всего было солдат, два-три десятка офицеров и несколько штатских. Женщин же не было совсем.

Выгоревшие гимнастерки, разбитые сапоги, выцветшие шинели, сизый едкий дым махорки, лица, задубевшие от долголетней окопной жизни, тяжелые руки, бесхитростная, порою злая и усталая речь не вписывались в блеск и позолоту банкетного зала. Ольга Афанасьевна поглядела на людей, сидящих за столом регистрации, и тотчас узнала Александра Аросева.

— Ба, Ольга Афанасьевна! — закричал Аросев и, вскочив, обнял ее, лучась искренней радостью и дружелюбием.

— Когда начнем работать? — спросила Варенцова.

— Завтра с утра.

— Повестка дня известна?

— Сначала заслушаем доклады с мест. Сегодня почти все приехали... Делегаты будут более чем от сорока

фронтовых организаций и полутора десятков тыловых. После дадим слово ораторам для докладов по самым важным вопросам: по текущему моменту, о власти, о войне и мире, о наступлении, об аграрном вопросе и других важных делах.

— Ленин будет выступать?

— Должен выступить по текущему моменту и по аграрному вопросу.

— Значит, серьезная будет конференция,— сказала Ольга Афанасьевна.— Не зря я ехала.

* * *

Конференция открылась утром 16 июня в зале, где перед тем проходила регистрация.

Когда полторы сотни делегатов заняли места, за столом президиума встал крепкий, коренастый мужчина.

«Невский, Невский»,— пронеслось по залу.

— Товарищи делегаты! — проговорил он громко и четко.— От имени Центрального Комитета Российской социал-демократической партии большевиков и его Военной организации позвольте приветствовать в вашем лице революционную армию и наших товарищей большевиков, вручивших вам мандаты этой конференции.

Все зааплодировали. Невский огласил повестку дня и предложил избрать президиум.

Ленин, Невский, Подвойский, Володарский были названы первыми.

Сначала выступали делегаты фронтовых частей. Они говорили о непопулярности готовившегося наступления, о том, что солдаты не желают больше умирать за интересы помещиков и капиталистов.

Делегаты говорили одно, а в Петрограде ширились слухи о начавшемся наступлении. Утверждали, что Пет-

роградский меньшевистско-эсеровский Совет призывает 18 июня устроить демонстрацию в поддержку Временного правительства. Совет не станет возражать, если будет отдан приказ вывести из Петрограда революционные полки и ввести в город «ударников» и казачьи части.

17 июня конференция провела только утреннее заседание. С полудня делегаты разошлись по воинским частям, агитируя солдат выйти на демонстрацию под большевистскими лозунгами.

Ольга Афанасьевна осталась во дворце Кшесинской. Секретарь конференции Михаил Кедров попросил помочь в изготовлении транспарантов. Всю ночь с 17 на 18 июня она кроила и шила кумачовое полотно, а солдаты писали на нем большевистские лозунги.

...Ранним утром колонна делегатов конференции вышла из дворца и двинулась на Троицкий мост. Когда колонна, в которой шла и Варенцова, оказалась на середине моста, увидели — Марсово поле будто затянуто алыми полотнищами — это флаги и транспаранты демонстрантов у могил павших борцов.

«Долой контрреволюцию!», «Долой черносотенную IV Государственную думу!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» — кричали лозунги.

Возвратившись во дворец, делегаты решили больше докладов с мест не заслушивать — после увиденного на Марсовом поле мало что могли прибавить новые сообщения.

А еще через два дня — утром 20 июня — на трибуне конференции появился Ленин. «Сколько я не видела его? — подумала Варенцова и, вздохнув, ответила себе: — Семнадцать лет!»

Ильич показался Варенцовой сгустком колоссальной энергии. Слова его проникали в душу каждого, подчиняя всех его логике и эмоциям.

Он начал с того, что отметил разницу между положением в апреле и нынешним днем. «В то время,— сказал Ленин,— положение отдельных социалистических партий почти еще не определилось».

И Варенцова вспомнила, как прислали ей из Иванова газету, где и Керенский, и Кропоткин, и Горький, и она сама — все были названы одним и тем же именем — «борцы за революцию». Возможно ли было такое теперь? И как бы отвечая на ее вопрос, Ленин продолжал:

— Только теперь в условиях текущих и только что свершившихся событий обнаружилась действительная политическая физиономия меньшевиков и эсеров.

Ленин противопоставил эсеровские и меньшевистские массы их лидерам, которые освобождаются не только от социализма, но и от демократизма. Массам же нельзя отказать в последовательном демократизме.

Ленин говорил далее, что социалисты-министры разошлись с крестьянством в вопросе о земле. Разошлись с народом по вопросу о местном самоуправлении. Разошлись с солдатами в вопросе о наступлении.

— Мы, революционные социал-демократы,— сказал в заключение Ленин,— должны направлять свою деятельность на прояснение классового самосознания демократических масс. Мы поэтому должны беспощадно разоблачать этих бывших вождей мелкобуржуазной демократии, указывая демократии единый путь, по которому впереди нее пойдет революционный пролетариат.

...Варенцова уезжала из Петрограда под сильным впечатлением речи Ленина. Ей казалось, что победа революции предрешена — порукой тому были сотни тысяч людей, которых она видела на Марсовом поле, на проспектах бурлящего Петрограда.

Однако не прошло и двух недель, как в Москве узнали об июльских событиях — расстреле полумиллион-

ной демонстрации рабочих, солдат и матросов контрреволюционным правительством Керенского.

Расстрел мирных демонстрантов не укладывался ни в какие рамки — социалист-трудовик Керенский убивает свободных граждан России, как делал это двенадцать лет назад свиты Его Величества генерал-майор Трепов.

Ночь в Москве прошла в лихорадочных переговорах в Совете.

Большевики собрали экстренное заседание актива областного партийного бюро, Московского комитета, окружного комитета, Военной организации и представителей всех районных комитетов Москвы.

Было решено в этот же день устроить демонстрацию протеста. Участники заседания во второй половине дня разъехались по заводам, фабрикам и частям гарнизона.

Узнав о решении большевиков, эсеро-меньшевистский совет тотчас же запретил всяческие демонстрации.

Большевики с запретом не посчитались. В восемь часов вечера к Скобелевской площади двинулись со всех сторон колонны солдат и рабочих.

Было поздно. Люди, проделавшие многоверстные марши, пришли на площадь к началу сумерек. Контрреволюционный Совет стянул к площади отряды буржуазии, офицеров, студентов, юнкеров и приказал разогнать запрещенную самочинную демонстрацию. Далее в Москве все шло по тому же сценарию, что и в Петрограде: в районных комитетах учинили погромы и обыски, редакции газет подверглись нападению, на улицах арестовывали партийных активистов. Агитаторов Военного бюро не впускали в казармы.

Стало известно, что в Петрограде контрреволюционеры потребовали явки Ленина на суд. ЦК постановил: на суд не являться.

Кончился период двоевластия — власть перешла к откровенным контрреволюционерам.

Революция вступила в новый этап.

* * *

Август в Москве начался событиями, насторожившими всех сторонников революции: сначала собрался Второй съезд представителей торговли и промышленности, на котором тон задавали тузы индустрии и коммерции, а еще через три дня открылось Московское совещание общественных деятелей, на которое только что отзаседавшие торговцы и фабриканты явились с новыми мандатами, сев в кресла Большого театра рядом с генералами и политическими лидерами всех буржуазных партий России.

Однако 12 августа в Москве открылось еще одно совещание, на сей раз — Государственное, средоточие всех контрреволюционных сил России. И хотя вел его глава Временного правительства Керенский, реальную силу представлял верховный главнокомандующий Корнилов. Именно с ним связывали свои надежды самые реакционные делегаты совещания — кадеты и октябристы.

В день открытия Государственного Московского совещания большевистская газета «Социал-демократ» вышла с призывом на всю первую страницу: «Сегодня день всеобщей забастовки! Пусть сегодня не работает ни одна фабрика, ни один завод, ни одна мастерская! Пусть в день организации контрреволюции остановится жизнь в Москве!» И жизнь в Москве замерла. Встали заводы и фабрики, остановились поезда и трамваи, погас свет в домах. Пролетарская Москва показала свою силу.

Корнилов уехал с Государственного совещания в свою Ставку, уверенный в том, что России нужна военная диктатура. 25 августа он начал мятеж и двинул войска на Петроград.

Главное внимание большевистской партии было сосредоточено на мобилизации масс. ЦК РСДРП(б) обратился с воззванием к трудящимся Петрограда.

Рабочие и солдаты Петрограда первыми выступили против контрреволюционного мятежа. В первый же день борьбы с Корниловым в Красную гвардию записались тысячи петроградских рабочих. Навстречу войскам Корнилова двинулись революционные солдатские полки и боевые дружины.

Ни на одном направлении корниловские войска не смогли пройти к столице.

Вслед за Петроградом на борьбу с мятежом поднялась пролетарская Москва. Открытое выступление буржуазии было сметено за несколько дней.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Корниловский мятеж, который в самом начале вроде бы сплотил всех противников военной диктатуры, на самом деле сильно способствовал их резкому размежеванию.

После подавления мятежа определилась четкая расстановка классовых сил: по одну сторону баррикад оказались большевики и небольшая часть левофракционных групп мелкобуржуазных партий, по другую сторону — все те, кто считал Временное правительство выразителем своих интересов.

Работа «Военки» еще более оживилась. Варенцова сбилась с ног. Многолюдные митинги требовали вооружения рабочих и солдат, ареста генералов и контрреволюционеров — Родзянко, Рябушинского, Гучкова, Милюкова, разгона «Офицерского союза» и «Военной лиги», закрытия газет «Русское слово» и «Утро России», конфискации автомобилей и типографий и передачи их Советам, провозглашения диктатуры революционной демократии, издания декрета о передаче всей земли в распоряжение крестьянских комитетов. Подъем движения

был особенно высок в дни корниловского мятежа, когда прозрели и самые отсталые. 31 августа в исполкомы Московских Советов явились многочисленные делегации заводов и фабрик с требованием немедленного вооружения рабочих. В стране назрел новый кризис, контрреволюция предприняла попытку спасти падавшую власть буржуазии. Для того чтобы отвлечь внимание масс от революционного действия, эсеро-меньшевистские лидеры ЦИК Советов устроили восьмидневный балаган, названный ими Всероссийским демократическим совещанием.

С 14 по 22 сентября в Петрограде записные ораторы из городских дум, из земств, из верхов офицерства призывали, заклинали, умоляли и требовали создать такой механизм власти, который мог бы эффективно противостоять революционному натиску масс. Но это были вопли беспомощных пассажиров с попавшего в бурю корабля.

* * *

В августе Александра Аросева, арестованного в дни июльского кризиса, из Тверской губернской тюрьмы перевели в тюрьму московскую. И как только он оказался в Москве, то сразу же объявил голодовку, требуя немедленного освобождения. О голодовке Аросева объявила газета «Социал-демократ». На следующий день в редакцию пришли сотни писем, требовавших немедленного освобождения Аросева.

Сотни людей отправляли письма и в Военное бюро, и Ольга Афанасьевна поручила авторитетному в солдатских массах большевику Муралову начать переговоры с командующим Московским военным округом об освобождении Аросева.

На четвертый день, похудевший, счастливый, Аросев появился в Военном бюро.

— Ну, Александр Яковлевич, теперь — за дело,— обняв старого своего друга, проговорила Варенцова.— Тем более что в Бутырской тюрьме появились и товарищи по несчастью: двести «двинцев» объявили голодовку. Надо выручать из беды и их.

* * *

«Двинцами» называли солдат 5-й армии, арестованных до корниловского мятежа за несогласие с введением на фронте смертной казни. Было их более восьмисот человек. Имя свое получили они по городу Двинску, где содержались после ареста в местной тюрьме. И хотя теперь они сидели в Москве, в Бутырках, их по-прежнему называли «двинцы».

В начале сентября солдаты объявили голодовку и прислали в Военное бюро письмо.

20 сентября на собрании Военной организации Варенцова предложила выпустить листовку о голодающих, распространив ее в частях Московского гарнизона, с тем чтобы солдаты вынесли на собраниях решения о немедленном освобождении «двинцев».

Единодушные резолюции многочисленных собраний и митингов стали поступать в Военное бюро. Кроме того, солдатские делегаты пошли в Московский Совет.

22 сентября «двинцы» были освобождены.

* * *

— Емельян, нужно поехать в госпитали, к «двинцам»,— сказала Варенцова.— Вот уже пятые сутки, как они освобождены. Думаю, пора им и за дело приниматься.

— Да, пожалуй, ты права: их выступления в полках и на заводах произведут сильное впечатление. Да и мо-

мент как нельзя более подходящий — барометр политической погоды предвещает скорую бурю.

Варенцова поняла, о каких переменах говорит Ярославский. Всего неделю назад в Москве состоялись выборы в городские Советы рабочих и солдатских депутатов. И если рабочие из шестидесяти мест, предназначенных для их избранников в Московском Совете, тридцать два места отдали большевикам, то солдаты из своих шестидесяти мандатов предоставили большевикам лишь шестнадцать.

А вчера прошли выборы в районные думы. И уже здесь большевики получили восемьдесят четыре процента солдатских голосов.

За день они побывали в двух госпиталях — Озерковском и Савеловском. И тут и там их встретили с радостью.

Не изможденных долгой голодовкой людей — тихих и апатичных — увидели Варенцова и Ярославский, а борцов, воодушевленных победой.

— Через день-два мы выйдем и еще покажем контре, где раки зимуют,— говорили солдаты.

И еще просили:

— Ольга Афанасьевна, газет нам давай поболее. Мы как во всем разберемся — сразу агитаторами пойдем. А то за время отсидки — чего не знали, о чем имели неправильные понятия. Теперь все на свои места встанет. Мы и других по верной дорожке поведем.

— Скорее выздоравливайте — и за дело,— торопила «двинцев» Ольга Афанасьевна.— Сейчас каждый день на счету. Сентябрь к концу идет, осень надвигается, в октябре и страде конец.

* * *

Сообщение о том, что вся власть перешла к Советам, пришло в Москву в полдень 25 октября. Здесь

проходило экстренное заседание, в котором участвовали Московское областное бюро, руководившее Центральным промышленным районом из 13 губерний, Окружной комитет, руководивший партийными организациями губернии (без Москвы), и Московский комитет партии. На заседании обсуждались практические вопросы восстания, и для руководства им был избран Партийный центр. В состав Партийного центра вошло десять человек. Военное бюро в нем представлял Емельян Ярославский.

Партийный центр тотчас же разослал условные телеграммы, извещавшие о начале восстания. По районам Москвы было дано указание о приведении всех сил в боевую готовность.

Вечером 25 октября Объединенный пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов избрал Московский военно-революционный комитет (МВРК) из тринадцати человек. Военное бюро представлял в нем Аросев. Ему вместе с членом Партийного центра Владимирским было поручено возглавить штаб и заняться военно-оперативным руководством восстанием.

Всего в Москве было одиннадцать районов. Самым крупным и наиболее важным в стратегическом отношении был Городской район, занимавший всю территорию внутри Садового кольца. Именно там проходил передний край борьбы за власть, ибо в Городском районе, в доме генерал-губернатора на Скобелевской площади, находился Московский Совет, там же — рядом с Красной площадью — размещался и центр контрреволюции: городская Дума и штаб Московского военного округа, занимавший один из домов на Пречистенке.

Враги Советской власти уже в первый день революции, 25 октября, создали Комитет общественной безопасности, во главе которого встал тридцативосьмилетний полковник Рябцев — эсер, противник Корнилова, пользовавшийся в дни подавления корниловского мятежа не-

малой популярностью среди солдат Московского гарнизона.

Итак, к концу дня 25 октября весь центр, за исключением Кремля, оказался в руках контрреволюции.

В Кремле стоял 56-й запасный полк, в котором служил член Военного бюро прапорщик большевик Берзин, назначенный комиссаром Арсенала.

26 октября в Кремль вошла рота большевистски настроенного 193-го полка. Военным комендантом Кремля Партийный центр назначил Емельяна Ярославского.

И хотя вокзалы Москвы оказались под контролем большевиков и в рабочих районах города подавляющее большинство предприятий и казарм находилось на стороне революции, Московский военно-революционный комитет медлил и решительных действий не предпринимал. Полковник Рябцев выгадывал время и, надеясь на подход к городу верных Керенскому войск, предложил начать переговоры.

Рябцев потребовал вывести из Кремля роту 193-го полка, пообещав в ответ снять оцепление юнкеров вокруг Кремля.

Утром 27 октября рота из Кремля вышла, но юнкера блокаду не сняли. Почувствовав неуверенность Военно-революционного комитета, Рябцев приказал юнкерам занять мосты, соединяющие центр города с Замоскворечьем, и предъявил ультиматум: МВРК распустить из Кремля все революционные части вывести.

Никто пока не стрелял, но пальцы противников уже легли на спусковые крючки винтовок и на гашетки пулеметов.

Наступил решительный момент.

* * *

Ольга Афанасьевна 27 октября находилась в Московском ВРК. Один вестовой сменял другого, сообще-

ние шло за сообщением. Не успели доложить, что «двинцы» доставили из Тулы большое число винтовок, пулеметов и боеприпасов, как появилось воззвание Комитета общественной безопасности, в котором КОБ объявил себя единственным органом власти в Москве и призвал не подчиняться ВРК.

Партийный центр и МВРК в ответ вызвали революционные полки к Московскому Совету, отдали приказ всем районам начать наступление на центр, подмосковным гарнизонам и Красной гвардии Московской губернии приказали выступить в Москву.

Тысячи людей начали передвигаться на огромной территории города. Тишина звенела натянутой струной, вот-вот готовой лопнуть...

* * *

Вечером из Замоскворечья на охрану Моссовета вышло четыре взвода «двинцев». Они подошли к Красной площади, когда дорогу им преградили юнкера. Три сотни юнкеров держали винтовки наперевес, пальцы на спусковых крючках. «Двинцы» остановились, тоже взяв винтовки наперевес.

Перед строем юнкеров появился командир — в полковничьих погонах, туго перетянутый ремнями, с расстегнутой кобурой.

Навстречу полковнику вышел командир «двинцев», тридцатилетний солдат Евгений Сапунов — ладный, невысокий, спокойный.

Полковник, за спиной которого было вдвое больше стрелков, приказал «двинцам» сложить оружие. «Двинцы», услышав приказ полковника, враз лязгнули затворами. Полковник выстрелил, Сапунов упал. Четыре с половиной сотни солдат и юнкеров бросились врукопашную. Бой был коротким и страшным по ожесточенности. Ка-

залось, наружу выплеснулась тысячелетняя злоба, копившаяся в мужицких душах, злоба, которая вырвалась на волю, чтобы крушить и колоть белые кости их благородий.

Юнкера побежали...

...Поздно ночью 27 октября на совместном заседании Партийного центра и МВРК было принято решение вырвать инициативу из рук контрреволюции и начать решительные действия. Представители МВРК направлялись во все районы Москвы для руководства борьбой.

В Городской район организатором направили Ольгу Афанасьевну Варенцову.

* * *

Штаб Городского района размещался на углу Первой Мещанской улицы и Сухаревской площади, в трактире Романова.

В маленькой комнатке Варенцову встретил представитель Московского городского комитета партии Станислав Бобинский — интеллигентный, мягкий в обращении, одетый в серый костюм. «Чистенький какой,— подумала Варенцова,— воротничок белоснежный, галстук бабочкой, словно в театр собрался».

Однако не прошло и часа, как Варенцова поняла: в деле Бобинский столь же аккуратен, как и в одежде.

Вскоре в штабе появился высокий молодец с непокорной копной кудрявых волос.

— Петров, печатник,— представился он Варенцовой, будто тисками сдавив руку.

— А я думала — цирковой атлет,— отшутилась Ольга Афанасьевна, вырвав руку из железной ладони Петрова и потирая онемевшие пальцы.— И все же кто ты, печатник Петров?

— Я,— засмеялся богатырь,— начальник Красной гвардии Городского района. Да вот все не привыкну к новому званию.

— Давай, начальник, докладывай, как тут обстоят дела. Время не терпит.

Петров, посерьезнев, заговорил:

— Красногвардейцев около тысячи человек. Почему говорю «около»? Потому что с каждым часом прибывают из других районов. Опираемся мы и на 192-й полк. Солдат там до четырех тысяч, да беда, что не все вооружены. Помогают нам два района — Сущевско-Марьинский и Сокольническо-Богородский,— связанные с «двинцами». Помогает и Первый телеграфно-прожекторный полк. Я назвал только тех, кто поблизости от штаба, вообще-то нашему району помогает вся Москва. Плохо одно: Рябцев отрезал Замоскворечье.

— Что предлагаешь, Петров? — спросила Ольга Афанасьевна.

— Думаю, пришло время потеснить буржуев.

— Вообще-то ты прав. Нужно, чтобы наши действия не расходились с действиями, которые сейчас предпринимает МВРК. Связь с Моссоветом имеется?

— Наши патрули стоят до Садово-Каретной и в переулках до Тверской. А вообще все Садовое кольцо охраняется патрулями соседних районов.

— Давай посылай в МВРК связного. Пусть узнает, каково положение в других районах.

Петров распорядился, и двое связных ушли. Не успели они уйти, как ввалилась в штаб добрая полурота солдат.

— Давай комиссара! — кричали они.— У нас раненые, девать их некуда!

Варенцова быстро ответила:

— Раненых — в соседнюю комнату. Врач сейчас будет. Фронтовики среди вас есть? — И, не дожидаясь

ответа, приказала: — Раненых перевязать, положить на пол на шинели.

И сама пошла в комнату, чтобы помочь делать перевязки.

К счастью, раненых было немного. Солдаты с уважением смотрели на немолодую женщину, которая — видать по всему — была здесь главной.

Ольга Афанасьевна ловко обмывала раны, бинтовала их и говорила солдатам слова утешения.

Она бинтовала последнего раненого, когда в штабе появились две женщины с санитарными сумками и в шерстяных платках — сестры милосердия с табачной фабрики.

— Вот славно, товарищи, начинайте ухаживать за ранеными, а я с делами разберусь, да и с солдатами поговорю,— обрадовалась Варенцова появлению женщин.

И, обратившись к старшему прибывшей команды, сказала:

— Пора, товарищи, взять обратно телефонную станцию. Рябцев передает своим приказы по телефону, а мы, как полвека назад, рассылаем по всему городу гонцов. И медленно это, и плохо... К тому же не знаем, дошел гонец или погиб по дороге.

— Возьмем телефон, чего не взять? — зашумели солдаты.

Из соседней комнаты, где заседал ВРК Городского района, на шум вышел нервный, худощавый Никитин.

Он был единственным меньшевиком в ВРК Городского района, и, хотя старался выполнять штабные обязанности, червь сомнения грыз его мятущуюся душу. Никитин волновался и вносил нервозность в обстановку и без того напряженную.

— Товарищи! Товарищи! обратился он к солдатам.— Помните, что телефонная станция — чудо науки и техники. Ею пользуется пятьдесят тысяч человек,

и достаточно одной гранаты, чтобы вся сеть вышла из строя! Прошу вас, будьте осторожны, очень прошу!

— Иди спать, Никитин,— тихо сказала Варенцова.— На тебе лица нет. И вы, товарищи, идите. И помните: главное — отбить станцию у врага.

Солдаты с гомоном высыпали за порог, Никитин ушел в соседнюю комнату; Варенцова опустилась на стул, положила руки на край стола. Она почувствовала вдруг такую смертельную усталость, какой, казалось, не испытывала никогда в жизни.

Входили и выходили люди, гулким эхом раскатывались ружейные залпы, захлебывались злобой и свинцом пулеметы, а она спала, уронив голову на руки. И если бы снаряд разорвался рядом с трактиром Романова, то и тогда продолжала бы спать каменным сном, неловко подвернув одну руку и бессильно уронив другую...

Проснувшись, узнала, что в Кремль обманом проникли юнкера и обезоружили 56-й полк. И еще более страшная весть пришла в штаб — юнкера расстреляли безоружных солдат, а коменданта Кремля Берзина избили до полусмерти.

— Ну, это им даром не пройдет,— задохнувшись от негодования, проговорила Варенцова.— Теперь их дни сочтены. Революция никогда не бывала бескровной, но и подлость не бывала оружием революционеров. Если контрреволюционеры прибегли к расстрелу безоружных, то они подписали себе смертный приговор. Все, кто оставались нейтральными, сделают единственно возможный выбор.

И ближайшие часы подтвердили ее правоту — революция поднялась на решительный штурм.

* * *

29 октября во второй половине дня Варенцова получила приказ — занять почту, телеграф и телефонную

станцию, вновь потерянную в результате ожесточенных боев.

Это был, несомненно, один из самых сильных узлов сопротивления, и против него нужно было сосредоточить большие силы.

Красногвардейцы и солдаты, сосредоточенные в Городском районе, двинулись к центру от Красных ворот и с Тургеневской площади. К телефонной станции, расположенной в Милютинском переулке, шли со стороны Покровки по Маросейке, по Кривоколенному и Армянскому переулкам. Одновременно группы атакующих подбирались к станции по Мясницкой улице и по Лубянке.

Окружив Милютинский переулок, отряды отрезали станцию от штаба белых.

Казалось, последний удар — и станция окажется в руках революционных войск. Но на помощь белогвардейцам пришли их эсеро-меньшевистские пособники: Викжель* потребовал от Московского ВРК заключить с Комитетом общественной безопасности перемирие. Кроме того, Викжель приказывал начать переговоры о создании в Москве некоего органа власти из «представителей всех социалистических партий». Если Военно-революционный комитет откажется от перемирия и переговоров, Викжель грозил объявить всеобщую забастовку железнодорожников, которая парализовала бы всю страну, и, таким образом, Советской власти предъявлялся ультиматум: или вы уйдете, или страна будет поставлена на грань экономического краха.

В ночь на 30 октября в Москве противоборствующими сторонами было объявлено перемирие на сутки.

* Викжель — Всероссийский исполнительный комитет ж.-д. профсоюза. В дни Октябрьской революции был одним из контрреволюционных центров.

* * *

Узнав о перемирии, Варенцова возмутилась. Она накричала на связного, доставившего в штаб сообщение, будто он был виноват в принятии нелепого решения. Белогвардейцы получали передышку в момент самый неподходящий.

Она вошла с пакетом в соседнюю комнату, где размещался ВРК Городского района.

В комнате накурено. Воздух спертый. Сизый дым висел под потолком. Над картой Москвы задумчиво замер Никитин — унылый, тихий, уставший. У окна, положив руки на колени, борясь с дремотой (не спал двое суток), сидел начальник караульной службы Василий Сирота. За столом в углу Станислав Бобинский диктовал солдату текст донесения.

Мирная штабная тишина, сонливое посапывание Сироты, негромкое бормотание Бобинского, молчание Никитина неприятно удивили Варенцову.

— Спите, якобинцы? — язвительно выпалила Ольга Афанасьевна.— А меньшевистское болото продает вас контрреволюции!

— Что случилось? — спросил тихо Бобинский: он не знал еще о перемирии, и горячность Варенцовой была ему непонятна.

— Случилось то, что Центральный ВРК подписал с Рябцевым перемирие! — крикнула она и удивилась, что сообщение не произвело особого впечатления.

— Ну, подписали, значит, надо,— проговорил Бобинский.— Следовательно, есть к тому свои резоны.

— Ты что, Станислав, городишь?! — возмутилась Ольга Афанасьевна.— Мы их гоним в хвост и в гриву, а эти умники дают им передышку! Я предлагаю перемирие не признавать, передышки не давать, наступление продолжать.

— Да что ты, Ольга Афанасьевна? Где же твоя дисциплинированность? — попытался урезонить ее Бобинский.— Значит, идти вразрез с Центральным ВРК?

— Вот и пойдем,— проговорила Варенцова, стараясь сохранить спокойствие.

И вышла из комнаты.

Вскоре она появилась с никому не знакомым мужчиной — судя по всему, красногвардейцем.

— Скажи, товарищ,— обратилась Варенцова к нему,— ты за перемирие?

Красногвардеец ошалело переводил взгляд с одного ревкомовца на другого.

— Какое перемирие? О чем это ты?

— Вот умники предлагают на сутки прекратить борьбу и заняться переговорами.

— Что за чепуха! — возмутился красногвардеец.— Еще сутки, и от юнкеров останется мокрое место.

— Ну вот, видите, как настроены бойцы? — оглядела Варенцова собравшихся. И, повернувшись к красногвардейцу, крепко пожала ему руку.— Иди, товарищ, и убеждай в этом других.

Ночь прошла беспокойно, и, хотя стрельба прекратилась, над городом висела настороженная тишина.

Утром следующего дня в штаб Городского района принесли депешу из Московского Совета. В ней сообщалось, что МВРК решил передислоцироваться с Тверской в трактир Романова, то есть в штаб Городского района.

На заседании МВРК только Усиевич — представитель Центрального штаба Красной гвардии — настаивал на продолжении решительной борьбы. Был он и против эвакуации из здания Московского Совета.

Вот здесь-то Варенцова досказала то, что не досказала о МВРК накануне.

— Вчера я, к великому моему стыду, подчинилась и пошла на поводу у слюнтяев из Центра. Сегодня мы –

хозяева положения. И если они еще раз заикнутся о такой нелепости, то мы их просто-напросто разгоним.

Возмущенная Ольга Афанасьевна подошла к столу и, не стесняясь в выражениях, написала то же самое на бумаге.

— Передай это в Центральный ВРК,— проговорила она, не отказывая себе в злом удовольствии, и протянула депешу связному.

«Загоняли связных... Дело нужно делать, а не перепиской заниматься,— подумала она сердито.— Что ж, подождем ответа».

Ответа не было. Ольга Афанасьевна нервничала, выходила из штаба и расспрашивала красногвардейцев о делах в городе.

Красногвардейцы говорили разное.

И вдруг редкие хлопки одиночных выстрелов потонули в гуле пушек и грохоте огня — бои возобновились по всему центру.

«Вот и ответ пришел!» — подумала Варенцова.

* * *

К середине дня 1 ноября бои велись ожесточенные. В штабе появились первые пленные — грабители и мародеры. Армия контрреволюции разваливалась, деморализация становилась совершенно очевидной. «Белым приходит конец!» — подумала Варенцова.

После полудня смолкли взрывы снарядов, бомб и гранат, замолчали пушки и бомбометы. Телефон, телеграф и почта наконец перешли в руки большевиков.

К ночи на Сухаревку прибыла свежая часть из Владимира.

— Кто командир? — спросила Варенцова.

— Товарищ Фрунзе,— ответил безусый паренек с веселыми глазами.— Командир остался с главными

силами, а нам приказал идти к штабу Городского района.

Ольга Афанасьевна представила, как по большому темному городу, не очень-то хорошо ему знакомому, идет во главе отряда товарищ Арсений — к центру города, занятому белыми.

— Что осталось у Рябцева? — спросила Варенцова Бобинского, подошедшего к ней.

— Только Кремль,— ответил он.— Нашему отряду следует идти к центру: отряды Сокольнического, Лефортовского и Басманного районов уже двинулись.

— Построй солдат и красногвардейцев, Станислав,— приказала Варенцова.

Красногвардейцы выстроились у здания штаба на проезжей части Садового кольца. Варенцова оглядела отряд. Уставшие лица с покрасневшими от бессонницы глазами. Голос ее дрогнул от волнения. Сказала, старательно выговаривая слова:

— Товарищи! История Москвы начиналась с Кремля. И за все это время только дважды брали Кремль силой. И оба раза это были иноземцы — поляки и французы. Ни Разин, ни Пугачев не брали Кремль — несокрушимый и самодержавный. Мы войдем в него и навечно станем его хозяевами. Мы — рабочие, солдаты и крестьяне. На Кремль, товарищи!

И, резко повернувшись, Варенцова пошла вдоль строя и встала во главе колонны.

— Шагом арш! — скомандовал Бобинский.

Отряд двинулся к Сретенским воротам. Революционная Москва стягивала свои силы к Кремлю.

...Отряд дошел до Лубянки и повернул к Политехническому музею, возле которого залегли цепи красногвардейцев. Юнкера отстреливались из окон музея, били с соседней Китайгородской стены. Там, за стеной, был прямой путь к Кремлю.

Ночью из Лефортова подвезли две пушки. Одну из них поставили на углу Богоявленского переулка и Никольской улицы и начали стрелять по Никольским воротам Кремля.

На рассвете 3 ноября владимирцы и красногвардейцы-москвичи осторожно вступили на пустую Никольскую улицу, идущую от Политехнического музея, и стали пробираться к Торговым рядам на Красной площади.

Несколько смельчаков пролезли в пробитые артиллерией дыры в Никольских воротах и оказались на территории Кремля. Свидетели этого дерзкого поступка с замиранием сердца ждали развязки.

Но все было тихо. Юнкера не стреляли. И вдруг тяжелые створки Никольских ворот медленно поползли в разные стороны...

Василий Сирота призывно махнул рукой и бросился в проем ворот. Красногвардейцы кинулись за ним.

Кремль был безлюден и тих. Юнкера оставили его, не дожидаясь рассвета.

* * *

Варенцова вошла в Кремль вместе с красногвардейцами Сироты. К Ивановской площади шли повзводно, мелкими группками и в одиночку солдаты с красными повязками на рукавах шинелей. У многих — ленточки в петлицах, алые ленты на папахах. У Ивана Великого толпились выпущенные юнкерами на волю солдаты 56-го полка.

Сирота сдавал караулы Берзину, невысокому человеку с рукою на перевязи, с забинтованной головой. Фуражка чудом держалась на окровавленных бинтах.

Варенцова протянула ему руку, и Берзин неожиданно сильно пожал ее.

И вдруг Варенцова почувствовала, как все вокруг нее закачалось и поплыло: неслышными стали голоса

солдат, серой дымкой затянуло Ивановскую площадь, и исчезли, будто растворились, только что отчетливо виденные кремлевские стены.

Она пошатнулась и, боясь упасть, уцепилась за рукав шинели Берзина.

Берзин усадил ее на крыльцо собора и стоял рядом, выжидающе глядя в лицо.

— Что это со мною? — спросила Варенцова смущенно.— Сумасшедшая неделя была, товарищ Берзин. Все — на нервах. Бессонница. Раненые. И страх за исход дела — то они берут верх, то мы.

— Теперь все,— жестко проронил Берзин.— Вся Россия наша. Только мы здесь, в Москве, завозились сверх меры.

Варенцова качнула головой, проговорила тихо, слабым голосом:

— Ты иди, товарищ Берзин, командуй. А я посижу немного, приду в себя и тоже примусь за дела.

Берзин ушел. Ольга Афанасьевна огляделась вокруг.

У колокольни Ивана Великого стояли редкими, неровными шеренгами взявшие Кремль солдаты. Чуть поодаль чернели сбитыми квадратами настороженные красногвардейцы.

В разных местах — небольшие отряды из различных районов. Здесь были и солдаты, и рабочие, и интеллигенты. Были и профессиональные революционеры. И всех этих людей, столь разных и непохожих друг на друга, сближало и роднило огромное чувство сопричастности тому великому делу, которое они совершили. Они были победителями. Они были сообществом единомышленников-побратимов, готовых умереть за дело, которому они служили истово и бескорыстно.

Из тесных переулков, прижавшихся к храмам и дворцам, с опасливым любопытством выползали серые старцы — монахи, отсиживавшиеся в подвалах обителей.

Только что молившиеся за одоление супостатов, они со страхом посматривали на новых хозяев Кремля, не всегда понимая, что происходит, кто с кем сражается.

И еще одна категория кремлевских обитателей привлекла внимание Варенцовой. Это были проживавшие в Кремле служители дворцов и покоев — швейцары, лакеи, смотрители: степенные, осанистые, с бакенбардами и подусниками, с надменно невозмутимыми физиономиями хорошо вышколенных слуг, знающих себе цену.

«И все же вопреки всему враждебному должна вырасти новая Россия,— подумала Варенцова.— Сколько понадобится сил, сколько лет пройдет, прежде чем все перекипит в котле истории и появится то новое общество, ради которого и совершалось все...»

Она встала и медленно пошла к ближайшей от нее группке, где, оживленно жестикулируя, напористо и весело о чем-то говорил Емельян Ярославский.

ЭПИЛОГ

Когда Ольга Варенцова вошла в Кремль, ей было пятьдесят пять лет и она не задумывалась над тем, сколько еще ей отпущено. Оказалось, впереди у нее еще тридцать три года, до самого конца наполненных борьбой и работой.

Ее не мучили вечные вопросы «Что есть человек?» и «Что есть истина?», которые в России искони называли «проклятыми».

Не мучили потому, что она давно знала ответы на них. Знала, что́ есть человек, и знала, что́ есть истина.

Потому и в восемнадцатом году, и в девятнадцатом, и в двадцатом она делала то же самое, что и прежде,— сражалась за освобождение человека.

Осенью 1921 года Ольгу Афанасьевну рекомендовали на работу в Истпарт — Комиссию по истории Октябрьской революции и РКП(б). Она, социал-демократка с тридцатилетним партийным стажем и сорокалетним стажем революционной работы, сама была живой историей партии. Работа в комиссии, которая должна была собирать, обрабатывать и издавать материалы по истории партии, пришлась ей по душе.

Ольга Афанасьевна с некоторым смущением узнала, что нет в Истпарте человека старше ее по возрасту и с бо́льшим партийным стажем.

Она взялась за новое дело основательно и увлеченно, как и за все, за что бралась раньше.

Новая работа, заставившая о многом вспомнить и многое переосмыслить, как будто подводила итог всему, что она уже сделала.

Человек, проживший долгую жизнь, проходит три этапа: подготовки, действия и осмысления.

Подготовка Варенцовой к главному делу ее жизни — борьбе за освобождение народа от гнета самодержавия — закончилась довольно рано: уже на курсах Герье она стала сознательной революционеркой, пришедшей в боевой лагерь русских марксистов.

Второй этап занял все остальное время ее общественного бытия, доказав, что у нее нет иной жизни, кроме жизни партии, и нет других целей, кроме тех, которые ставит революция.

После победы Октября Ольга Афанасьевна вернулась на работу в «Военку». Теперь эта организация осуществляла руководство всеми комиссариатами по военным делам — волостными, уездными, губернскими и окружными.

8 апреля 1918 года было образовано Всероссийское бюро военных комиссаров — центр по организации партийно-политической работы в армии.

Ольга Афанасьевна перешла на работу во Всероссийское бюро.

В Бюро военных комиссаров Ольга Афанасьевна работала под руководством Константина Константиновича Юренева — члена партии с 1905 года, вступившего в ее ряды семнадцатилетним.

Варенцова познакомилась с Юреневым в 1912 году, пытаясь восстановить разгромленный жандармами Московский городской комитет партии.

Затем она встречалась с Юреневым в бюро Главного штаба Красной гвардии и во Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии, где он занимал ответственные посты.

Юренев поручил Варенцовой заняться распределением комиссаров по фронтам. Ольга Афанасьевна направляла в действующую армию комиссаров.

Немало было среди них и тех, кого Варенцова знала по подполью, ссылкам, боевой работе в Москве.

Осенью 1918 года она заболела: сказались недосыпание, полуголодная жизнь, нервное перенапряжение.

Решением МК Ольгу Афанасьевну отправили на лечение в Пятигорск. Однако ни лечения, ни отдыха не состоялось: Варенцова озаботилась состоянием дел в местном женсовете и, забыв о процедурах, ездила из деревни в деревню, с собрания на собрание.

В начале 1919 года она возвратилась в Москву, но в августе была направлена в Иваново-Вознесенск, где ее избрали секретарем губкома РКП(б).

Варенцова приехала в Иваново, когда белый генерал Мамонтов прорвал фронт и уже взял Тамбов и Козлов.

На афишных тумбах и на заборах, у проходных фабрик, на дверях районных комитетов и Советов были расклеены призывы:

«Товарищи рабочие! Пусть набатным звоном прозвучит по всем заводам, фабрикам, поселкам и квартирам:

«Деникин идет! Зверское самодержавие надвигается!» Пусть каждый, кому дорога свобода и добытые с нею в революционной борьбе права рабочего класса, спешит на защиту революции, на защиту своих прав, на защиту Советской России, вступая в ряды Красной Армии путем добровольной записи, производящейся Иваново-Вознесенским губернским комитетом Коммунистической партии (большевиков)».

25 августа 1919 года командование Южного фронта для борьбы с Мамонтовым образовало внутренний фронт, подчинив его старому большевику Михаилу Михайловичу Лашевичу.

Ивановские большевики отправили против Мамонтова, казалось, свои последние резервы, ибо партийная организация отдала тысячи бойцов на фронты против Колчака, в том числе и прославленный 220-й Иваново-Вознесенский полк — костяк 25-й Чапаевской дивизии.

Под руководством Варенцовой проходила мобилизация ивановцев на Туркестанский фронт, которым командовал Фрунзе.

И все же в октябре 1919 года, когда Деникин занял Орел и Воронеж, ивановцы нашли в себе силы провести еще одну, всеобщую партийную мобилизацию, включая и женщин-коммунисток, выразивших желание пойти на фронт.

Другой повседневной заботой Варенцовой было восстановление иваново-вознесенских текстильных фабрик. 27 сентября 1920 года первые фабрики начали работу.

В этот день в губернской иваново-вознесенской газете «Рабочий край» Варенцова писала: «...Сегодня снова оживут наши фабрики, задымятся фабричные трубы, раздастся призывный гудок, задвигаются станки, машины. Рабочие снова возвратятся на фабрики, где ранее работали, но не на старые фабрики, где царило самовластие хозяина, а на новые, пролетарские фабрики, где

будет хозяйствовать, господствовать свободный творческий труд».

Через месяц — 21 ноября 1920 года — на Московской губернской партконференции Владимир Ильич особо отметил успех иваново-вознесенских ткачей.

А осенью 1921 года Варенцову направили на работу в Истпарт.

Ей шел шестидесятый год, и она не думала, что заниматься новым делом ей придется слишком уж долго. Но судьба распорядилась иначе. Третий период ее жизни оказался не только временем осмысления, но и продолжался как время действий.

Уже в 1925 году вышла ее монография «Северный рабочий союз. 1900—1903» — книга уникальная в том смысле, что воспоминания ее автора оказались совершенно нераздельными с историческим исследованием, не просто дополняя исследование, но и являясь его важнейшей составной частью, его живой тканью. (Потом Ольга Афанасьевна еще раз издала книгу. Это произошло в 1948 году, когда ей было уже 86 лет. И никто не сказал бы, что возраст автора повлиял на новое произведение.)

Не было почти ни одного этапа в истории большевистской партии, который не стал бы предметом исследования Варенцовой.

«Возникновение «Искры» и ее работа», «Разногласия в редакции «Искры», «Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП» — далеко не полный перечень статей Ольги Афанасьевны о первых шагах партии нового типа.

«Военное бюро при Московском комитете РСДРП (большевиков)», «Из воспоминаний. Октябрьские дни в Москве» — тоже не все, что написала Варенцова о последних днях эксплуататорского строя и первых днях строя социалистического.

А между началом века и годом 1917-м — и история первой русской революции, и история стачечного движения 1912—1914 годов, и многое, многое другое.

В 1928 году Истпарт был объединен с Институтом В. И. Ленина (ныне — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В 1932 году Варенцовой была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Этот год был и годом ее семидесятилетнего юбилея.

10 июля в иваново-вознесенской газете «Рабочий край» было опубликовано письмо, направленное ей группой ее старых товарищей.

«Из семидесяти лет Вашей жизни,— говорилось в письме,— немного не полвека приходится на беззаветное, самоотверженное, непоколебимое служение пролетарской революции. Годы первой революции, годы реакции, последующего за ними нового революционного подъема, тяжкий период империалистической войны, дни Февральской революции, в эпоху Великого Октября до нынешних дней развернутого социалистического наступления Вы неизменно стоите в передовых рядах большевистской партии, ни на один миг не покидая своего революционного поста, под боевым знаменем ленинизма.

Одна из старейших большевистских организаций — иваново-вознесенская организация — с гордостью вспоминает Вас как одного из своих основателей, политических руководителей в течение ряда десятилетий революционного подполья.

Под Вашим руководством воспитались, политически выросли, закалились десятки, сотни рабочих-большевиков, которые ныне принимают активное, деятельное участие в строительстве социалистического общества».

И далее шли подписи: Постышев, Бубнов, Киселев, Любимов, Самойлов, Гандурин, Торохов, Зеликсон-Бобровская, Жиделев, Кудряшов, Коротков...

Это были ее «партийные дети и внуки», как она говорила.

Думала ли она тогда, что пройдет совсем немного лет и лучших из них — Постышева, Бубнова, Киселева, Любимова — расстреляют, а многих других на долгие годы бросят в тюрьмы и лагеря?

И ей будет суждено пережить многих из них...

Она умерла 22 марта 1950 года.

Балязин В. Н., Морозова В. А.

Б21 Настанет год...: Повесть об ОльгеВаренцовой.— М.: Политиздат, 1989.—299 с.: ил.— (Пламенные революционеры).

ISBN 5—250—00418—0

Б $\frac{0503020300-106}{079(02)-89}$ 174—89 ББК 84Р7+66.61(2)8

ВОЛЬДЕМАР НИКОЛАЕВИЧ БАЛЯЗИН,
ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА МОРОЗОВА

НАСТАНЕТ ГОД...

ПОВЕСТЬ ОБ ОЛЬГЕ ВАРЕНЦОВОЙ

И. о. зав. редаицией *В. Е. Вучетич*
Редактор *А. П. Пастухова*
Младший редаитор *М. В. Водолагина*
Художиии *В. С. Арутюнов*
Художествеиный редаитор *В. И. Терещенко*
Техиические редакторы *Л. К. Уланова, Т. А. Новикова*

ИБ № 2825 Документально-художественное издание

Сдано в набор 29.11.88. Подписано в печать 13.03.89
А 02923 Формат 70×108$^1/_{32}$. Бумага типографская № 1
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ л 13.91 Усл кр.-отт. 17,06. Уч.-изд. л. 13,64
Тираж 100 000 экз. Заказ № 581. Цена 1 р 10 к

Политиздат
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл 7

Типография изд-ва «Уральский рабочий»
620151, г Свердловск, пр. Ленина, 49

В серии «Пламенные революционеры»
в 1990 году **выйдут**
следующие книги:

Лидия Либединская

«Боритесь за свободу!»

Повесть об Александре Цулукидзе,
участнике революционного движения
в Закавказье, большевике

Леонид Лиходеев

«Поле брани»

Повесть о Николае Бухарине,
видном политическом деятеле и теоретике партии,
участнике революции 1905—1907 гг.
и Октябрьского вооруженного восстания
в Москве, редакторе «Правды»

Игорь Тарасевич

«Примирения нет»

Повесть о Дмитрии Писареве,
революционном демократе,
философе-материалисте, публицисте,
литераторе, критике

Натан Эйдельман

«Первый декабрист»

Повесть о Владимире Раевском,
одном из первых русских революционеров,
поэте, друге Пушкина

Магомед-Султан Яхъяев

«В полдневный жар»

Повесть о Д.-Э. Коркмасове,
дагестанском революционере,
борце за установление
Советской власти в Дагестане

